

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 6 2022 (ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

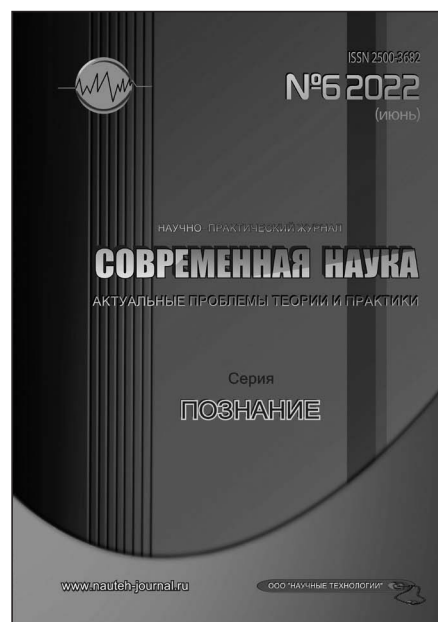
Подписано в печать 23.06.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №6 (июнь) 2022 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Акоева Н.Б., Коренной А.С. – Коммодификация культуры: к постановке проблемы
Akoeva N., Korennoi A. – Commodification of culture: towards the formulation of the problem 5

Ван Синьсинь, Чжан Ян – Народная культура Хэйлунцзяна на международном пространстве
Wang Xinxin, Zhang Yang – Heilongjiang folk culture in the international space 9

Якушина Н.П. – NFT-токены в системе культурных ценностей в пространстве современного арт-рынка
Yakushina N. – NFT tokens in the system of cultural values in the space of the modern art market 14

Ян Лю, Лежнева Т.М. – История становления искусства концертмейстера
Yang Liu, Lezhneva T. – The history of formation of the art of the accounting main 17

Психология

Архангельская Н.В. – Социально-психологические детерминанты возникновения доверия
Arkhangel'skaya N. – Socio-psychological determinants of the emergence of trust 20

Баник Э.И. – Дифференциация уровня социальной тревожности по шкале Либовица у пациентов с параноидной и иными формами шизофрении
Banik E. – Differentiation of the level of social anxiety on the Libowitz scale in patients with paranoid and other forms of schizophrenia 25

Гриньков А.Ю. – Ценностные ориентации в современном российском обществе
Grinkov A. – Alue orientations in modern Russian society 30

Донская О.А. – Специфика представлений о счастье в структуре обыденного сознания людей разных возрастных групп

Donskaya O. – Specificity of ideas about happiness in the structure of ordinary consciousness of people of different age groups 34

Зайцева И.Б., Козлов В.В. – Выбор преобладающей стратегии поведения в процессе разрешения конфликтной ситуации у представителей различных социальных групп
Zaytseva I., Kozlov V. – Choice of the leading behavior strategy in resolving a conflict situation of respondents from various social groups 39

Каяшева О.И. – Экзистенциальные аспекты переживания страха смерти больными с рассеянным склерозом
Kayasheva O. – Existential aspects of experiencing the fear of death in patients with multiple sclerosis 47

Круг Э.А., Федюкова Н.В., Ермоченко А.И. – Влияние цифровых устройств на поведение, здоровье и эмоциональное состояние обучающихся: теоретический аспект
Krug E., Fedyukova N., Ermochenko A. – Impact of digital devices on the behavior, health and emotional state of students: theoretical aspect. 53

Мисбахова А.Г., Галимянов И.Д. – Психологическая адаптация иностранных студентов
Misbakhova A., Galimyanov I. – Psychological adaptation of foreign students 60

Ожигова Л.Н., Потапенко В.К. – Ценностные ориентации структуры личности кандидатов на службу в МВД, имеющих склонность к проявлению девиантных форм поведения в виде склонности к совершению суицидальных действий
Ozhigova L., Potapenko V. – Value orientations of the personality structure of candidates for service in the department of internal affairs who have a tendency to manifest deviant behaviors in the form of a tendency to commit suicidal actions 64

Сиразиева Т.Е. – Антиципационные особенности психической деятельности у пациентов с онкологическими заболеваниями
Sirazieva T. – Anticipation features of mental activity in patients with oncological diseases 69

Тужба Т.Е., Сизаева В.Э., Дроздова И.А. – Степень выраженности характера в акцентуации <i>Tuzhba T., Sizaeva V., Drozdova I.</i> – The degree of character's expressiveness in accentuation	74
Хакимова М.Р. – Связь интеллекта и мотивации с пониманием учебного материала у младших школьников <i>Khakimova M.</i> – The relationship of intelligence and motivation with the understanding of educational material in junior schoolchildren	78
Шматова Е.В. – Основные особенности характера, оказывающие отрицательное влияние на целостную самореализацию личности <i>Shmatova E.</i> – The main features of the character, negatively affecting the holistic self-realization of the personality	83
Янчиков В.Н. – Психосоматика аллергии: эмоциональная аллергия <i>Yanchikov V.</i> – Psychosomatic allergy: emotional allergy	87
Философия	
Божедаров Д.А., Рузманов А.А. – Определение топоса сетевой медиакоммуникации в парадигме константных структур <i>Bozhedarov D., Ruzmanov A.</i> – Definition of the network media communication topos in the paradigm of constant structures.	91
Бросова Н.З. – Метафизика идентичности на фоне «железного занавеса». Философы и политики о судьбах Европы в 20 веке <i>Brosova N.</i> – Metaphysics of identity against the backdrop of the "Iron Curtain". Philosophers and politicians about the fate of Europe in the 20th century	95
Варакина М.И., Трофимова Е.С., Бобыкина Т.А. – Проблема трансформации экологической культуры Китая XX века как неотъемлемой части нового экологически-нравственного общества <i>Varakina M., Trofimova E., Bobykina T.</i> – The problem of transformation of China's ecological culture of the XX century as an integral part of a new ecological and moral society	99
Елдин М.А., Болмусов П.А. – Новая западная религиозность, этика Д. Бонхеффера и религиозно-нравственные традиции российского социума <i>Eldin M., Bolmusov P.</i> – The new Western religiosity, the ethics of D. Bonhoeffer and the religious and moral traditions of Russian society.	105
Паршикова Г.В. – Философское осмысление концепции сознания посредством конвергенции постулатов квантовой физики и синергетики <i>Parshikova G.</i> – The problem of consciousness and the postulates of quantum mechanics.	111
Протасов С.Ю. – Фейк-ньюс и постправда в социальных сетях как неизбежное явление эпохи симулякров <i>Protasov S.</i> – Fake news and post-truth in social networks as an inevitable phenomenon of the age of the simulacrums	113
Седельников М.В. – Научно-технический прогресс в современной России: социальные и политические перспективы <i>Sedelnikov M.</i> – Scientific and technical progress in modern Russia: social and political prospects . . .	117
Скопа В.А., Ан С.А. – Трансформация семейных ценностей в истории русской философской мысли <i>Skopa V., An S.</i> – Transformation of family values in the history of Russian philosophical thought . . .	122
Фетисова Е.Н. – Архетипичность русского рока <i>Fetisova E.</i> – The archetypicality of Russian rock . . .	126
Филатов В.В. – Цивилизационный подход к проблеме культурной самоидентификации населения Калининградской области <i>Filatov V.</i> – Civilizational approach to the problem of cultural self-identification of the population of the Kaliningrad region	131
Информация	
Наши авторы. Our Authors.	135
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	137

КОММОДИФИКАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

COMMODIFICATION OF CULTURE:
TOWARDS THE FORMULATION
OF THE PROBLEM**N. Akoeva**
A. Korennoi

Summary: The article considers the commodification of culture as a process of alienation of the essence of an artifact, represented by a unique figurative and semantic content, from its existence. According to the legacy of K. Marx, commodification can be carried out provided that the market price system considers an item created by personal or collective labor and was not previously a commodity. However, in modern reality, commodification is understood as the process of turning any object, be it a historical or cultural artifact, a symbol, an *eidōs*, into a market commodity that is subject to exchange for something that has an expression in monetary terms. This conclusion was made by Western scientists J. Nah, S. Mayhew. The reasons for the calculation of cultural objects are modern researchers, S. Leys and B. According to Harriss-White, there is an increase in demand for goods and services in the conditions of stratification of the public sphere, a decrease in financing of various projects by the state, the development of private investment that does not meet the challenges of modernity, the emergence of legally potential corporate partners, increased competition between commercial and non-profit organizations. As a result, commodification is considered as a consequence of the commodification of the social system as a whole, the signs of which include Western European projects of combining culture with marketing innovations and government strategies. In addition to real objects of cultural space, objective factors, expressed by norms, are subjected to commodification, which are considered as goods necessary for exchange, the development of economic bargaining, the creation of identity. Accepted in the Western tradition, the understanding of a person as a biosocial being with psychophysiological needs in need of satisfaction inevitably leads to a reduction and minimization of the value structure of his consciousness. As a consequence, the spiritual and moral content that determines the value of the cultural space is being emasculated, it is being reduced to the level of a commodity that has a demand and a price, which, unfortunately, is not able to adequately express the continuum-semantic uniqueness of the objects that make up it. The pricing policy in the sphere of culture subject to commodification processes, studied on the basis of the classical heritage according to the economic theory of A. Marshall, confirms this conclusion. In addition, it should be noted that the increase in the price, which is able to adequately express the absolute value of the cultural object, is of a formal nature, based on the commodity relations of purchase and sale.

Keywords: commodification, culture, commodity, market, calculation, commodification, pricing policy, alienation, essence, spirituality, value, price.

Акоева Наталья Борисовна*Д.и.н., профессор, Краснодарский государственный
институт культуры
akoeva_nata@mail.ru***Коренной Александр Сергеевич***Соискатель, Краснодарский государственный
институт культуры
akorennoi@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается коммодификация культуры, как процесс отчуждения сущности артефакта, представленной уникальным образно-смысловым содержанием, от его существования. Согласно наследию К. Маркса, коммодификация может осуществляться при условии, если в системе рыночных цен рассматривается предмет, созданный личным или коллективным трудом и ранее не являвшийся товаром. Однако в современной действительности коммодификация понимается как процесс превращения любого объекта, будь то исторический или культурный артефакт, символ, *эйдос*, в рыночный товар, который подлежит обмену на что-то, имеющее выражение в денежном эквиваленте. Такой вывод сделали западные ученые Дж. Нах, С. Мэйхью. Причинами калькуляции предметов культуры современные исследователи, С. Лейс и Б. Харрисс-Уайт, называют увеличение спроса на товары, услуги в условиях стратификации общественной сферы, снижение финансирования различных проектов со стороны государства, несоответствующее вызовам современности развитие частного инвестирования, возникновение юридически потенциальных корпоративных партнеров, увеличение конкуренции между коммерческими и некоммерческими организациями. В итоге коммодификация рассматривается как следствие товаризации социальной системы в целом, к приметам которой можно отнести западно-европейские проекты соединения культуры с маркетинговыми инновациями и государственными стратегиями. Кроме реальных предметов культурного пространства, коммодификации подвергаются объективные факторы, выраженные нормами, которые рассматриваются в качестве товара, необходимого для обмена, развития экономического торга, создания идентичности. Принятое в западной традиции понимание человека как биосоциального существа, обладающего психофизиологическими потребностями, нуждающимися в удовлетворении, неизбежно ведет к сокращению и минимизации ценностной структуры его сознания. Как следствие происходит выхолащивание духовно-нравственного содержания, определяющего ценность пространства культуры, низведение ее до уровня товара, имеющего спрос и цену, которая, к сожалению, не способна выразить адекватно континуально-смысловую уникальность предметов, ее составляющих. Ценовая политика в сфере культуры, подверженной процессам коммодификации, изученная на основе классического наследия по экономической теории А. Маршалла, подтверждает данный вывод. Кроме того, необходимо отметить, что повышение цены, которая способна адекватно выразить абсолютность ценности предмета культуры, носит формальный характер, основанный на товарных отношениях купли-продажи.

Ключевые слова: коммодификация, культура, товар, рынок, калькуляция, товаризация, ценовая политика, отчуждение, сущность, духовность, ценность, цена.

Словосочетание «коммодификация культуры» в своей смысловой сущности обладает противоречивостью. Понятие коммодификация возникло от английского «commodity» – товар, такого термина, который в усложненной форме языка трансформировался до «commodify» – обращать в товар, а затем уже перешло в отглагольное существительное «commodification» – обращение в товар чего-то (кого-то). Можно сказать, что коммодификация – это процесс товаризации любого предмета, явления, превращение его в товар, который обладает ценовой, рыночной стоимостью. В философско-экономическом наследии К. Маркса, представленном в его произведении «Капитал», записано: товаром является то, что создано в результате трудовых усилий человека, коллектива людей и обладает потребительской ценой, которая характеризует либо процесс продажи, либо обмена на рынке сбыта. Согласно философу-экономисту, коммодификация осуществляется при условии, если в системе рыночных цен рассматривается предмет, ранее не выступавший в качестве товара и, как следствие, не имевший потребительской стоимости. Необходимо подчеркнуть, что Маркс был убежден в недопустимости применения коммодификации на предметы, не созданные в производственной деятельности человека, например, природные и трудовые ресурсы, то есть неотчуждаемые блага.

Однако на современном этапе развития социально-экономических отношений процесс коммодификации характеризует внедрение потребительски-коммерческой деятельности в пространство таких сфер жизни, которые до недавнего времени были далеки от оценочного контроля рыночной системы [10, р.130]. В частности, в статье С. Мэйхью, опубликованной в Оксфордском Географическом словаре, коммодификация понимается в качестве превращения любого объекта, будь то исторический или культурный артефакт, символ, эйдос в рыночный товар, который подлежит обмену на что-то, имеющее выражение в денежном эквиваленте [8].

Примечательно, что товаром на сегодняшний день являются объекты из области политики, медицины, образования: можно выставить на аукцион телевизионного шоу мировоззрение, политические идеи, можно установить цены на качество жизни, на органы или части тела, на смерть. Процессы коммодификации характеризуют отношения в семье, к личности человека, к детству. В таком социальном институте как Церковь происходит коммерческая оценка сакрального пространства, ритуальных средств и предметов культа. Анализируя распространение коммодификации на инициативы некоммерческого способа производства, зарубежные авторы выявляют факторы, которые характеризуют этот процесс. В частности, говорится об увеличении спроса на товары, услуги в условиях стратификации общественной сферы, снижение финансирования различных

проектов со стороны государства, несоответствующее вызовам современности развитие частного инвестирования, возникновение юридически потенциальных корпоративных партнеров, увеличение конкуренции между коммерческими и некоммерческими организациями [7].

Понятие же культура, входящее в состав рассматриваемого словосочетания, имеет много значений, поэтому исследования, посвященные коммодификации этого творческого пространства деятельности человека, выявляют различные цели, формы, содержания этого процесса в структуре жизненного опыта. Согласно учению Э.Б. Тайлора, культура является понятием комплексным, содержащим «знания, верования, искусство, мораль, закон, обычаи и другие возможности и привычки, приобретенные человеком, как членом общества» [2, с. 26]. Опираясь на наследие Э. Тайлора, такие исследователи, как А. Крёбер и К. Клакхон, изучившие 162 определения понятия культуры, пришли к выводу, что «культура состоит из эксплицитных и имплицитных паттернов поведения, передаваемых с помощью символов, представляющих особые достижения групп людей, включая их воплощение в артефактах; особый смысл культуры состоит в традиционных идеях и, особенно, в сопутствующих им ценностях. Культурные системы могут, с одной стороны, восприниматься как результаты действий, а, с другой стороны, как условия для дальнейших действий» [6, р. 181].

На основе данного определения современные ученые считают, что паттерны поведения, символы, артефакты представляют собой внешние аспекты культурного пространства, в силу этого они являются объективными факторами ее существования и развития. Ценности, верования, нормы поведения рассматриваются в качестве внутренних аспектов культуры, следовательно, принимаются как факторы субъективные [4]. Э. Берч, проведя комплексные исследования, сформулировал определение, согласно которому культура представляет собой коллективную форму мышления, отличающую одну группу личностей от другой. В «циклической модели культуры» Берча ядром общественно-рациональной сферы мышления является система ценностей, которая детерминирует единство всех составных частей, присутствуя в каждой из них, и оказывает влияние на содержание, необходимое для решения конкретных проблем. Каузальные связи, соединяющие в целостную систему ценности, верования, нормы, выбор, поведение образуют культуру локальной группы. Указанная общественно-коллективная форма мышления распространяется от постоянных участников группы к новым [4].

Возвращаясь к термину «коммодификация культуры», необходимо вспомнить наследие Т. Адорно, который утверждал, что этот процесс характеризует производство рыночного пространства культуры. Исследователь

рассматривал индустрию этой творческой сферы в качестве инструмента, который отсекает видимые, внешние аспекты культуры от ее имплицитного смыслового содержания и связывает их с потребительской логикой потребления, формируя определенный рынок сбыта [3, р.12-19]. В связи с процессами коммодификации на современном этапе ученые говорят о трансформации объективных факторов культуры – норм, которые рассматриваются в качестве товара, необходимого для обмена, развития экономического торга, создания идентичности [13, 14].

Анализируя причины появления коммодификации в культурной среде, исследователи считают это явление следствием товаризации социальной системы в целом, к приметам которой можно отнести западно-европейские проекты соединения культуры с маркетинговыми инновациями и государственными стратегиями [11]. Еще одним фактором коммодификации локального пространства культуры западные авторы указывают процессы глобализации, расширение государственных границ, в том числе за счет развития туристического бизнеса, что способствует возникновению такого феномена как «туристическое искусство» [5]. Подводя итог характеристике истоков коммодификационных процессов, необходимо подчеркнуть, что понимание жизни человека как совокупности факторов, нацеленных на удовлетворение психофизиологических потребностей, неизбежно ведет к сокращению и минимизации ценностной структуры сознания и, как следствие, к выхолащиванию духовно-нравственного содержания в пространстве культуры, низведение ее до уровня товара, имеющего спрос и цену, которая, к сожалению, не способна выразить адекватно континуально-смысловую уникальность предметов, ее составляющих.

Если говорить о ценовой стратегии культуры, подверженной процессам коммодификации, то таковая сохраняет базовый экономический подход, зафиксированный в трудах А. Маршалла – родоначальника современной теории. Согласно этому подходу, любое благо, ориентированное на удовлетворение потребностей человека, может быть измерено или калькулируемо. При этом, как пишет Л. Вальрас, «нравственная сторона потребностей, требующих удовлетворения при помощи полезных благ,

не должна приниматься во внимание. Пусть другие беспокоятся о том, по каким причинам врач лечит своих пациентов, а убийца отравил семью. Мы же, напротив, к этому абсолютно равнодушны» [цит. по: 9, р. 40]. Другими словами, сфера смысла, которая раскрывается человеку в процессе нравственного переживания объективных факторов культуры (артефактов, символов и т.п.), как писал Т. Адорно, отсекается, не учитывается при оценивании.

По утверждению О. Вельтуса, «экономисты, изучающие культуру, на многочисленных примерах доказали, что экономическое поведение художников, коллекционеров, торговцев произведениями искусства, ничем не отличается от поведения участников любого другого рынка. Неважно, насколько уникален продаваемый товар, рынок искусства – это не что иное, как просто рынок, где индивидуальные акторы действуют рационально ради максимизации полезности» [1, с. 37]. Безусловно, что процесс товаризации культуры при таком подходе будет регулироваться действиями сил спроса и предложения без учета ценностно-смыслового контекста того или иного предмета. Хотя представления о том, что «вечные ценности» являются «нерелевантными», то есть абсолютными, встречаются в так называемой «коммодифицированной концептуальной схеме», предложенной Л. Роббинсом и Г. Бэкером. Согласно этой схеме, как пишет М. Рэдин, благо, обладающее наибольшей ценностью, имеет и высшую цену. Стало быть, в современной экономической теории или не выявляется различие между ценностью и ценой, или цена характеризует абсолютное проявление ценности [12, р. 8–9].

Таким образом, и ценовая политика в сфере культуры, подверженной процессам коммодификации, отражает отчуждение от ценностно-смысловой континуальности ее предметов, обладающих уникальным духовным содержанием, раскрывающимся только в переживаниях нравственного характера, которые невозможно калькулировать в рыночных ценах. Стремление же к повышению цены, которая способна адекватно выразить абсолютность ценности предмета культуры, носит формальный характер, основанный на товарных отношениях купли-продажи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вельтус О. Символические значения цены: конструирование ценности современного искусства в галереях Амстердама и Нью-Йорка (перевод Е.С. Бердышевой) // Экономическая социология Т. 9. № 3. Май 2008. С. 33–60.
2. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., «Издательство политической литературы», 1989.
3. Adorno, T. Culture industry reconsidered // New German Critique. 1975. № 6. P. 12 – 19.
4. Bertsch, A. Representing the Concept of Culture: Has the Time Come to Replace the Layered Onion? // Oxford Journal: An International Journal of Business & Economics. 2013. №8(2). P.125.

5. Kristen K.S., Dallen J.T. Souvenirs: Icons of meaning, commercialization and commoditization. // *Tourism Management*. 2012. №33. P.489 – 499.
6. Kroeber A.L. and Kluckhohn C. Culture: a Critical Review of Concepts and Difications // *Papers peabody Mus.*, 1952, 47, N 1.
7. Leys, C. & Harriss-White, B. Commodification: the essence of our time [electronic resource]. Electronic data. UK, cop. 2012. URL: <https://www.opendemocracy.net/ourkingdom/colin-leys-barbara-harriss-white/commodification-essence-of-our-time>
8. Mayhew, S. A Dictionary of geography [electronic resource]. Electronic data. Oxford University Press, cop. 2015. URL: <http://proxylibrary.hse.ru:2346/view/10.1093/acref/9780199680856.001.0001/acref-9780199680856-e-3787?rskey=zf3pey&result=1>
9. Mossetto G. *Aesthetics and Economics*. Dordrecht: Kluwer, 1993.
10. Nash, J. Global Integration and the Commodification of Culture. // *Ethnology*. 2000. № 39(2). P.129 – 131.
11. Pyykkönen, M. UNESCO and cultural diversity: democratisation, commodification or governmentalisation of culture? // *International Journal of Cultural Policy*. 2012. №18(5). P. 545 – 562.
12. Radin M.J. *Contested commodities*. Cambridge: Harvard University Press, 1996.
13. Su, X. Commodification and the selling of ethnic music to tourists. // *Geoforum*. 2011. № 42. P. 496 – 505.
14. Thrift, N. Commodity. In *The Dictionary of Human Geography* / ed. Johnston, R.J., Gregory, D., Pratt, G., Watts, M. Malden: Blackwell, 2000. 1052 p.

© Акоева Наталья Борисовна (akoeva_nata@mail.ru), Коренной Александр Сергеевич (akorennoy@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ХЭЙЛУНЦЗЯНА НА МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

Ван Синьсинь

Преподаватель, Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, Китай

Чжан Ян

Библиотекарь, Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, Китай

1684929245@qq.com

HEILONGJIANG FOLK CULTURE IN THE INTERNATIONAL SPACE

**Wang Xinxin
Zhang Yang**

Summary: In the context of the economic development strategy for the organization of global cooperation «One Belt – One Road» initiated by the People's Republic of China, new trends are emerging to familiarize foreign partners with the national material and spiritual values of Heilongjiang. On the one hand, the Silk Road will facilitate the exchange of Chinese cultural experience with foreign businessmen and guests of the province, and on the other hand, this factor will help to increase the influence of folk art on foreign recipients. However, in the process of organizing the policy of promoting a unique identity, certain difficulties arise that hinder its full development, which detracts from its significance.

This article includes a theoretical analysis and synthesis of scientific content on the identified issues, outlines the current problems of familiarizing foreign guests of the province with the spiritual ideals of Heilongjiang, identifies the reasons preventing successful cultural exchange implemented through the prism of international cooperation. The study focuses on identifying ways to build relationships between residents of Heilongjiang and its foreign speakers within the framework of the «One Belt, One Road» project, which allow for the effective integration of this folk culture into the world space.

Keywords: Heilongjiang, folk culture, intercultural communication, Silk Road, China, «One Belt – One Road».

Аннотация: В контексте стратегии экономического развития по организации глобального сотрудничества «Один пояс – один путь» сыницированного Китайской Народной Республикой, возникают новые тенденции ознакомления зарубежных партнёров с народными материальными и духовными ценностями Хэйлунцзяна. С одной стороны, «Шёлковый путь» будет способствовать обмену культурным опытом китайцев с иностранными бизнесменами и гостями провинции, а с другой – указанный фактор станет содействовать увеличению влияния произведений народного характера на зарубежных реципиентов. Однако в процессе организации политики продвижения уникальной самобытности возникают определённые трудности, препятствующие её полноценному развитию, что умаляет её значимость.

Данная статья включает в себя теоретический анализ и синтез научного контента по обозначенной проблематике, излагает текущие проблемы ознакомления иностранных гостей провинции с духовными идеалами Хэйлунцзяна, определяет причины, препятствующие успешному культурному обмену, реализуемому сквозь призму международного сотрудничества. Исследование фокусируется на определении путей выстраивания взаимоотношений жителей Хэйлунцзяна и её инофонов в рамках проекта «Один пояс – один путь», позволяющих эффективно осуществлять интеграцию данной народной культуры в мировое пространство.

Ключевые слова: Хэйлунцзян, народная культура, межкультурное общение, шелковый путь, Китай, «Один пояс – один путь».

Введение

«Мягкая сила» культуры Китая, которая «базируется на культивировании привлекательности нравственных идеалов и позитивных примеров образа жизни, сложившихся в той или иной культуре» [1, с. 268], стала прецедентом международной конкуренции. 18-й Всекитайский съезд партии 2012 г. в качестве стратегической задачи определил «выход культуры на международный уровень». Основные цели данной концепции – усиление культуры как «мягкой силы» страны, продвижение китайской культуры во всем мире, интеграция культуры Китая в мировое пространство и

усиление её влияния во всем мире.

Частью выдающейся культуры Китая являются обычаи и традиции страны, созданные и унаследованные жителями государства, нации или региона. Ее распространение позволяет демонстрировать культурное разнообразие, укреплять национальное чувство признания и народный дух, формировать национальный характер. Провинция Хэйлунцзян также имеет характерные именно для данного региона обычаи и нравы, поэтому ее глобальное продвижение, несомненно, продемонстрирует миру красочную и разнообразную китайскую культуру, которая имеет большое значение для стратегии разви-

¹ Специальный проект фонда операционных расходов фундаментальных научных исследований по основным предметам высшего учебного заведения Хэйхэского университета провинции Хэйлунцзян в 2021 году «Исследование стратегии перевода при внешней пропаганде народной культуры провинции Хэйлунцзян в контексте предложения «Одного пояса, Одного пути» (серийный номер: 2021-KYYWF-0729), финансирование. Председатель проекта: Ван Синьсинь.

тия провинции Хэйлунцзян.

Особенности народной культуры Хэйлунцзяна

А) «Ледяное искусство». Из-за специфики климата Хэйлунцзяна, где зимой очень сухо и часто лютые морозы, а также повсюду много снега, этническим меньшинствам народов Хэйлунцзяна, проживающим в провинции, приходится заниматься различными видами спортивной деятельности, которые помогают укреплять здоровье, тело и выносливость. Объекты изо льда и снега в сфере культурного досуга являются народной забавой Хэйлунцзяна. У маньчжур существует множество видов спорта, в числе которых: хоккей на льду, катание на коньках, футбол на льду, санный спорт, фигурное катание, ледовая акробатика, танцы, конькобежный спорт и т.д. Ледовые и снежные виды спорта других этнических меньшинств также оригинальны и разнообразны [3]. Однако за долгие годы первоначальные проекты «Культуры льда и снега», а также другие ледовые проекты, постепенно были упразднены. При этом, Харбинский международный фестиваль снежных и ледяных скульптур и искусство ледяных пейзажей являются самыми популярными туристическими достопримечательностями в Хэйлунцзяне.

Б) Культура питания. «С 90-ых годов XX в. провинция занимает лидирующие позиции в КНР в производстве экологически чистых продуктов питания» [7, с. 37]. Уникальная культура питания Хэйлунцзяна тесно связана с образом жизни предков этнических меньшинств. Монгольские и даурские этнические группы за хозяйственную основу взяли кочевое скотоводство. Монгольский народ использует говядину и баранину, а также молочную и кисломолочную продукцию в качестве таких основных блюд и их ингредиентов, как жаренная баранина, вяленое мясо, тушеное мясо в молочном чае и т.д. Китайские корейцы и маньчжуры в основном занимаются земледелием и употребляют в пищу рис, лапшу, фрукты и овощи. Маньчжуры часто используют более десяти видов злаков и орехов для приготовления праздничной каши из риса и бобов. Китайские корейцы используют клейкий рис и пшено для приготовления запеканок и холодной лапши, готовят всякие маринады и разносолы, а также используют соевую пасту, ферментированные соевые бобы и перец для терияки и приготовления пасты из перца. Орочны и нанайцы в основном занимаются рыбной ловлей и охотой. Орочны используют деревянные палки и охотничьи ножи для приготовления жареного мяса, в то время как нанайцы любят есть сырую пищу (например, талу из свежей сырой рыбы). Помимо говядины и баранины, народ даур употребляет в пищу, в качестве основного продукта, гречневую крупу.

Харбин является четвертой по величине и самой древней пивоварней Китая, а также считается родиной

китайского пива.

В) Культурно-досуговые обычаи. Обрядовые игры, народные танцы и песни являются основой досуга провинции: янгэ (форма китайского народного танца [5, с. 87]) и танцевально-песенные дуэты стали основным видом культурного времяпрепровождения. В Хэйлунцзяне, как в сельской местности, так и в городах, когда проводятся праздники или другие культурно-досуговые мероприятия, давние художественные традиции народного искусства включают песенные и танцевальные представления. «Такой уникальный стиль и особенности движений выражают эстетические привычки народа северо-востока Китая» [5, с. 87].

Интеграция народной культуры Хэйлунцзяна в международное пространство

Согласно анализу и синтезу материалов о народе Хэйлунцзяна, немало ученых из научного сообщества проводят научные исследования и форумы по исследуемой проблематике более 20 лет [10; 7]. В последние годы значительно увеличилось количество литературы о народной культуре провинции. Однако в настоящее время большинство исследований, проводимых внутри страны, сосредоточено на развитии туристических ресурсов, поэтому существует нехватка работ в других областях. Кроме того, редко можно найти в Интернете китайско-английский или китайско-русский переводы материалов на тему народной культуры Хэйлунцзяна. Основные причины данного явления включают в себя следующие факторы:

А) Проблематика распространения хэйлунцзянской культуры. В Хэйлунцзяне существует большое количество разновидностей народных обычаев, содержание которых включает материальный, социальный и духовный аспекты. Одни крупномасштабные народные культурные мероприятия подходят для выступлений на открытом воздухе; другие больше адаптированы под промышленное производство, третьи ориентированы на тематику об экспорте товаров и сувениров и т.д. Соответственно, разнообразие литературных и художественных произведений искусства, аудио, видео и другого вида контента, можно использовать для демонстрации традиционной народной культуры в таких различных форматах, как строительство домов культуры и создание этнических туристических зон. Любой способ выражения духа народа посредством искусства должен иметь единое планирование, тщательно подготовленное в корреляции с научным обоснованием, а также организован и проконтролирован авторитетным правительственным органом или ведомством. Однако в настоящее время в Хэйлунцзяне еще не создана серия специальностей по народной культуре и ее механизмов для налаживания межкультурной коммуникации.

Б) Внешняя культурная политика Хэйлунцзяна.

Продвижение и пропаганда народной литературы и искусства Хэйлунцзяна должны быть реализованы совместными усилиями правительственных органов всех уровней, зарубежными театральными организациями, музеями народной культуры и владельцами достопримечательностей, а также соответствующими культурными организациями. Одностороннего государственного управления и пропаганды далеко недостаточно. Однако в контексте современного социального фона, гражданское общество недостаточно осознает важность оперативности и целесообразности распространения народной культуры, не придает ей большого значения и не рассматривает ее глобальной и долгосрочной перспектив. Как следствие, активно не сотрудничают с местными органами власти в целях содействия распространения народной культуры и не стимулируют ей распространение [8].

В) Государственная поддержка внешнего продвижения культуры.

Самой мощной гарантией внешнего продвижения народной культуры является полноценная политическая поддержка. После 18-го съезда партии 2012 г., чтобы адаптироваться к новой обстановке, с которой столкнулся Китай, был предложен стратегический план «выхода за границу» китайской культуры, что спровоцировало рост количества соответствующих документов по культурной коммуникации. Си Цзиньпин отметил в докладе 19-го съезда партии, что: «Важно наращивать потенциал в сфере международных коммуникаций, уметь повествовать о событиях китайской жизни, правдиво, многомерно и всесторонне раскрывать Китай, наращивать культурную «мягкую силу» Китая» [6]. В контексте предложения концепции «Один пояс – один путь» и эпохи, когда китайская культура «вышла за границу», следует укреплять гуманитарные обмены с зарубежными странами. Также нужно установить политический курс, соответствующий местной действительности и направленности, иметь комплексное и единое планирование стратегии «выхода за границу» местной народной культуры, а также полностью задействовать энтузиазм и инициативу представителей всех слоев общества в углублении межберегового экономического сотрудничества и культурного обмена с другими странами и распространении ценностного потенциала народной культуры Хэйлунцзяна. В том числе, постоянно укреплять интенсивность внешнего распространения культуры, межцивилизационный обмен и связи Хэйлунцзяна с другими странами, а также её продвигать за границей, т.е., выходя на мировую арену.

Пути интеграции народной культуры Хэйлунцзяна в международное пространство в контексте стратегии «Один пояс – один путь»

Хэйлунцзян обладает обширной территорией, как

следствие, её народ создал богатые народные культурные ресурсы. Усиление международного продвижения народной культуры Хэйлунцзяна должно позволить странам по всему миру глубже понять её специфику и, тем самым, усилить поток внешних туристов, которые смогут насладиться уникальным национальным колоритом провинции. Также инофоны смогут углубиться в изучение и ознакомление богатого и многообразного местного фольклора, оценить изящество искусства и обширные, богатые земли, а также национальный колорит Хэйлунцзяна. Данный фактор поможет агрегировать информацию теоретических руководств по развитию культурно-туристической индустрии Хэйлунцзяна и будет способствовать переводу материалов по народной культуре для внешней пропаганды [4]. Ценностные составляющие глобального распространения народной культуры Хэйлунцзяна включают в себя следующие два пункта.

(1) Целесообразность адекватного перевода литературных источников о народной культуре Хэйлунцзяна

Хэйлунцзян расположен на северо-восточной границе и представляет собой большую многонациональную провинцию с многовековой историей и культурой, с простыми и яркими народными обычаями, а также оригинальными и изящными изделиями ручной работы. Благодаря своему уникальному географическому положению и образу жизни в Хэйлунцзяне сформировались уникальные народные традиции. Маньчжуры, дауры, орочны и эвенки, живущие в провинции, по-прежнему сохраняют многие отличительные черты своих предков, и их исключительные национальные особенности, первобытные методы и привлекающие культурные особенности [10]. Различные этнические и культурные особенности породили уникальное народное искусство. Например, традиционные свадебные обычаи дауров, фестиваль катания на льду (滚冰节), роспись тростника, роспись пера, роспись пшеничной соломы, художественное вырезание из бумаги, настенные картинки из бересты, одежда и украшения из рыбьей кожи, украшения из костей животных, ледяные фонари, снежные скульптуры и т.д.

В современном обществе, движимом глобализацией, все страны тесно связаны, их обмены в экономических, политических, культурных, образовательных, научных и технологических областях продолжают углубляться, а спрос постоянно увеличивается. Развитие разных регионов, разных стран и разных этнических групп тесно взаимосвязано. С непрерывным повышением уровня жизни людей также увеличивается осведомленность людей о культурном многообразии. Если не получится изменить положение народной культуры и не удастся способствовать её распространению, уникальная на-

родная культура Китая, возможно, будет ассимилирована в процессе межкультурных обменов, что разрушит её нынешнее сбалансированное положение и будет препятствовать становлению и развитию традиционных культур народов Хэйлунцзян. Если культура не будет признана и принята, то не может быть осуществлено ее распространение, и она столкнется с риском быть искорененной другими культурами. В настоящее время, с повышением уровня экономики провинции Хэйлунцзян и развитием характерной индустрии ледового и снежного туризма, привлекается множество международных соревнований и международных ярмарок, в особенности, приглашаются для участия международные соревнования на льду и снегу. Непрерывное развитие фольклорных обменов с другими странами также требует повышения уровня перевода народной культуры. Требования к переводу источников о народной культуре непрерывно повышаются, а уровень распространения народной культуры в Хэйлунцзяне должен быть повышен максимально быстро, чтобы соответствовать спросу экономического развития и культурного наследия страны.

(2) Культурный фон социальной жизни и исторических событий Хэйлунцзяна

Народные обычаи – это одновременно и реальное изображение жизни людей, и норма их поведения. Язык – это, в большей степени, важный способ выражения культуры. Разные этнические группы, страны, культурный фон, система ценностей, склад ума, образ жизни и религиозные убеждения различны, а взгляды людей на вещи и методы их выражения не совсем одинаковы. Это отражает культурные различия и разнообразие человеческого общества, и, объективно говоря, в определенной степени способствует развитию человечества. Именно такого рода всесторонность привела к появлению дисциплины перевода. Суть перевода – это процесс искусственной трансформации языка в совершенно другой язык и стремление к единству при передаче информации. Перевод должен следовать принципу «доверия, достижения цели и корректности» [2]. Однако, как точно выразить народную культуру, содержащуюся в языке, и расширить ее значение, при точном переводе выражения народных обычаев? Переводчику необходимо прочувствовать местную народную культуру, понять её истинный смысл и уловить культурные различия между двумя странами, чтобы её грамотно интерпретировать и транслировать [9]. Поэтому переводчик должен не только объяснить читателю эксплицитный смысл языка оригинала и текста, но и глубоко прочувствовать имплицитный контекст, выраженный в языке и культуре, то есть культурные интенции народа. Например, празднование Нового года в провинции Хэйлунцзян включает в себя уникальный обычай клеить определённые новогодние изображения богов-хранителей входа на двери снаружи своего дома. При описании этой народной тра-

диции, если переводить её наименование дословно, то получится «Door Gods» («По Божьей воле»), так весьма вероятно, что западные страны будут интерпретировать их как персонажей из сказок. Однако это противоречит скрытому сакральному смыслу праздника охраны домов и просьбы о счастье. Перевод «pasting New Year Prints» – «наклеивание новогодних картинок», поможет точно раскрыть истинное значение, которое приписывается данному обычаю. Таким образом, переводчики несут ответственность за внешнее распространение инокультурной информации.

Культура как механизм внешней политики государства

Прежде всего, следует придерживаться ориентира на политику. Необходимо своевременно учреждать и реализовать план развития высоких материально-культурных потребностей народа, а также совершенствовать становление индустрии культуры, тем самым, обеспечивая сильную политическую поддержку. Помимо этого, увеличить инвестиции. Активно организовывать мероприятия по участию в крупных выставках продуктов культуры, международных выставках-ярмарках индустрии культуры в Китае (Шэньчжэнь) и т.д. [9], тем самым расширять способы маркетинга продукции народной культуры. В то же время, можно учредить специальный фонд развития народной литературы для обеспечения обращения средств в народную культуру. Также может быть создана европейская платформа культурного взаимодействия для обеспечения ее быстрого развития. Чтобы развивать народную культуру, необходима не только «стратегия «привлечения зарубежного», но и способы «выхода за границу», активное развитие внешней торговли культуры и обмена студентами соответствующих вузов.

Формирование кадрового потенциала как условие обеспечения качества социально-культурной деятельности Хэйлунцзяна

Необходимо в полной мере использовать потенциал выдающихся учёных и культурных деятелей из всех слоев общества, чтобы играть ведущую роль в передаче и интеграции народной культуры в международное пространство. Под руководством ведущих специалистов культура будет постепенно культивироваться и развиваться. Что касается народной культуры, необходимо издать современные законы, коррелирующие с исследуемой проблематикой, а также финансировать описываемые проекты. Например, благодаря проведению праздников народной культуры повышается большой интерес людей к культуре китайской. Такие тенденции также могут повлечь за собой создание дополнительных рабочих мест для деятелей народного искусства. В то же время, учебные заведения представляют собой динамичный и

креативный контент, привносящий дух народных традиций в университет и в аудитории, а также предоставляющий многообразные форматы обучения для распространения народной культуры. Благодаря проведению конференций, симпозиумов, олимпиад и мероприятий по повышению квалификации в сфере народной культуры, можно пробудить интерес студентов к изучению традиций и обычаев Хэйлунцзяна, что постепенно усилит широту и влияние народной культуры на социум.

Культурный контент как инструмент межкультурной коммуникации

Посредством таких сайтов коротких видео, как Douyin, Kuaishou и т.д., следует одновременно публиковать как онлайн, так и офлайн контент. Также следует создавать микроблоги социальной сети для продвижения информации о культурных мероприятиях и культурного контента [11]. Рекламные видеоролики и рекламные объявления также могут быть размещены в интернет-СМИ; следует выкладывать зарисовки народных преданий, аниме и другие культурные формы для создания характерной анимационной культуры.

В последние годы большинство программ о народной культуре преодолели барьеры благодаря своему высококачественному контенту. Распространение народной культуры Хэйлунцзяна может опираться на программу «Китай на кончике языка» для продвижения и пропаганды в каналах СМИ [11]. В этом процессе, в соответствии с потребностями аудитории, необходимо в

полной мере использовать преимущества больших данных для содействия распространения народной культуры Хэйлунцзяна и устранения барьеров. В процессе развития народной культуры Хэйлунцзяна, необходимо следовать общей тенденции развития интегрированных медиа и сосредоточиться на усилении интеграции народной культуры и современных информационных технологий. И благодаря этому органичному сочетанию в полной мере реализовывать роль средств массовой информации и современных технологий в распространении и наследовании народной культуры, а также расширить каналы распространения народной культуры Хэйлунцзяна. Таким образом, это будет способствовать завершению цепочки культурной индустрии и реализации её пользы.

Заключение

Народная культура является важной составной частью китайской культуры, несущей в себе различные этнические группы, наследие человеческой культуры и развитие во времени. Народная культура Хэйлунцзяна имеет определенную местную специфику, и ее уникальные этнические особенности оставляют у людей глубокое впечатление. Продвижение народной культуры Хэйлунцзяна, с одной стороны, соответствует концепции развития Китая («Выход за границу»), а с другой стороны, – тенденциям развития современного мира. Народная культура Хэйлунцзяна, с помощью различных каналов, может выйти за границу и быть интегрированной в мировое международное культурное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горлова, И.И. Культура как «Мягкая сила»: инструменты и точки приложения / И.И. Горлова, О.И. Бычкова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №18. – С. 268 – 272.
2. Дон Лу. Основные теории социальной коммуникации [М]. Пекин: издательство «Новый Китай», 2003.
3. Кочешков, Н.В. Неханьские народы северо-восточного Китая (историко-этнографический очерк) / Н.В. Кочешков // Россия и АТР. – 1999. – №1. – С. 45-58.
4. Ли Цянь, Линь Аньцин. Фольклор и МЕДИА: передача и наследование народной культуры в эпоху мультимедиа [J]. Исследование образовательных каналов СМИ, 2017 (1).
5. Люй Инь. Характерные черты китайских народных танцев / Люй Инь // Наука и современность. – 2011. – №9-1. – С. 86 – 91.
6. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. Статья от 11.03.2011. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm. Дата обращения: 24.04.2022.
7. Сунь Цэ. Современное сельское хозяйство провинции Хэйлунцзян (КНР) как национальная модель развития / Сунь Цэ // Власть и управление на Востоке России. – 2019. – №2 (87). – С. 36 – 41.
8. Сян Мэй, Юй Вэй, Хань Фули. Анализ стратегий перевода для внешнего распространения народной культуры северо-восточного Китая [J]. Журнал Байчэнского педагогического университета, 2020, (4).
9. У Бинань. Китайская фольклористика [М]. Чанчунь: издательство Чанчуня, 2014.
10. Цай Чжиюн. Современная ценность народной культуры [J] Исследование северо-западных наций, 2012, (1).
11. Чжун Фулань. Социальные коммуникации фольклора [М]. Шанхай: издательство культуры Шанхая, 2007.

© Ван Синьсинь, Чжан Ян (1684929245@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

NFT-ТОКЕНЫ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО АРТ-РЫНКА

Якушина Нелли Павловна

Аспирант, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ, Москва
nelli.yakushina@mail.ru

NFT TOKENS IN THE SYSTEM OF CULTURAL VALUES IN THE SPACE OF THE MODERN ART MARKET

N. Yakushina

Summary: In the research the author considers the phenomenon of NFT tokens and blockchain technology in the system of modern culture. The author reveals the issue of changes in the cultural and value aspects of the perception of digital art. At the same time, the problem of the correlation of market value and symbolic value of digital art is considered. The author presents an analogy between the evaluation of classical and digital art subjects. The study considers the main advantages of using blockchain technology in the art market. The author of the study concludes about the value of digital art as an act of owning a unique unit of cultural information.

Keywords: art market, cryptocurrency, blockchain, NFT token, symbolic value.

Аннотация: В статье рассматривается феномен NFT-токенов и блокчейн-технологии в системе современной культуры. Автором раскрывается вопрос изменения в культурно-ценностных аспектах восприятия цифрового искусства индивидами. Вместе с тем рассматривается проблема соотношения рыночной стоимости и символической ценности цифрового искусства. Автор проводит аналогию оценки предметов классического и цифрового искусств. В работе рассмотрены основные преимущества использования блокчейн-технологии на арт-рынке. Автор работы приходит к выводу о ценности цифрового искусства как акте владения уникальной единицей культурной информации.

Ключевые слова: арт-рынок, криптовалюта, блокчейн, NFT-токен, символическая ценность.

Введение

Глобализация расширяет границы арт-рынка, делая его более открытым для новых потребителей. Цифровое равенство, являясь важнейшей социальной категорией в современном мире, также затрагивает процесс трансформации культурных ценностей. В эпоху цифровой экономики происходят активные изменения современного арт-рынка за счёт использования новых цифровых технологий, призванных приблизить искусство к современному потребителю культуры.

Применение блокчейн-технологии и использование NFT-токенов, которые содержат в себе всю информацию о цифровом объекте искусства, в том числе сведения об авторском праве и провенанс, делают рынок искусства прозрачным и формируют более доверительные отношения между его участниками. Однако данные процессы заключают в себе глобальные изменения в культурно-ценностных аспектах восприятия как цифрового искусства, так и классического искусства.

Аксиологический подход к проблематике использования NFT-технологий позволяет выявить механизмы регуляции системы культурных ценностей индивидов в цифровых реалиях.

Учитывая изложенное, объектом нашего исследова-

ния служит процесс трансформации системы культурных ценностей в эпоху цифры, предметом – культурно-ценностные измерения токенизированных предметов искусства

Новизна и практическая значимость заключаются в исследовании трансформации культурной ценности предметов искусства, существующих в цифровом формате.

Далее в статье будет рассмотрен феномен цифрового искусства и NFT-токенов в системе культурных ценностей современного общества.

Активный рост онлайн-продаж предметов искусства, прогнозируемый в ближайшие пять лет ежегодным аналитическим отчётом The Art Market Report, побудил высокий интерес к цифровым технологиям, с помощью которых возможно осуществлять безопасные сделки в Интернете [1]. Блокчейн-технология позволяет отследить без привлечения специалистов любой этап сделки приобретения предмета искусства, включая его провенанс. Таким образом, покупатель может отследить все транзакции, которые претерпевал объект.

Ранее автор работы уже писал о том, что «криптовалюта является «цифровой наличностью», выступающей инструментом для обслуживания сделок, регистриру-

емых через блокчейн-технологии. Помимо этого, блокчейн-технология позволяет сохранять анонимность коллекционеров произведений искусств, так как оборот новых электронных денег не контролируется отдельными государствами» [2].

Учитывая изложенное, можно выделить три основные преимущества использования блокчейн-технологии:

- совершенствование процесса установления провенанса предмета искусства;
- безопасность личных данных и прав собственности покупателей предметов искусства;
- отслеживание транзакций, проводимых по тому или иному предмету искусства.

Наиболее очевидная причина использования блокчейн-технологии в будущем заключается в создании прозрачных условий сделок, проводимых на арт-рынке, что наложит экономические ограничения на художников и дилеров.

Информационная асимметрия на арт-рынке, о которой пишет О. Велтас, ликвидируется именно под влиянием цифровизации. Цифровое искусство стало следствием развития идей всеобщего цифрового равенства [3].

Понятие «цифровое искусство» или «компьютерное искусство» используется для обозначения произведений или художественных практик, которые используют цифровые технологии как часть творческого процесса или презентации [4].

Криптоискусство (криптографическое искусство) – это вид искусства, связанный с блокчейн-технологией, который касается цифровых произведений искусства, опубликованных непосредственно на блокчейне в форме невзаимозаменяемых токенов (NFT-токен), что позволяет владеть, передавать и продавать произведения искусства безопасным и поддающимся проверке способом [4].

NFT-токен можно описать как цифровой сертификат подлинности, востребованность которого на арт-рынке как предмета коллекционирования возрастает [5]. Таким образом, NFT-токен обладает уникальной ценностью, благодаря своей невзаимозаменяемости.

Исходя из вышеизложенного, вопрос соотношения экономической и культурной ценности цифрового искусства является основополагающим для культурологического знания.

Развивая идеи П. Бурдые о предметах искусства, как «символических продуктах», нужно сказать, что они имеют *двойственную природу* – символическую ценность

и рыночную стоимость [6]. Это внутреннее напряжение обусловлено тем, что символическая ценность не может быть измерена деньгами и невыразима в экономических категориях [7, с. 36]. Однако у каждого произведения искусства, которое попадает в пространство рыночных отношений, есть стоимость. Рыночная цена предмета искусства формируется за счёт его символической ценности.

В вопросах оценки произведений традиционного искусства выделяются следующие аспекты:

- статус и мастерство художника;
- оригинальность и самобытность произведения искусства;
- интеллектуальная нагрузка произведения искусства (скрытые смыслы и значения);
- уникальность произведения искусства.

Последний фактор является определяющим в оценке произведений цифрового искусства. Экономическая оценка цифрового искусства основана на методологических подходах, отличающихся от тех, которые используются для оценки предметов классических видов искусства. При этом стоит отметить, что для цифрового искусства, как и для традиционных видов искусства, ключевой фигурой в вопросах ценообразования является статус художника. Однако объективная экономическая оценка цифровых произведений искусства невозможна вне рынка, который недостаточно сформирован.

Основными методологическими подходами, используемыми для экономической оценки стоимости произведений искусства, являются следующие:

1. рыночный метод;
2. стоимостной метод (реконструкции или замены);
3. метод ожидаемого дохода (инкрементный) [4].

Таким образом, «денежное выражение величины стоимости» [8, с. 111-112] является показателем рыночной стоимости произведения искусства. В вопросах оценки произведений цифрового искусства верно утверждение П. Бурдые о том, что пространство искусства представляет собой «перевернутую экономику», в котором формируется отдельный рынок. В таком случае, одним из наиболее актуальных вопросов остается: влияет ли рыночная стоимость цифрового искусства на его символическую ценность?

Постэкономическое общество (далее – ПЭО), в котором главными покупателями предметов искусства выступает поколение миллениалов, находится в поиске новых ценностей. Основным товаром в ПЭО является продукт творческой деятельности. Таким образом, за счёт своей безграничности цифровое искусство становится независимым от материальных факторов (затраты человеческого труда, материалы т.д.).

Ценность цифрового искусства заключается во владении NFT-токеном как уникальной единице культурной информации. Приобретение NFT позволяет его обладателю почувствовать причастность к смыслу заключенному в произведении, к фигуре художника. Цифровое искусство является видом массовой культуры, в котором факторы распространенности и тиражирования являются основополагающими. Однако при этом феномен уникальности NFT-токена формирует его символическую ценность. Личное неимущественное право собственности на продукты творческой деятельности соответствует внутреннему устремлению индивида обладание чем-либо редким.

Актом по восстановлению редкости и уникальности произведения искусства можно считать случай, произошедший на аукционе Sotheby's в октябре 2018 года, во время которого картина известного художника Бэнкси была практически уничтожена им самим при помощи шредера [9]. Этот акт подчеркнул протест автора против физического владения произведением искусства, кото-

рое впервые появилось как граффити на одной из улиц Лондона.

В заключении стоит отметить, что NFT-токен, обладая субъективной ценностью, является метафорой искусство. Символическая ценность и рыночная стоимость на арт-рынке цифрового искусства формируются именно за счёт права собственности, индивидуального обладания частью или всем произведением искусства. Блокчейн-технология, которая позволяет отследить путь NFT-токена, определяет тем самым важную часть ценности искусства – его происхождение [10].

NFT-токен, выступая в качестве сертификата подлинности, обладает тем же статусом, что и подпись художника. Это явление, в условиях массового тиражирования и распространения произведений искусства, порождает «ауру» уникальности, о которой писал В. Беньямин [11, с. 79]. Таким образом, ключевое отличие любого произведения искусства, заключающиеся в его особой связи с творцом, создателем, распространяется и на цифровое искусство.

ЛИТЕРАТУРА

1. McAndrew C. The Art Market 2021. URL: <https://d2u3kfw92fzu7.cloudfront.net/TheArtMarket-2021.pdf>
2. Якушина Н.П. Арт-рынок в эпоху цифровизации: новые тенденции и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1 (99). С. 143-150.
3. Velthuis O. A Handbook of Cultural Economics. URL: https://www.researchgate.net/publication/259173959_A_Handbook_of_Cultural_Economics (дата обращения: 12.03.2021).
4. Visconti R.M. Digital Art Valuation. URL: https://www.researchgate.net/publication/353350589_Digital_Art_Valuation (дата обращения 24.04.2022).
5. Рузакова О.А., Гринь Е.С. Применение технологии Blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. №4 (38). С.508-520.
6. Бурдые П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1–2. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/172> (дата обращения 7.03.2022).
7. Грав. И. Высокая цена: искусство между рынком и культурой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 287 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 т. 2-е изд. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. 630 с.
9. Поврежденную шредером картину Бэнкси продали за рекордные \$25 млн. URL: <https://rbc-ru.turbopages.org/turbo/rbc.ru/s/society/15/10/2021/616898249a794735d65d1f7d> (дата обращения 24.04.2022).
10. NFTs Boom as Collectors Shell Out to "Own" Digital Art URL: <https://www.wired.com/story/nfts-boom-collectors-shell-out-crypto/> (дата обращения 24.04.2022).
11. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / Пер. С. Ромашко // Беньямин В. Краткая история фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 144 с.

© Якушина Нелли Павловна (nelli.yakushina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИСКУССТВА КОНЦЕРТМЕЙСТЕРА

Ян Лю

Аспирант, Российский Государственный Педагогический
Университет им. А.И. Герцена
unison-07@mail.ru

Лежнева Татьяна Михайловна

К.культурологии, доцент, Российский Государственный
Педагогический Университет им. А.И. Герцена

THE HISTORY OF FORMATION
OF THE ART OF THE ACCOUNTING MAIN

Yang Liu
T. Lezhneva

Summary: The article analyzes the evolution of the concertmaster's art from its inception to the present. Ritual songs and dances in ancient times were accompanied by beats that rhythmically structured the first performances. Gradually, the participation of the accompaniment became more complex and the participation of the concertmaster in this process became necessary. The definition of the concertmaster's activity, which throughout its formation had great demand, is given. The role of an accompanist in the performing process requires a high level of proficiency in playing a musical instrument, the ability to accompany a solo performance of a vocalist, a musician-performer, an instrumental ensemble, a singing group. Over time, concertmasters began not only to accompany the performance of musicians, but also to lead the performing process. At present, concertmaster skills have not lost their significance in all spheres of musical activity.

Keywords: Concertmaster, accompanist, performing skills, musical instrument, professional activity.

Аннотация: В статье проведен анализ эволюции искусства концертмейстера с момента его зарождения и до настоящего времени. Обрядовые песни и танцы в древние времена сопровождалась ударами, которые ритмически структурировали первые выступления. Постепенно участие сопровождения стало более сложным и участие концертмейстера в этом процессе необходимым. Дано определение деятельности концертмейстера, которая на всем протяжении ее становления имела большую востребованность. Роль концертмейстера в исполнительском процессе требует высокого уровня владения навыками игры на музыкальном инструменте, умения сопровождать сольное выступление вокалиста, музыканта-исполнителя, инструментального ансамбля, певческого коллектива. Со временем концертмейстеры стали не только аккомпанировать выступлению музыкантов, но и руководить исполнительским процессом. В настоящее время концертмейстерское мастерство не потеряло своей значимости во всех сферах музыкальной деятельности.

Ключевые слова: Концертмейстер, аккомпаниатор, исполнительское мастерство, музыкальный инструмент, профессиональная деятельность.

Анализ методической и научно литературы, посвященной искусству концертмейстера и концертмейстерской деятельности, дает возможность говорить о том, что данная отрасль человеческой деятельности зародилась достаточно давно и продолжала развиваться с момента своего появления. Слово «концертмейстер» имеет немецкие корни и на русский язык может быть переведено как «руководитель группы инструментов в симфоническом оркестре», «пианист, который разучивает партии вместе с певцами и другими исполнителями, а также аккомпанирует им во время выступлений». Концертмейстерская деятельность не зря названа искусством, поскольку термин «искусство» предполагает, что описываемая им область человеческой деятельности отличается высочайшим уровнем умения и мастерства. Соответственно, можно говорить о том, что искусство концертмейстера с точки зрения его анализа в узком смысле слова говорит о том, что человек, который аккомпанирует певцам или танцорам, достиг в своей области деятельности очень высокого уровня.

Нужно сказать о том, что исследованием особенностей зарождения, становления и развития искусства концертмейстерской деятельности занималось множество авторов. Так, к примеру, В.Л. Бабюк полагает, что зарождение и последующее развитие концертмейстерской деятель-

ности было обусловлено историческими причинами, а у данного процесса имеется собственная внутренняя логика [1, с. 9]. Развитие концертмейстерской деятельности шло в тесной взаимосвязи с такими разновидностями исполнительского искусства, как искусство вокала и фортепиано. Кроме того, деятельность концертмейстера, по утверждению вышеназванного автора, находится в прямой зависимости от того, в каком состоянии находятся жанры, связанный с клавирным аккомпанементом, а также насколько развитыми и интенсивными являются практики концертного исполнения [1, с. 9].

Многочисленных представителей концертмейстерской профессии объединяет ряд характерных черт и особенностей, присущих только им, что дает возможность сделать вывод о том, что существует некий «концертмейстерский комплекс», который можно обозначить как совокупность специальных знаний, исполнительских навыков, а также ряд качеств личности.

В рамках своей деятельности концертмейстер представляет собой системообразующую роль, которая, в свою очередь, является причиной порождения двух других составляющих, а именно: педагогической, которая ответственна на поддержание жизнеспособности этой системы (в данном случае под жизнеспособностью

необходимо понимать воспроизводство специалистов), и научно методической. «Концертмейстер - наиболее удачный пример универсальности сочетания в одной профессии элементов мастерства музыканта-исполнителя, импровизатора, педагога и психолога» [5, с. 99].

В древние времена в качестве аккомпанемента выступали ритмические удары, которые применялись во время обрядовых и военных песен и плясок. Есть мнения ученых о том, что в соответствии с верованиями древних людей оставление человека без такой своеобразной музыки приравнивалось к оставлению его без еды. В Древней Греции очень распространенным видом искусства было пение под собственный аккомпанемент. Так, например, еще широко известный в то время Амфион играл на лире и пел, что по свидетельствам очевидцев способствовало укрощению диких зверей.

В VII столетии до н.э. в Древней Греции уже работали школы, которые готовили профессионалов в области исполнительского мастерства, причем эти профессионалы были универсальными: они могли одновременно выступать в качестве композиторов, певцов и аккомпаниаторов. Именно этот исторический период характеризуется первым появлением концертмейстерского искусства [4, с. 25]. Музыкантами становились рабы, которые исполняли ее для своих владельцев или же ремесленники, творения которых услаждали городских жителей. Государство следило за тем, чтобы целенаправленно обучать их и в дальнейшем использовать на различных общественных торжествах. С течением времени профессиональных музыкантов становилось все больше. Они аккомпанировали этрусским боксерам, римским гладиаторам, греческим борцам и танцам. Причем необходимо отметить, что в качестве аккомпанемента к танцу использовалась песня, исполняемая в сопровождении ритмического барабанного боя.

Древние и средние века характеризуются тем, что аккомпанемент играл метроритмическую роль, представляя собой либо унисонное, либо октавное удвоение вокала. Примерно в это же время начинает активно распространяться искусство странствующих артистов. В Англии это были менестрели, а Германии – шпильманы, во Франции – труверы, в России – скоморохи.

В Казахстане (начиная примерно с XVI столетия) акыны аккомпанировали себе на домбре, знакомя слушателей с эпическими сказаниями в таких разновидностях эпоса, как жырау и жырышы. Нередки были случаи передачи традиций исполнительского мастерства из поколения в поколение, то есть, от отца к сыну. Певец должен был иметь красивый и сильный голос с отлично разработанным певческим дыханием. Кроме того, он должен был обладать хорошей дикцией и, самое значимое – уметь аккомпанировать себе на домбре.

Если говорить о странах Европы, таких, как Германия и Франция, то здесь аккомпанемент приобрел значимость около конца XVI – начала XVII столетий. Расцвет гомофонии привел к тому, что аккомпанемент очень быстро развился до его современного понимания. Необходимо отметить, что до XVII столетия в сфере вокального аккомпанемента использовались, главным образом, струнные инструменты: арфа, лира, кифара, лютня и т.д. Ближе к концу XVI века начали активно использоваться орган и клавесин. Это ознаменовало собой наступление эпохи аккордового аккомпанемента. На протяжении XVII столетия исполнители музыки на органе и клавесине становятся не только аккомпаниаторами. Они начинают оказывать влияние на особенности исполнения своих коллег по ансамблю. Концертмейстеры, начинают одновременно, аккомпанировать исполнению и руководить другими музыкантами. Музыканты, исполняющие свои произведения на этих инструментах, должны были хорошо владеть навыками импровизации, поскольку собственно искусство аккомпанемента только начало развиваться [4, с. 26]. Именно в этот период началось использование генерал-баса для записи аккомпанемента. И.С. Бах и Г.Ф. Гендель активно использовали эту технологию в своей творческой деятельности.

В более позднее время композиторы Венской школы начали записывать аккомпанемент, что привело к обогащению его форм и художественного содержания. Аккомпанемент стал представлять собой не просто ритмическое и унисонное сопровождение на органе или клавесине, а значительную часть изложения музыкального произведения. Это автоматически привело к росту значимости аккомпаниатора.

Развитие аккомпанемента и, соответственно искусства концертмейстера в последующие периоды было теснейшим образом связано с тем, что музыка также начала развиваться очень динамично. Все это явилось причиной того, что к аккомпаниаторам начали предъявляться постоянно растущие требования, касающиеся одновременно как их технического, так и художественного мастерства.

На протяжении длительного развития, аккомпанемент прошел путь от примитивной ритмической поддержки голоса исполнителя до весьма сложного, в соответствии со своим художественным содержанием и применяемыми техническими средствами, изложения музыкальных произведений. Соответственно, можно говорить о том, что начиная с XVII столетия концертмейстерская деятельность начала свое триумфальное шествие по миру музыкального и исполнительского искусства.

Однако, роль концертмейстера на протяжении длительного времени была относительно незавидной. Дан-

ная профессиональная деятельность очень долго не оценивалась так, как она того заслуживает, поскольку успех после выступлений обычно принадлежал исключительно выступавшему: танцору, певцу и т.д. Тем не менее, с течением времени отношение к деятельности концертмейстера постепенно менялось и в настоящий период времени он является полноправным участником любого художественного коллектива. «...деятельность пианиста-концертмейстера многомерна и полифункциональна в создании индивидуальной трактовки композиторского замысла, вариантов художественной интерпретации и ее эмоциональной краски. Это, одновременно и актер, и режиссер исполнения» [2, с. 10].

В настоящий период времени невозможно назвать ни одну профессию в сфере музыки, которая была бы более востребована практически во всех музыкальных сферах жизни общества, чем концертмейстер-пианист. Без специалиста в этой сфере будет абсолютно невозможно деятельность таких учреждений культуры и досуга, как филармонии, оперные театры, дворцы культуры и др., а также учебных заведений: школ, музыкальных вузов, хореографических училищ и даже детских садов. Профессиональная деятельность в современный период ее существования может быть рассмотрена с различных

сторон, например: с точки зрения работы концертмейстера с солистом, а также с певческими и хореографическими коллективами, с точки зрения разучивания необходимого материала с отдельно взятыми исполнителями, относительно выступления концертмейстера в инструментальном ансамбле и т.д. «Профессиональный концертмейстер должен обладать целым комплексом психологических качеств личности, таких как большой объем внимания и памяти, высокая работоспособность, быстрота реакции и способность оперативно принимать решения в неожиданных ситуациях, выдержка и воля, педагогический такт и стрессоустойчивость» [3, с. 136].

Таким образом, концертмейстерское мастерство прошло достаточно длительный путь своего развития и продолжает развиваться в настоящий период времени. Концертмейстер должен в полной мере обладать не только высоким уровнем профессиональных навыков игры на музыкальном инструменте, артистизма, идеальным знанием особенностей певческих голосов. Анализ эволюции искусства концертмейстера дает возможность говорить о том, что данный вид деятельности, развиваясь в современных условиях, будет продолжать совершенствоваться, что вызывает необходимость дальнейших более глубоких исследований в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабюк В.Л. Становление концертмейстерской деятельности в России XVIII - XX веков: Фортепьянно-вокальный аспект: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.02 / Магнитог. гос. консерватория. - Магнитогорск, 2003. - 23 с.
2. Виноградова, М.А. Пианист-концертмейстер как феномен музыкально-творческой деятельности / М.А. Виноградова // Наукосфера. – 2020. – № 11-2. – С. 10-12.
3. Зайцев, О.В. Специфика деятельности концертмейстера с вокалистами / О.В. Зайцев, Т.Н. Белкина // Проблемы и перспективы развития образования в России. – 2012. – № 17. – С. 134-137.
4. Митина Н.А. К вопросу о развитии концертмейстерского искусства // Образование и воспитание. - 2021. - №3 (34). - С. 25-26.
5. Радзецкая, Е.А. К вопросу об особенностях исполнительской и коммуникативной деятельности концертмейстера в инструментальном классе / Е.А. Радзецкая // Архивариус. – 2016. – № 3(7). – С. 99-103.

© Ян Лю (unison-07@mail.ru), Лежнева Татьяна Михайловна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДОВЕРИЯ

Архангельская Наталья Владимировна

руководитель, клинический психолог, психологический тренинговый центр «A&B Coach»; аспирант, Российский государственный социальный университет, г. Москва
coachinf@mail.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF THE EMERGENCE OF TRUST

N. Arkhangel'skaya

Summary: The article discusses the main socio-psychological determinants of the emergence of trust. It is noted that in modern conditions there have been significant changes that have led to a shift in the share of emerging trust towards a risky approach. The number of cases where trust is formed under the conditions of faith, unconditional trust has decreased. This is explained by the market economy model in the Russian Federation. Abroad, resorting to the risky approach has been practiced for a long time, and a sufficient number of legal documents have been developed specifically for this purpose, designed to ensure the protection of the parties in the event of a breach of trust. It is indicated that the preservation of the formation of trust based on faith is an important fact of maintaining humanization in society, moral and ethical norms, a sign of the spiritual and moral existence of society and its development. The results of the studies performed in the form of a survey of respondents allow us to conclude that men show greater confidence in various subjects and in various situations. It is noted that gender is one of the defining determinants that determine the level of trust and the possibility of its change in one direction or another.

Keywords: trust, factors of trust formation, risk attitudes, faith, cooperation, digitalization, market economy.

Аннотация: В статье рассматриваются основные социально-психологические детерминанты возникновения доверия. Отмечается, что в современных условиях состоялись значительные изменения, обусловившие смещение доли возникающего доверия в сторону рискованного подхода. Сократилось количество случаев, когда доверие формируется в условиях веры, безусловного доверия. Это объясняется моделью рыночной экономики в Российской Федерации. За рубежом обращение к рискованному подходу практикуется давно, и специально для этого выработано достаточное число правовых документов, призванных обеспечить защиту сторон в случае злоупотребления доверием. Указывается, что сохранение формирования доверия на основе веры является важным фактом сохранения гуманизации в обществе, морально-этических норм, признаком духовно-нравственного существования общества и его развития. Результаты выполненных исследований в виде опроса респондентов позволяют заключить, что мужчины проявляют большее доверие к различным субъектам и в различных ситуациях. Отмечается, что гендерная принадлежность является одной из определяющих детерминант, обуславливающих уровень доверия и возможность его изменения в ту или иную сторону.

Ключевые слова: доверие, факторы формирования доверия, рискованные отношения, вера, сотрудничество, цифровизация, рыночная экономика.

В настоящее время получает особую актуальность рассмотрение феномена доверия, обусловленного воздействием совокупности следующих детерминант [1]: Рис. 1.

Синергизм отмеченных детерминант оказывает влияние при создании социокультурного пространства общества, где, в зависимости от преобладания той или иной детерминанты, происходит усиление, либо снижение доверия.

Результаты современных исследований показывают, что доверие между членами организаций, учреждений, институтов характеризуется как недостаточное. Это может являться причиной низкой производительности на производстве, недостаточным качеством выпускаемой продукции и услуг, плохой обстановкой, низкой корпоративной культурой.

Личное доверие оказывает значительное влияние на качественные составляющие сотрудничества, пока-

затели производительности осуществляемой деятельности всех видов, а также качество коммуникативного взаимодействия в организациях различного типа. Для того, чтобы хорошо работать вместе, требуется определенная степень доверия, а виды деятельности, которые осуществляются в современных организациях, требуют довольно быстрого формирования доверия[2].

Выражающееся посредством различных способов доверие способствует тому, что партнер склоняется к мнению, что будущие конфликтные эпизоды будут функциональными, то есть, иначе говоря, существует надежда, что все затруднения и недопонимания на различных этапах сотрудничества будут преодолены, получат эффективную проработку и послужат повышению результатов [3]. Воспринимаемое от процесса сотрудничества, взаимодействия удовлетворение, а также конфликты, возникающие в процессе взаимодействия различного типа, являются социально-психологическими детерминантами, оказывающими самое непосредственное воздействие на становление доверия, его углубление.

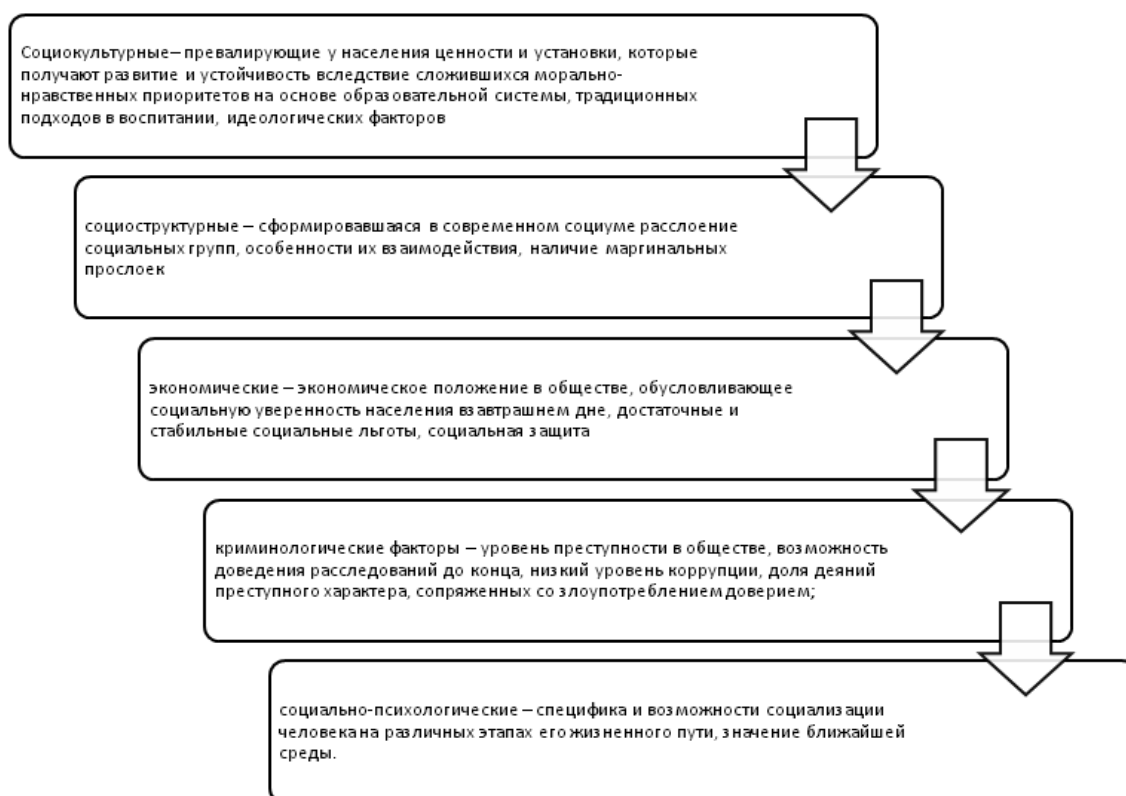

Рис. 1. Дифференциация детерминант, обуславливающих становление доверия

При привлечении риск-подхода доверие трактуется как основа ожидания, при котором у партнеров есть общие интересы, заключающиеся в том, чтобы действовать благонадежно и выполнять обещания. В этом подходе надежность и приверженность (идеалам, идеологии, корпоративной этике и так далее) являются наиболее важными факторами, формирующими доверие [4].

В подходе, основанном на оценке риска при рассмотрении доверия, доверие означает позитивное предположение о том, что деловой партнер не будет вести себя оппортунистически, даже несмотря на изменяющиеся условия. Это предположение добровольное, а также включает в себя определенную уязвимость. Таким образом, доверие включает в себя не только веру в доброжелательность действий партнера, но и уязвимость по теории доверия, основанной на убеждениях, считает, что доверие — это определенное убеждение, ожидание, воля и процесс убеждения — отношение — воля — поведение.

В традиционных обществах, например, в арабских странах, существует критерий выработки первоначального доверия, основанного на определенной этнической принадлежности человека. Например, в арабских странах (странах Персидского Залива) спрашивают фамилию человека при знакомстве, планировании совместного сотрудничества. Сразу определяется его про-

исхождение, анализируется, насколько известен и могуществен клан, к которому он принадлежит, его рычаги воздействия на принадлежащего ему индивидуума, просчитываются последствия и имеющиеся отрицательные ситуации. По нашему мнению, можно отнести данный тип доверия к смешанному типу, в котором сочетаются вероятные риски и заключается первоначальное доверие (кредит доверия начального этапа).

Кардинальные трансформации в социально-общественном развитии Российской Федерации, состоявшаяся смена парадигм в образовательной системе (отход от авторитарной системы к гуманистической), возникновение неспрогнозированных вызовов, влияние которых на исход сотрудничества и взаимодействие между двумя сторонами затруднительно предусмотреть в полной мере, так как они близки к форс-мажорной ситуации, глобализация, цифровизация, усиление различных форм взаимодействия ведения бизнеса он-лайн, когда необходимо провести платежи незнакомой организации до получения продукта или услуг, делают необходимым пересмотр понимания концептуального понятия доверия [5].

Значительно возросла интенсивность обмена информацией, ускорение запросов, возможность предоставления сведений, которые затруднительно перепроверить. Также усилилось взаимодействие представителей

различных социальных групп, у которых присутствует отличающееся видение фактов, обстоятельств, реакция на событие и даже фразы [6].

Взаимодействие во многих случаях утрачивает черты личностной, усиливается корпоративное представление ценностей, в крупных организациях, в том числе, и в государственных учреждениях, относящихся к власти, происходит ускоренная выработка шаблонных форм реакции на этапы взаимодействия. Таким образом, допустимо отметить и учитывать в последующих исследованиях, что сотрудничество во многих областях становится обезличенным и шаблонным. Зачастую на сайтах предприятий, ведомственных учреждений имеются шаблонной формы, которые необходимо заполнить, чтобы получить ответ, оплатить услуги, получить новые документы. Это упрощает взаимодействие с населением,

ускоряет процесс. Однако в случае нетривиальной ситуации, заполнения формы пенсионером происходит недопонимание, уровень доверия резко снижается.

В настоящее время доверие к различным институциональным образованиям является предметом тщательных социологических исследований [7]. Трансформации, состоявшиеся в общественно-политическом, социально-экономическом развитии российского общества подразумевают изменения в глубине доверия со стороны граждан различным организациям, институтам (институциональное доверие). Наблюдается трансформация «традиционного доверия», основанного на вере, изначальному положительному восприятию второй стороны, которая не допустила промахов, ошибок и представляется идеальным партнером в доверие «рациональному».

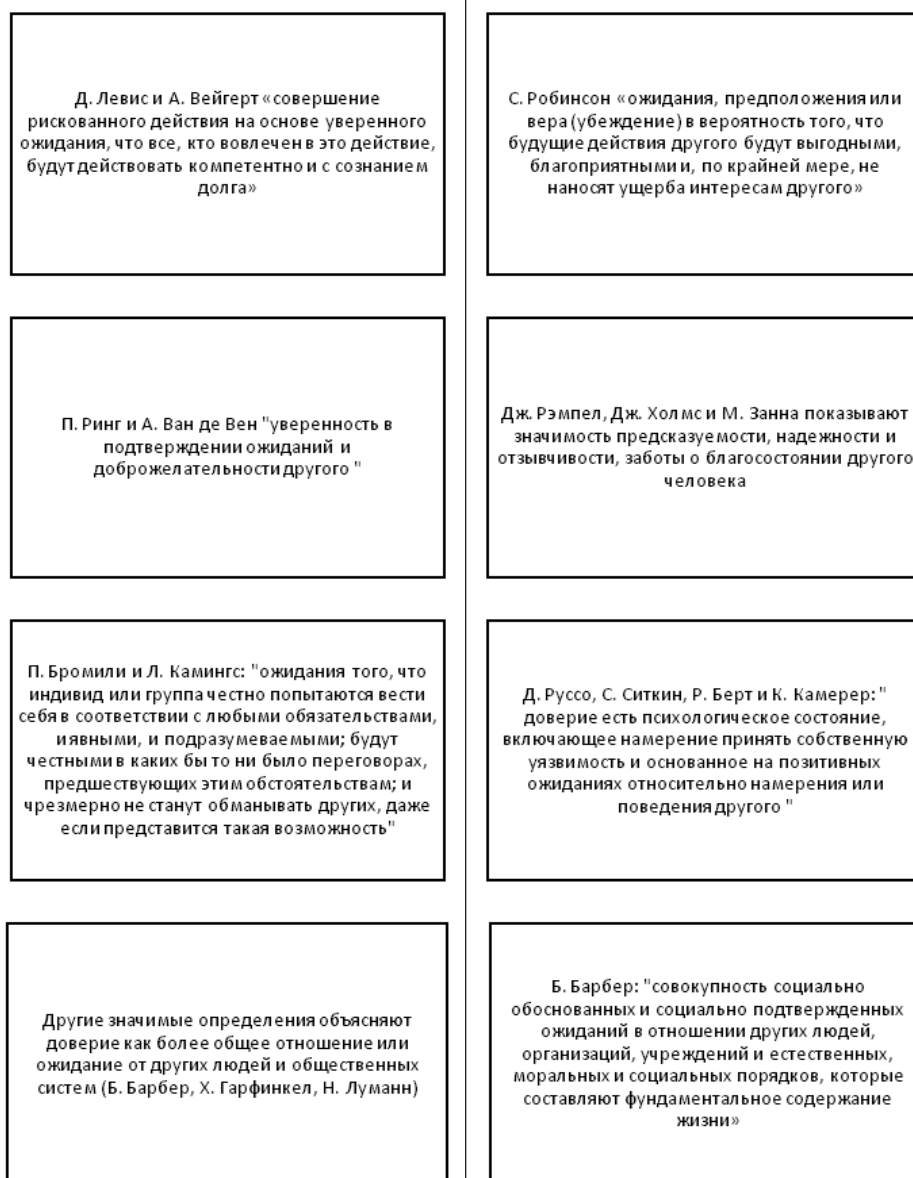

Рис. 2. Основные трактовки доверия

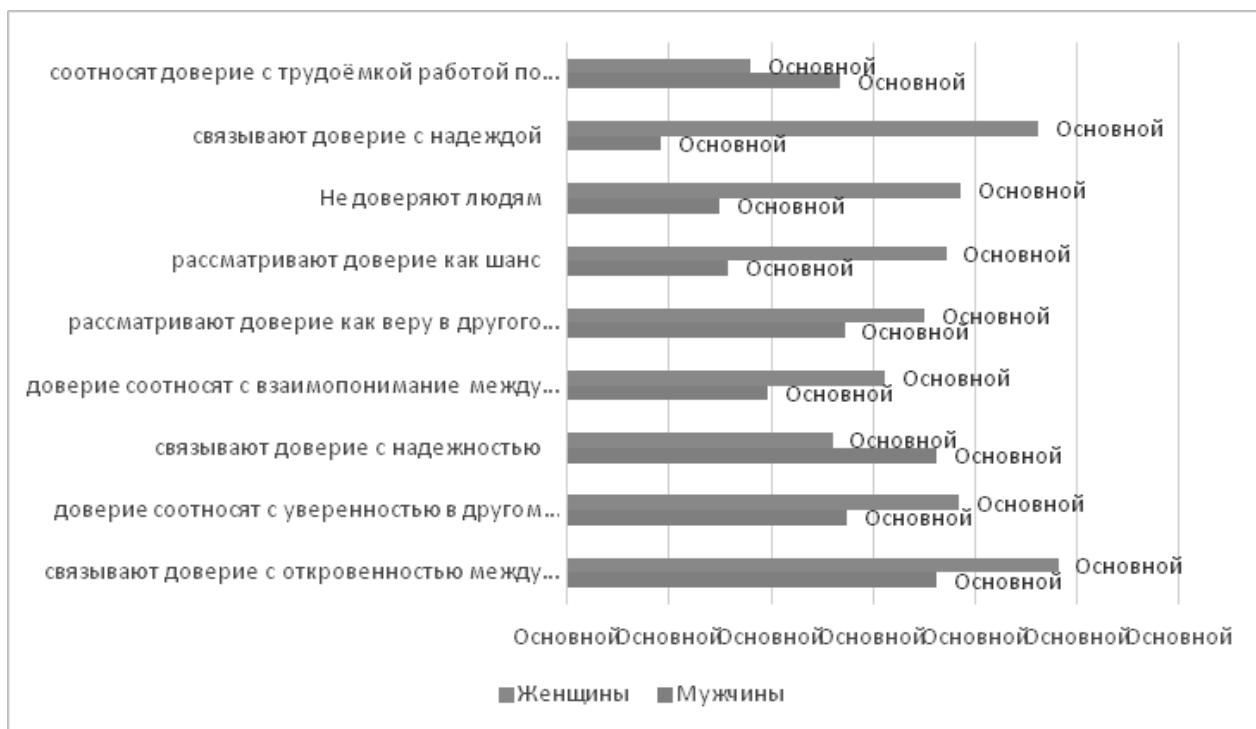

Рис. 3. Результаты собственного авторского опроса среди населения (составлено автором по результатам собственных исследований)

Переход российского общества к рыночной модели экономики повлек за собой мощные изменения в общественном мироустройстве [8]. В результате возникли в ускоренном темпе модели взаимодействия, аналогичные западному обществу, в которых отсутствует идеологическая составляющая. Духовная подоплека исключается, просчеты, незнание договорных обязательств становятся зацепками, за которые юристы компаний могут предъявить многомиллионные иски партнерской стороне.

При рыночной модели экономики формируется, преимущественно формы доверительных отношений, в которых приветствуется и поддерживается (например, цифровыми средствами) безличные отношений. Это создает достаточно благоприятную среду для различных форм мошенничества, обмана. Безличные отношения базируются на рациональном восприятии поступков партнеров. Это является важным отличием от культурно-детерминированного доверия в традиционных обществах [9,10].

Было проведено собственное исследование (опрос среди 148 респондентов). В результате опроса установлено следующее (результаты представлены на диаграмме рисунка 3).

Таким образом, из проведенного исследования можно сделать важные предварительные выводы. Во-первых, доверие в различных ситуациях отличается по

гендерному критерию. Мужчины более склонны доверять в различных ситуациях, например, связанных с инвестированием, так как ощущают свою силу, независимость, возможность начать все сначала. Женщины характеризуются большей взвешенностью поступков, расчетливостью в финансовых вопросах, бережливостью, склонностью отложить определенную сумму, необходимостью думать о завтрашнем дне, домочадцах [11].

Доверие играет решающую роль почти во всех аспектах социальной жизни. Женщины доверяют меньше, чем мужчины, из-за более высокой чувствительности к риску и предательству, в то время как мужчины доверяют больше, чем женщины, чтобы максимизировать ресурсы и сигнализировать о своей готовности что-то потерять. Женщины более чувствительны к социальному риску, в то же время доверяя, что имеет значение для финансовых взаимодействий, межличностных отношений и социальной активности.

Доверие является неотъемлемой частью отношений, кооперативного поведения [12] и функционирующего общества, а его дисфункция является компонентом многих психических расстройств [13]. Межличностное доверие определяется как психологическое состояние человека (т. е. доверителя), заключающееся в намерении принять уязвимость на основе положительных ожиданий поведения другого человека, т. е. доверенного лица).

ЛИТЕРАТУРА

1. Реутов Е.В. Факторы формирования социального доверия и недоверия в российском обществе // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. №1. С. 12–20.
2. Breuer, C., Hüffmeier, J., Hibben, F., & Hertel, G. (2020). Trust in teams: A taxonomy of perceived trustworthiness factors and risk-taking behaviors in face-to-face and virtual teams. *Human Relations*, 73(1), 3–34. <https://doi.org/10.1177/0018726718818721>
3. Sapp J, Larsen K, Torre D, et al. Group trust in the setting of competency committee decisions: a qualitative observational study. *MedEdPublish*. 2019;8(1):66. doi: 10.15694/mep.2019.000066.1.
4. Costa A, Fulmer CA, Anderson NR. Trust in work teams: an integrative review, multilevel model, and future directions. *J Organ Behav*. 2017:1–16
5. Важенин С.Г., Важенина И.С. Доверие и сотрудничество территорий в конкурентной экономике // Журнал экономической теории. 2020. №2. С. 336–345.
6. Barbalet J. The experience of trust: its content and basis // *Trust in Contemporary Society* / Ed. M. Sasaki. Boston; Leiden: Brill, 2019. P. 11–30.
7. Авдеева Д.А. Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития // *Общественные науки и современность*. — 2019. — No 3. — С.79–93.
8. Важенина И.С., Важенин С.Г. Доверие в конкурентной экономике // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2017. № 1. С. 56–63.
9. Константиновский Д.Л., Кузнецов И.С. Категория доверия в исследовании выбора вуза // *Социологический журнал*. 2020. №2. С.82–101.
10. Грошев И., Краснослободцев А. О влиянии культуры на экономическое развитие страны // *Общество и экономика*. 2017. № 1. С. 117–134.
11. Wu Y, Hall ASM, Siehl S, Grafman J, Krueger F. Neural Signatures of Gender Differences in Interpersonal Trust. *Front Hum Neurosci*. 2020 Jun 16;14:225. doi: 10.3389/fnhum.2020.00225. PMID: 32612518; PMCID: PMC7309600.
12. Poppo, L., Cheng, Z., and Cheng, Z. (2018). *Trust and Contracts: Complements Versus Substitutes in Business-to-business Exchanges*. Abingdon: The Routledge Companion to Trust. doi: 10.4324/9781315745572-16
13. Bell, V., Robinson, B., Katona, C., Fett, A.-K., and Shergill, S. (2019). When trust is lost: the impact of interpersonal trauma on social interactions. *Psychol. Med*. 49, 1041–1046. doi: 10.1017/S0033291718001800

© Архангельская Наталья Владимировна (coachinf@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный социальный университет

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ ПО ШКАЛЕ ЛИБОВИЦА У ПАЦИЕНТОВ С ПАРАНОИДНОЙ И ИНЫМИ ФОРМАМИ ШИЗОФРЕНИИ

Баник Эрика Игоревна

Аспирант, ФГАОУ ВО «Первый МГМУ им. И.М. Сеченова»

banik.e@yandex.ru

DIFFERENTIATION OF THE LEVEL OF SOCIAL ANXIETY ON THE LIBOWITZ SCALE IN PATIENTS WITH PARANOID AND OTHER FORMS OF SCHIZOPHRENIA

E. Banik

Summary: Schizophrenia is one of the most important problems of modern clinical psychiatry. While there is a large number of studies abroad on the problem of measuring social anxiety, in Russia they are few. The assessment of social anxiety is very important, especially in clinical conditions, since in its extreme manifestations it can lead to complete social isolation and disability of the subject. The purpose of the work is to differentiate the level of social anxiety in patients with paranoid and other forms of schizophrenia. The main method is the survey of patients on the Liebowitz Social Anxiety Scale (LSAS) questionnaire, followed by statistical processing of data and formation of comparative conclusions based on the results obtained. During the calculations, the average total score of the Libowitz Social Anxiety Scale, a subscore of fear and avoidance in patients with paranoid schizophrenia, is 95% more likely than in patients with other forms of schizophrenia. Since the modern standard for the provision of psychiatric care is the complexity of the impact (a combination of clinical diagnosis with drug and psychosocial therapy), increasing the availability and quality of psychological care can make it possible to more accurately and regularly diagnose and identify such problems.

Keywords: schizophrenia, anxiety level, paranoid form, Libowitz scale, diagnostics of anxiety, sociophobia.

Аннотация: Шизофрения является одной из важнейших проблем современной клинической психиатрии. В то время как за рубежом имеется большое количество исследований, посвященных проблеме измерения социальной тревожности, в России они немногочисленны. Оценка социальной тревожности очень важна, особенно в клинических условиях, так как в крайних своих проявлениях она может привести к полной социальной изоляции и инвалидизации субъекта. Целью работы является дифференциация уровня социальной тревожности у пациентов с параноидной и иными формами шизофрении. Основным методом является опрос пациентов по опроснику «Шкала социальной тревожности Либовица» (LSAS) с последующей статистической обработкой числовых данных и формированием сравнительных выводов на основе полученных результатов. В ходе расчетов среднее значение общего балла шкалы социальной тревожности Либовица, подшкал страха и избегания у пациентов с параноидной формой шизофрении с вероятностью 95% выше, чем у пациентов с другими формами шизофрении. Так как современным стандартом оказания психиатрической помощи является комплексность воздействия (сочетание клинической диагностики с медикаментозной и психосоциальной терапией), то повышение доступности и качества психологической помощи может позволить более точно и регулярно проводить диагностику и выявлять проблемы.

Ключевые слова: шизофрения, уровень тревожности, параноидная форма, шкала Либовица, диагностика тревожности, социофобия.

Введение

Шизофрения является одной из важнейших проблем современной клинической психиатрии. Ежегодно в мире диагноз шизофрении ставится примерно 2 миллионам человек. Параноидная шизофрения является наиболее распространенной клинической формой шизофрении (0,5-0,9% населения, 50% коек в психиатрических больницах занимают больные шизофренией) [1]. Помимо прочих причин, факторы окружающей среды могут увеличить риск шизофрении, включая низкий уровень жизни, стрессовую обстановку и воздействие вирусов или внутриутробных угроз. Изучение шизофрении представляет значительные трудности, поскольку на выявление больных влияет множество факторов — репрезентативность выборки, различия

диагностических подходов, доступность и качество работы психиатрических служб, а также особенности учета пациентов [2].

Хорошо известно, что больные шизофренией сталкиваются с трудностями при выполнении различных когнитивных задач, существует высокая степень корреляции между шизофренией и когнитивными расстройствами. Нейропсихологические исследования шизофрении многочисленны и представляют данные о когнитивных дисфункциях при различных типах шизофрении. Исследования показывают, что непараноидные пациенты имеют форму заболевания, характеризующуюся более слабым преморбидным функционированием и более высоким уровнем повреждения мышления и восприятия, по сравнению с пациентами с параноидной

шизофренией [3]. Пациенты с параноидной шизофренией демонстрируют частичную потерю интеллектуальной эффективности в области внимания. В то время как за рубежом имеется большое количество исследований, посвященных проблеме измерения социальной тревожности, в России они немногочисленны [4]. Социальная тревожность - почти универсальное человеческое явление, которое может варьироваться от обычного беспокойства по поводу социальной оценки до изнурительного дистресса и связанного с ним нарушения социального, образовательного и профессионального функционирования. Тщательная оценка социальной тревожности очень важна, особенно в клинических условиях, так как в крайних своих проявлениях она может привести к полной социальной изоляции и инвалидизации субъекта [4]. Современным стандартом оказания психиатрической помощи является комплексность воздействия (сочетание клинической диагностики с медикаментозной и психосоциальной терапией) [5].

Материалы и методы

Шкала социальной тревоги Либовица (LSAS) является одной из наиболее часто используемых клинико-административных шкал для оценки социальной тревожности. Исследования доказывают, что LSAS представляется надежной, валидной и чувствительной к лечению мерой социальной тревожности [6]. LSAS – первая шкала, разработанная для оценки социальной тревожности, предназначена для оценки ряда ситуаций социального взаимодействия, которых люди с социофобией могут бояться и/или избегать. 24 пункта опросника разделены на две подшкалы, которые касаются ситуаций социального взаимодействия (11 пунктов) и ситуаций производительности (13 пунктов). Врач просит пациента оценить страх и избегание в течение последней недели по шкалам 0-3; однако врачу предоставляется возможность задавать вопросы по поводу ответов пациента и соответствующим образом корректировать оценки. Таким образом, LSAS содержит шесть подшкал: общий страх, страх социального взаимодействия, страх выступления, общее избегание, избегание социального взаимодействия и избегание выступления. Общий суммарный балл часто рассчитывается путем суммирования общего страха и общего избегания, и этот индекс наиболее часто используется в исследованиях социальной фобии.

Исследование проводилось на базе ГБУЗ ПКБ №1 им. Н.А. Алексеева, были сформированы две выборки пациентов:

1. 18 пациентов в контрольной группе (непараноидная шизофрения);
2. 30 пациентов в опытной группе (параноидная шизофрения).

После получения первичных заполненных форм опросника, были рассчитаны и сравнены между группа-

ми следующие статистические показатели:

- Среднее
- Дисперсия
- Погрешность ($P=0,95$)
- Среднее min
- Среднее Max

Результаты и обсуждение

Повышенная тревожность у пациентов с шизофренией обусловлена определенной изолированностью от социума и особенностями социального взаимодействия лиц данной категории – сложностью понимания социальных ситуаций, дефицитом социального познания, аутистическим отказом от взаимодействия с окружающими, подозрительностью. Тревога при шизофрении чаще возникает как реакция «Я» личности на собственную измененность, обусловленную развитием психического заболевания, и является переживанием проблематичности социального функционирования. Повышенная тревожность больных шизофренией также объясняется тем, что это реакция на затруднение при построении картины мира, приводящая к неадекватным поступкам и соответствующим реакциям окружающих.

Результаты опроса основной группы представлены в Таблице 1.

Аналогично представлены результаты опросника для группы пациентов с иными формами шизофрении (Таблица 3) и расчёты статистических показателей (Таблица 4).

Рассчитанные статистические показатели контрольной группы представлены в Таблице 4.

Для наглядности, на рисунке 1 представлен график, демонстрирующий значительные различия общего балла социальной тревожности между контрольной и опытной группами. Так, пациенты с параноидной формой шизофрении имеют значительно более высокие показатели по данному параметру, что говорит о необходимости повышенного внимания к таким пациентам при назначении лекарственных препаратов и выборе методов и интенсивности психологической работы.

Социальное функционирование больных параноидной шизофренией в ремиссии характеризуется значительно выраженным снижением в области социально полезной деятельности. На социальное функционирование оказывают влияние структура ремиссии и, прежде всего, выраженность негативной симптоматики. Трудовая деятельность способствует повышению качества жизни больных параноидной шизофренией, что отражается, в частности, в степени удовлетворенности бытовыми условиями, сферой общения, семейными отношениями. Тренинг социально-коммуникативной

Таблица 1.

Результаты опроса пациентов с параноидной шизофренией

Опытная группа	Общий Балл	Подшкала Страха	Подшкала Избегания
Пациент 20	74	35	39
Пациент 24	76	37	38
Пациент 17	77	39	38
Пациент 23	77	39	38
Пациент 27	78	35	43
Пациент 28	79	26	53
Пациент 26	85	41	44
Пациент 18	90	45	45
Пациент 2	94	49	45
Пациент 8	95	49	46
Пациент 29	95	49	46
Пациент 1	97	56	41
Пациент 19	100	50	50
Пациент 11	101	52	49
Пациент 9	107	58	49
Пациент 5	109	53	56
Пациент 30	112	57	55
Пациент 3	114	54	36
Пациент 10	114	54	60
Пациент 25	116	54	62
Пациент 31	119	60	59
Пациент 7	124	71	53
Пациент 6	127	57	70
Пациент 21	129	62	67
Пациент 14	138	75	63
Пациент 16	138	62	66
Пациент 13	143	74	69
Пациент 15	144	75	69
Пациент 4	151	76	75
Пациент 22	160	80	80
Пациент 12	169	85	84

Примечание: список пациентов расположен по увеличению максимального общего балла по шкале Либовица для оценки симптомов социофобии

Таблица 2.

Расчёты по опытной группе

Показатель	Общий балл	Подшкала страха	Подшкала избегания
Среднее	110,71	55,13	54,45
Дисперсия	705,48	214,85	176,86
Погрешность (P=0,95)	9,35	5,16	4,68
Среднее min	101,36	49,97	49,77
Среднее Max	120,06	60,29	59,13

Таблица 3.

Результаты опроса пациентов с не параноидной шизофренией

Контрольная группа	Общий Балл	Подшкала Страх	Подшкала Избегания
Пациент 10	38	26	12
Пациент 11	38	29	9
Пациент 12	47	28	19
Пациент 8	53	30	23
Пациент 5	55	25	30
Пациент 9	56	34	22
Пациент 7	57	36	21
Пациент 16	60	25	35
Пациент 3	64	32	32
Пациент 17	72	25	47
Пациент 1	86	42	43
Пациент 2	92	45	47
Пациент 14	100	52	48
Пациент 6	105	58	47
Пациент 18	112	55	57
Пациент 4	123	57	66
Пациент 13	123	62	61
Пациент 15	173	88	85

Примечание: список пациентов расположен по увеличению максимального общего балла по шкале Либовица для оценки симптомов социофобии

Таблица 4.

Расчёты по контрольной группе

Показатель	Общий балл	Подшкала страха	Подшкала избегания
Среднее	80,78	41,61	39,11
Дисперсия	1315,36	300,25	410,93
Погрешность (P=0,95)	16,75	8,01	9,36
Среднее min	64,02	33,61	29,75
Среднее Max	97,53	49,62	48,48

компетентности целесообразно включить в реабилитационные программы у больных параноидной шизофренией [7]. В Комплексном плане действий ВОЗ в области психического здоровья на 2013–2030 гг. предусмотрены шаги, необходимые для обеспечения оказания соответствующих услуг лицам с психическими расстройствами, включая шизофрению. Специальная инициатива ВОЗ в области охраны психического здоровья направлена на дальнейшее продвижение к целям, предусмотренным в комплексном плане действий в области психического здоровья на 2013–2030 гг. путем обеспечения доступа еще 100 миллионов человек к качественной и доступной помощи при психических заболеваниях [8]. Так, целью одного из современных европейских исследований было тестирование платформы MONEO на базе смартфо-

на, предназначенной для улучшения клинического состояния пациентов с параноидной шизофренией. Телемедицинское лечение считается столь же эффективным, как и традиционное лечение в амбулаторных клиниках. Продемонстрировано положительное влияние данной платформы на клиническое состояние лиц с параноидной шизофренией. Также сообщалось об отсутствии негативных последствий, связанных с использованием устройства. В исследуемой группе значительно уменьшились подшкалы депрессии, возбуждения, общей психопатологии и дезорганизации, в то время как в группе плацебо уменьшилась только подшкала депрессии [9].

Выводы

В ходе проведенного исследования было выявлено,

Рис. 1. Сравнительный график общего балла по шкале Либовица

что среднее значение общего балла шкалы социальной тревожности Либовица у пациентов с параноидной формой шизофрении с вероятностью 95% лежит в интервале от 101,36 до 120,06. А у пациентов с иными формами шизофрении среднее значение с вероятностью 95% лежит в интервале от 64,02 до 97,53. Среднее значение подшкалы страха шкалы социальной тревожности Либовица у основной группы (параноидная шизофрения) с вероятностью 95% лежит в интервале от 49,97 до 60,29. А у контрольной группы (иные формы шизофрении) среднее значение с вероятностью 95% лежит в интервале от 33,61 до 49,62. Среднее значение подшкалы избегания шкалы социальной тревожности Либовица у параноидных шизофреников с вероятностью 95% лежит в

интервале от 49,77 до 59,13. А у не параноидных шизофреников среднее значение с вероятностью 95% лежит в интервале от 29,75 до 48,48.

Таким образом, среднее значение общего балла шкалы социальной тревожности Либовица, подшкалы страха и подшкалы избегания у параноидных шизофреников выше, чем у не параноидных шизофреников.

Данная работа вносит вклад в развитие отечественных исследований в области социальной тревожности у больных шизофренией, а также даёт некоторые рекомендации и возможные перспективные направления для работы с такими пациентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kolesnichenko, E.V. (2015). Predicting severity of paranoid schizophrenia. *European journal of biomedical and life sciences*, 3, 35-38.
2. Тиганов, А.С. (2001) Современные проблемы общей психопатологии. *Социальная и клиническая психиатрия*, 31, 28-30.
3. Leposavic, L., Leposavic, I. (2015) Paranoid Schizophrenia versus Schizoaffective Disorder: Neuropsychological Aspects. *Srpski arhiv za celokupno lekarstvo*. 143, 391-396.
4. Григорьева, И.В., Ениколопов, С.Н. (2016) Апробация опросников «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки (краткая версия)». *Национальный психологический журнал*, 1(21), 31-44.
5. Прощенко, И.В., Максимова, Н.Е. (2018) Комплексное исследование больных параноидной формой шизофрении. *Социальная и клиническая психиатрия*, 28(3), 105-107.
6. Heimberg, R., Horner, K., Juster, H. (1999) Psychometric properties of the Liebowitz Social Anxiety Scale. *Psychological medicine*, 29, 199-212.
7. Вишневецкая, О.А., Гвоздецкий, А.Н., Петрова, Н.Н. (2012) Социальное функционирование больных параноидной шизофренией в ремиссии. *Социальная и клиническая психиатрия*, 22(4), 30-36.
8. Шизофрения – информационный бюллетень (2022) Центр СМИ – Всемирная организация Здравоохранения [Электронный ресурс] URL: <https://www.who.int/>
9. Krzystanek, M., Borkowski, M., Skalačka, K., (2019) A telemedicine platform to improve clinical parameters in paranoid schizophrenia patients: Results of a one-year randomized study. *Schizophrenia research*, 204, 389-396.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Гриньков Антон Юрьевич

Слушатель, Дальневосточный Институт
Психологии и Психоанализа
anton-gromov-1988@mail.ru

ALUE ORIENTATIONS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

A. Grinkov

Summary: The article touches upon some issues of the formation of personal values in the conditions of existence in society in the modern world. The author draws attention to the most urgent problems of the younger generation related to the spiritual and moral sphere of being. It should be noted that young people need to be given independence, because without it they will not be able to form as individuals. The future of today's youth and the future of society as a whole depend on what the values of today's youth are, therefore it is important to instill such socially useful values that are eternal, which existed in previous times.

Keywords: moral values, the younger generation, personality, society, society, norms of behavior.

Аннотация: Статья затрагивает некоторые вопросы формирования ценностей личности в условиях существования в обществе в современном мире. Автор обращает внимание на наиболее актуальные проблемы подрастающего поколения, связанные с духовно-нравственной сферой бытия. Следует отметить то, что молодым нужно предоставить самостоятельность, потому что без нее они не смогут сформироваться как личности. От того, каковы ценности сегодняшней молодежи, зависит её будущее и будущее общества в целом, поэтому важно прививать такие общественно-полезные ценности, которые являются вечными, которые существовали и в предшествующие времена.

Ключевые слова: нравственные ценности, подрастающее поколение, личность, социум, общество, норма поведения.

Современное общество сталкивается с угрозами дестабилизации мировоззренческого характера. Главное, что исследователи фиксируют – изменение ценностных установок, приводящих к ухудшению психологического и социального благополучия [5, с.32]. Ценностные установки представляют из себя отражения человеком его отношения к окружающему миру, себе. В зависимости от того какие ценностные установки присуще человеку, формируется его модель поведения к окружающей действительности, к людям, к обществу в целом. Установки определяют действия человека в определенной ситуации, его мотивы, которые определяют последовательность и первостепенность действий [8, с.132].

С изменением социально-экономического положения общества, изменением моральных принципов и ценностных ориентаций, а также с развитием новейших технологий возникла необходимость исследования ценностных установок россиян. На основе данных характеристик у человека формируется субъективное отношение к своему качеству жизни, которое определяется следующими показателями: удовлетворенность жизнью [6, с.118].

Очередные показатели образуют социальную идентичность, указывающую на принадлежность человека к группе, с членами которой у него тождественны взгляды относительно конкретно взятого вопроса, а с другими группами эти взгляды расходятся. Идентичность может проявляться в разных формах [6, с.52]. В связи с

этим, можно говорить о том, что личностная позиция может включать в себя такие понятия, как независимость (субъектная устойчивая позиция человека относительно возможностей его действий) и чувство справедливости (субъектная позиция человека относительно обстоятельств, в которых оказался он или другие люди) [3, с.65].

Формально ценности можно разделить на положительные и отрицательные, абсолютные и относительные, объективные и субъективные.

Можно с уверенностью утверждать, что ценности общества отражаются в Основном законе страны, как объединяющем и всеобъемлющем документе, поскольку современное правовое и социальное пространство измеряется правовыми ценностями.

Одним из самых основных направлений среди правовых ценностей людей является так называемые конституционно-правовые (конституционные) ценности. Данные ценности определяют социальное поведение человека на основе регулирования юридического характера. При помощи данной шкалы ценностей люди вырабатывают стратегию поведения в обществе, разрешают свои конфликты с окружающими, определяют манеры поведения в сложной жизненной ситуации опираясь на юридическую направленность.

Конституционные ценности являются основой, на которую ориентируются люди при устройстве механиз-

мов общества государства [6, с.69]. Однако в различные временные промежутки конституционные ценности также меняются в зависимости от потребностей общества, для его регулирования. Существуют различные политические режимы, которые в свою очередь оказывают влияние на конституционные ценности, однако помимо данных ценностей существуют общечеловеческие ценности, которые так же основываются на перечисленных факторах и условиях, актуальны во все времена. На сегодняшний день к таким ценностям можно отнести правовую свободу, собственность, общественный порядок и государственная безопасность. Данные ценности в настоящее время получили наибольшее распространение в обществе.

Перечисленные ценности закреплены в конституции государства, в котором проживает человек. Данная правовая направленность позволяет регулировать отношения, возникающие в решении вопросов собственности, установления общепринятых правил поведения в обществе. Однако, на современном этапе развития общества стоит вопрос, юридическая интерпретация и изложение в законодательстве правовых ценностей в полной мере отвечает современным мировым трендам развития государства и права.

Так, к примеру, оценивая изменения, которые вошли в окончательный вариант Конституции России [1], можно отметить, что среди новелл, заслуживающих особого внимания, является закрепление многих социальных позиций государства, неотчуждаемость российской территории, защиту исторической правды, определение русского языка государственнообразующим, признание культуры РФ уникальным наследием.

Также, в Конституции появилось очень важное положение о самобытности культуры народов, живущих в России, гарантируется защита прав и поддержка соотечественников за рубежом и еще целый ряд позитивных положений.

Отдельно следует отметить внесенный тезис: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России». Безусловно, были учтены слова Президента В.В. Путина, который сказал, что «у нас в традициях народов России всегда было особое, бережное отношение к ребёнку, к детям». И теперь наши дети, все без исключения, независимо от того, в какой семье они растут, благополучной и успешной, патронатной или под опекой дедушек и бабушек, в любом случае они будут под защитой государства. И хотя на протяжении всей истории нашего Отечества детям всегда уделялось особое внимание, но только теперь забота о подрастающем поколении становится главной государственной задачей».

Внимание к детям должно вылиться и в особое от-

ношение к молодым семьям в виде самых разнообразных форм поддержки. Это решение проблем с жильем, с предоставлением мест в детских садах, путевок в летние оздоровительные лагеря и в санатории. Это современные перинатальные центры, детские поликлиники и больницы с высоким качеством медицинского обслуживания. Переживание тревоги часто связано с взаимосвязанными симптомами и расстройствами. Подсчитано, что каждый четвертый житель России будет испытывать проблемы с психическим здоровьем каждый год, а каждый шестой страдает невротическим расстройством, таким как тревога или депрессия. По оценкам, от тревожных расстройств страдают 3,3% детей и молодых людей в России.

В современном мире многие полагаются на платформы социальных сетей, такие как Facebook, Twitter, Snapchat, YouTube и Instagram, чтобы находить друг друга и общаться друг с другом. Хотя у каждого из них есть свои преимущества, важно помнить, что социальные сети никогда не могут заменить реальную человеческую связь. Требуется личный контакт с другими людьми, чтобы активировать гормоны, которые снимают стресс и заставляют вас чувствовать себя счастливее, здоровее и позитивнее. По иронии судьбы для технологии, предназначенной для сближения людей, слишком много времени на взаимодействие с социальными сетями может на самом деле заставить вас чувствовать себя более одиноким и изолированным, а также усугубить проблемы психического здоровья, такие как тревога и депрессия [6, с.97].

Активное использование социальных сетей может маскировать другие основные проблемы, такие как стресс, депрессия или скука. Если проводить больше времени в социальных сетях, когда грустно, одиноко или скучно, можно использовать это как способ отвлечься от неприятных ощущений или успокоить свое настроение. Поначалу это может быть сложно, но то откроет путь к поиску более здоровых способов управлять своим настроением. Поскольку это относительно новая технология, мало исследований, чтобы установить долгосрочные, хорошие или плохие, последствия использования социальных сетей. Однако многочисленные исследования показали прочную связь между активными социальными сетями и повышенным риском депрессии, беспокойства, одиночества, членовредительства и даже суицидальных мыслей [5, с.206].

Заслуживают внимания результаты проводимого в декабре 2021 года Институтом воспитания исследования воспитательной деятельности в школах РФ [12]. Его цель – выявить факторы, влияющие на формирование ценностей у современной молодежи. Задачами исследования стало выявление ценностных ориентаций современных российских школьников и представлений о них

родителей и учителей в следующих сферах:

- общение и взаимоотношения
- отношение к окружающему миру
- отношение к Родине
- познавательные интересы
- отношение к собственному Я.

Результаты показывают, что самой значимой ценностью оказалась «семья», на втором и третьем местах расположились «здоровье» и «общение с друзьями» соответственно. Наименее значимыми ценностями оказались «престиж», «слава» и «общение с природой». Самыми действенными способами достижения успеха вновь были выбраны «упорный труд» (27%) и «образованность» (23%), самый не эффективный способ тоже совпал с лицейским результатом – «профессиональная деятельность за границей» (3,6%).

Беспокойство – одна из самых распространенных проблем психического здоровья в России, и ее число растет. Тем не менее, он остается заниженным, недостаточно диагностированным и недолеченным. Хорошая способность справляться с тревогой – ключ к устойчивости перед лицом всего, что бросает нам жизнь. Однако переживание этого слишком много или слишком часто означает, что мы рискуем быть подавленными, неспособными найти баланс в своей жизни или расслабиться и восстановиться. Наша способность обрести душевный покой как никогда важна для нашего благополучия. В этом отчете тревога рассматривается как важный аспект нашей человечности и как часть естественной эмоциональной реакции человека на обстоятельства нашей жизни. Речь также идет о борьбе со стигмой, которая все еще мешает нам обращаться за помощью и поддержкой, когда уровень акцентуации становится реальной проблемой. Как отдельные люди и общество, мы должны лучше понимать тревогу и взаимодействовать с ней, распознавая, когда она помогает нам обратить внимание, и гарантируя, что у нас есть стратегии преодоления, когда ее негативное влияние становится слишком большим

При этом важно рассмотреть, с какими трудностями сталкивается молодежь в период формирования ценностной ориентации. Наилучшие оценки предполагают, что: каждый четвертый житель России будет испытывать

проблемы с психическим здоровьем каждый год; каждый шестой будет испытывать общую проблему психического здоровья, такую как тревога или депрессия; и что эти цифры неуклонно росли за последние 20 лет. Оценки количества людей, испытывающих тревогу, различаются из-за разных методов сбора данных и разных критериев, используемых при их идентификации. Некоторые исследования полагаются на самооценку: собственные оценки людей своего эмоционального состояния [8, с.89]. Каждый человек в какой-то момент своей жизни испытывает чувство тревоги, будь то подготовка к собеседованию, первая встреча с семьей партнера или перспектива стать родителями. Хотя мы связываем тревогу с изменениями в нашем психическом состоянии, которые, возможно, переживаются как беспокойство или опасения, и с физическими симптомами, такими как учащенное сердцебиение и адреналин, мы также понимаем, что это может повлиять на нас только временно, пока источник нашего беспокойства не исчезнет или мы научились с этим справляться. Таким образом, тревога – это одна из ряда эмоций, которая выполняет положительную функцию, предупреждая нас о вещах, о которых нам, возможно, нужно беспокоиться: о вещах, которые потенциально вредны. Что еще более важно, эти эмоции помогают нам оценивать потенциальные угрозы и реагировать на них соответствующим образом, возможно, за счет ускорения наших рефлексов или концентрации внимания [4, с.58].

Итак, ценностными установками россиян являются субъективное благополучие, аффилиация, личностная позиция и социальная идентичность. Субъективное благополучие как фактор отражает наличие в ценностных установках россиян самоощущения счастья, удовлетворенности жизнью и здоровьем. Аффилиация отражает наличие доверия, взаимопомощи и дружбы. Личностная позиция включает в себя чувство справедливости и независимость, а социальная идентичность – религиозность и политическую позицию. В ходе исследования было выявлено, что ниже всего россиянами оценивается наличие в их жизни друзей, самооценка здоровья и уровень доверия окружающим, что позволяет говорить о рисках психологического благополучия в современных социокультурных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) [Текст] (ред. от 21.09.2020) // Рос. газ., 1993, 25 декабря
2. Беспалов Ю.Ф. О правовом значении и ценности некоторых философско-нравственных категорий в семейных отношениях // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 33
3. Гайдук Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социол. исслед. - 2017. - № 4. - С. 37-43.
4. Зорькин, В.Д. Цивилизация права и развитие России: Монография / В.Д. Зорькин. Москва: Норма; ИНФРА-М, 2015. 320 с.
5. Комарова Д.Н. Парадоксы субъективного благополучия личности// Актуальные исследования. 2020. № 1 (4). С. 52- 55.

6. К вопросу о формировании нравственных ценностных ориентаций // Дошкольное воспитание. – 2019. - № 9. – С. 23-27.
7. Юревич А.В. Макропсихология современного российского общества. Москва: Институт психологии РАН, 2019. 383 с.
8. Институт воспитания РАО. Результаты опроса «Ценностные ориентиры. Исследование», декабрь 2021 // Режим доступа: <http://vcht.center/wp-content/>

© Гриньков Антон Юрьевич (anton-gromov-1988@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Хабаровск

СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЧАСТЬЕ В СТРУКТУРЕ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Донская Оксана Александровна

аспирант, Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова

aad@inbox.ru

SPECIFICITY OF IDEAS ABOUT HAPPINESS IN THE STRUCTURE OF ORDINARY CONSCIOUSNESS OF PEOPLE OF DIFFERENT AGE GROUPS

O. Donskaya

Summary: The article is devoted to the study of the specifics of ideas about happiness in the structure of ordinary consciousness of people of different age groups. The author suggests that the ideas of happiness, on the one hand, correlate with the components of the value-need sphere of a person, acting in a specific case in the form of a specific hierarchy of individual needs formed through the prism of social processes, on the other hand, with a consciously accepted (recognized) person in a specific way of a happy person as a standard from the position of [ordinary] micro- and macrosocial experience. For the purposes of arguing this thought, the author presents the results of a study of the specifics of the idea of happiness in the structure of ordinary consciousness of representatives of three generations – Z, Y and X (n = 1186). As a result of the study, the range of values corresponding to the ideas about happiness of people of different ages was clarified, priority needs were identified, the implementation of which will allow them to feel happy, differences in the semantic meaning of the phenomenon of happiness were identified, the degree and criteria for changing the ideas about happiness in three age groups were determined.

Keywords: everyday consciousness, happiness, hedonism, eudemonism, the semantic meaning of happiness, stereotypes, generations, age groups.

Аннотация: Статья посвящена изучению специфики представлений о счастье в структуре обыденного сознания людей разных возрастных групп. Автором высказывается мысль о том, что представления о счастье, с одной стороны, коррелируют с компонентами ценностно-потребностной сферы личности, выступающей в конкретном случае в виде специфической иерархии индивидуальных потребностей, сформированных через призму общественных процессов, с другой – с осознанно принятым (признанным) человеком конкретным образом счастливого человека в качестве эталона с позиции [обыденного] микро- и макросоциального опыта. Для целей аргументации этой мысли, автором представляются результаты исследования специфики представлений о счастье в структуре обыденного сознания представителей трех поколений – Z, Y и X (n = 1186). В результате исследования, были уточнен спектр ценностей, соответствующих представлениям о счастье людей разных возрастов, определены приоритетные потребности, реализация которых позволит им чувствовать себя счастливыми, выявлены различия в смысловом значении феномена счастья, определена степень и критерии изменения представлений о счастье в трех возрастных группах.

Ключевые слова: обыденное сознание, счастье, гедонизм, эвдемонизм, смысловое значение счастья, стереотипы, поколения, возрастные группы.

Несмотря на то, что проблема интраспективизации счастья во все времена выступала предметом исследования представителей различных областей научного знания, задача объективного взгляда на его структуру (концептуальное содержание) и по сей день остается нерешенной, что, на наш взгляд, обуславливается системным изменением ценностно-смысловых кодов этого феномена. В структуре обыденного сознания индустриального общества представление о счастье перестает быть чем-то исключительно [интра-] субъективным, приобретая характер экстра-субъективного и (или) принудительного [1, с. 19], нивелируя границу гедонизмом и эвдемонизмом. В обоих случаях, как утверждал А. Уотерман, счастье есть высшее благо, однако, в первом оно сводится к балансу положительных и отрицательных эмоций, тогда как во втором – дополнительно вводятся

иные измерения, относящиеся к добродетели, деятельности, соответствию подлинного «Я» [2].

Используя в своем знаменитом эссе категорию «принудительное счастье», П. Брюкнер показывает, что для общества консюмеризма понимание счастья – это важнейшая компонента «всеобщей программы тотального потребления», т.к. в таком качестве счастье выступает как требуемый культурный императив и ценностная установка, смысл которых заключается в получении максимума удовольствия, к чему, фактически и стремиться общество потребления. По мнению писателя, именно оно провозглашает «Будьте счастливы! Есть ли предписание более парадоксальное, более ужасное...? Трудно выполнить столь беспредметный наказ. Ибо как узнать, счастлив ты или нет? Кто определяет нормы? Почему

непрерывно, обязательно быть счастливым?» [3, с. 117]. Однозначных ответов на данные вопросы, безусловно, быть не может, по меньшей мере в силу того, что методы, модели и инструменты исполнения этого обязательства, обязательства «быть счастливым», в априори индивидуализированы и осознанной стереотипизации, гендерной, возрастной и проч. подвергаются лишь отчасти [4-6]. Вероятно, именно по этой причине измерить и определить четкие критериальные границы счастья как составляющей обыденного сознания не представляется возможным.

Д.А. Леонтьев объясняет это абсолютным характером самой категории счастья при понимании его как и субъективного блага, и как субъективного переживания. Счастье, по его мнению, «не может быть умеренным, половинчатым; оно всегда рассматривается как предельное состояние, которое не может быть большим или меньшим; количественно измерять можно только длительность или устойчивость его проявления в жизни человека» [7, с. 19]. В свою очередь, И.А. Джидарьян склонна полагать, что на уровне обыденного сознания имеет место некая эталонная система представлений о счастье, в соответствии с которой происходит оценка не только себя, но и других людей по критерию «счастливый – несчастливый» [8, с. 42]. Исходя из этой мысли, можно предположить, что индивид, заинтересованный в достижении счастья как высшего блага, в априори оперирует оценочными суждениями, ориентированными на социальный тренд, стремясь подвести модель своего жизнестворчества к некому единому, принятому в обществе знаменателю.

Одновременно с этим, доказательно, что удовлетворенность этой оценкой будет зависеть от понимания индивидом смысла счастья как такового, его интра-субъективной интерпретации [9]; в ином случае может произойти подмена идеи стремления к счастью, согласуемому с подлинным «Я», идеей стремления перенять масс-общественные ценности-тренды, выдать их за собственные, формулируя ложную реальность «подлинного» счастья, как осознанность [10, 11]. Иными словами, счастье начнет системно приобретать экстра-субъективный характер. Так, например, американский социальный психолог У.Л. Уилсон еще в конце 60-х гг. XX в. предпринял попытку уточнения коррелятов счастья и пришел к выводу о том, что счастливый человек – это человек преимущественно, «молодой, здоровый, с хорошим образованием, с хорошим доходом, экстравертированный, оптимистичный, свободный от тревог, религиозный, состоящий в браке, с высокой самооценкой, с высокой трудовой моралью, умеренными притязаниями, пол и интеллект которого могут быть любыми» [12, р. 294]. Несмотря на очевидную идеализацию образа счастливого человека, У.Л. Уилсон дал достаточно объективную характеристику причин дифференциации уровня счастья,

заключив, во-первых, что счастье порождает надлежащее удовлетворение потребностей, соответственно, несчастье – постоянное их неудовлетворение; во-вторых, что «степень успешности, необходимая для удовлетворенности, зависит от уровня адаптации или уровня притязаний, который обусловлен прошлым опытом, сравнением другими, личностными ценностями и иными факторами» [12, р. 302].

Исходя из этой мысли, можно предположить, что представления о счастье, с одной стороны, коррелируют с компонентами ценностно-потребностной сферы личности, выступающей в конкретном случае в виде специфической иерархии индивидуальных потребностей, сформированных через призму общественных процессов [13, с. 143], с другой – с осознанно принятым (признанным) человеком конкретным образом счастливого человека в качестве эталона с позиции [обыденного] микро- и макросоциального опыта. Безусловно, гипотезы У.Л. Уилсона впоследствии неоднократно доказывались и опровергались (М. Аргайл, Э. Динер, Д. Канеман, Дж. Кац, С. Любомирски, Д.А. Редельмайер, С. Уизи, Ф. Эндрюс и др.), однако, в большинстве своем подтверждались.

Проблема представлений о счастье в отечественной научно-исследовательской практике достаточно хорошо разработана (Е.Е. Бочарова, И.А. Джидарьян, С.В. Жубарин, М.Н. Королева, М.В. Лапухина, Д.А. Леонтьев, Г.В. Липатьев, С.В. Миронова, Е.А. Мишутина, Л.Э. Семенова, В.Э. Семенова, Т.А. Серебряков, И.В. Фелева), однако, анализ существующих эмпирических исследований указывает на преобладание акцента на гендерных аспектах представлений о счастье или же объектом исследования выступает конкретная возрастная группа, в большинстве своем – молодежь. Авторы, объектом исследования которых становились участники разных возрастов, рассматривали проблему представлений о счастье преимущественно через призму смыслового сходства сопоставляемых с его образом понятий, таких как любовь, здоровье, независимость, материальное благополучие, успешная карьера и проч. Однако, следует согласиться с В.В. Богданова о том, что изменение экзистенциальных приоритетов человека современного общества, в частности, счастья [14], лежит в смене ценностей и мотивов, а также в постоянной необходимости постоянного поиска средств для удовлетворения насущных потребностей [15, с. 70].

В рамках настоящей статьи представлены результаты эмпирической оценки представлений о счастье в структуре обыденного сознания людей различных возрастных групп через призму их ценностей и потребностей. В силу отсутствия аналогичных исследований в отечественной источниковой базе, предполагается, что наши результаты смогут послужить вспомогательной основой для про-

ведения более масштабных опытно-экспериментальных работ, что, в свою очередь, позволит актуализировать феноменологию счастья в разрезе межпоколенных связей. Выборку нашего исследования составили 1186 человек, из которых 492 – представители поколения Z (возраст от 18 до 25 лет), 318 – представители поколения Y (возраст от 26 до 41 года), 376 – представители поколения X (возраст от 42 до 59 лет). Для целей проведения исследования была разработана электронная анкета, основная часть которой включала в себя четыре закрытых и два открытых вопроса:

1. Какие жизненные ценности соответствуют Вашему представлению о счастье? (по Ш. Шварцу) (*власть-богатство, достижения, универсализм, благожелательность, традиция, комфортность, безопасность, гедонизм, риск-новизна, самостоятельность*).
2. Реализация каких потребностей, с Вашей точки зрения является первичной для того, чтобы считать себя счастливым человеком? (по А. Маслоу) (*физиологические, потребность в безопасности, потребность в принадлежности и любви, потребность в уважении (почитании), познавательные потребности, эстетические потребности, потребность в самоактуализации*).
3. С какими из нижеперечисленных категорий у Вас ассоциируется счастье? (*любовь, благополучная семья, дети, успешная карьера, материальное благополучие, беззаботная жизнь, труд во благо других людей, здоровье, любимое дело, молодость и красота, независимость, власть*)
4. Считаете ли Вы себя счастливым человеком? (*да, нет*).
5. Оказывают ли влияние удачи (неудачи), достижения (провалы), действия, поступки или суждения друзей или членов семьи на Ваши представления о счастье?
6. Оказали ли влияние на Ваши представления о счастье события 2020-2022 гг. (экономического, геополитического, эпидемиологического и проч. характера)?

В соответствии с договоренностью с администраторами сообществ (14) в социальных сетях Vkontakte и Telegram, анкета размещалась на срок от 1 суток до 1 недели. Сбор данных производился автоматически с помощью инструментария Google Forms. Период проведения анкетирования – январь – март 2022 г.

По результатам анализа ответов на первый вопрос мы пришли к следующим выводам: в спектр ценностей, соответствующих представлениям о счастье в группе «Z» вошли: самостоятельность (независимость в мышлении и принятии решений, творчество, исследование) (47%), достижения (личный успех через демонстрацию способностей, соответствующих социальным стандар-

там) (32%), риск-новизна (жизнь, наполненная острыми ощущениями, новизной, вызовами) (26%). Для группы «Y» преобладающими ценностями стали благожелательность (сохранение и повышение благополучия людей, с которыми человек часто общается) (61%), достижения (56%), безопасность (безопасность, гармония и стабильность общества, взаимоотношений и личности) (47%). Среди представителей группы «X» наиболее часто встречались следующие вариации базовых жизненных потребностей: безопасность (66%), традиция (уважением, приверженность и принятие обычаев и идей, которые исходят из традиционной культуры и религии) (58%), комфортность (избегание действий, которые могли причинить вред другим людям или нарушить социальные требования и нормы) (54%). Интересно заметить, что в данной группе на четвертой позиции доминирует ценность «гедонизм», что в определенной мере справедливо.

В результате изучения ответов на второй вопрос, мы выявили следующее: по мнению представителей группы «Z», для того, чтобы быть счастливым, приоритетна реализация потребности в самоактуализации (реализация своих целей, способностей, развитие собственной личности и проч.) (72%) в принадлежности и любви (принадлежность к общности, быть принятым, любить и быть любимым) (68%), физиологических потребностей (голод, жажда и проч.) (59%); познавательные потребности, заметим, оказались на четвертой позиции (51%). Для группы «Y» доминантами стали потребность в уважении, почитании (компетентность, достижение успеха, одобрение, признание) (69%), потребность в принадлежности и любви (64%) и потребность в безопасности (чувствовать себя защищенным, избавиться от страха и неудач) (48%); в 39% случаев в качестве приоритета для достижения счастья были выбраны физиологические потребности. Касаемо старшего поколения, то в результате в целом, соответствовали данным, полученным по предыдущему вопросу: потребность в безопасности отметили 71% участников исследования, потребность в уважении (почитании) – 65%, потребность в гармонии, порядке и красоте – 61%.

Оценка результатов, полученных в результате изучения ответов на третий вопрос указывает на некоторые сходства с результатами, полученными другими авторами [5]. Так, с образом счастья у представителей молодежи ассоциируется в большей степени «здоровье» (96%), «благополучная семья», (87%), «материальное благополучие» (75%), «независимость» (71%), «любовь» (70%). Как видно, концепт независимости не включается в основной ассоциативный ряд участников из группы «Z» (данный объект идентификации был отмечен в 36% случаев), что в определенной мере вступает в противоречие с результатами, полученными в рамках первого вопроса. По мнению представителей «Y» счастье ассо-

цируется с «благополучной семьей» (82%), «детьми» (78%), «здоровьем» (76%), «любовью» (69%), «материальным благополучием» (65%). В свою очередь, для старшего поколения счастье – это: «здоровье» (94%), «благополучна семья» (84%), «любимое дело» (76%), «молодость и красота» (67%), «труд во благо других людей» (64%).

К сожалению, несмотря на столь детальное понимание смысла счастья, большая часть участников исследования не считает себя счастливыми (57%). В силу ограниченности времени и ресурсов, мы не смогли выявить причины такой категоричности, однако, полагаем, что как тема отдельного исследования, этот вопрос представляет особый интерес для представителей социальной психологии. Одновременно с этим, интересно то, что подавляющее большинство опрошенных указало на наличие взаимосвязи их представлений о счастье с удачами (неудачами), достижениями (провалами), действиями, поступками или суждениями друзей или членов семьи. Молодые люди часто указывали на то, что их представления о счастье коррелируют и изменяются в зависимости от достижений и суждений их родителей, реже друзей и знакомых. В ряде случаев ориентиром становились кумиры или публичные лица. Для представителей группы «У» счастье в большей степени связано с успехами (неудачами), действиями, поступками детей (при наличии) или собственными достижениями и достижениями супругов (при наличии) на конкретный момент (период) их жизни, т.е. происходит оценка жизнестроительства в целом, степень достижения долгосрочных целей, а также сравнение с существующими «стандартами» (стереотипами). Представители старшего поколения, в некоторой степени сошлись во мнении с участниками из группы «У», однако, в целом, как такового влияния на их представления о счастье, по их мнению, с «извне» не оказывается, в частности, это касается и глобальных

факторов (экономического, геополитического, эпидемиологического и проч. характера). Стоит сказать, что в ответах на последний вопрос практически не просматривается связь событий последних лет на представления о счастье участников нашего исследования; в некоторых случаях (и в группе «Z», и в группе «У») акцентировалось внимание на вопросах здоровья и материального благополучия.

Как в свое время сказал французский писатель Ф.Р. де Шатобриан, «Если бы я имел безрассудство еще верить в счастье, я бы искал его в привычке». Действительно, представление о счастье – это формула, создаваемая человеком в течение всей жизни, в которую входят ценности, мотивы, потребности, субъективные суждения, зачастую основанные на опыте (собственном или близких людей), стереотипах, трендах и проч. Однако, стремление к счастью, высшему благу – это статичный концепт; человек либо стремиться, либо не стремиться быть счастливым. Безусловно, качество и «удельный вес» составляющих каждой из этих «неизвестных» меняется в зависимости от возраста, что очевидным образом просматривается в результатах нашего исследования. Каждый человек рано или поздно приходит к единому знаменателю, однако будет ли он этим удовлетворен или нет, зависит только от него самого. Мы уверены, что дальнейшее исследование проблемы представлений о счастье в структуре обыденного сознания людей разных возрастов должна стать предметом пристального внимания социологов, социальных психологов и представителей других научных областей, т.к., «счастье – это не станция назначения, а способ путешествовать», как очень точно сказал когда-то Константин Райкин, это своего рода гештальт, важное завершающее звено в смысло-жизненной картине каждого человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калабекова С.В. Гедонизм и «принудительное счастье» общества потребления // Политика и общество. 2018. №7. С. 17-24.
2. Waterman A.S. Two Conceptions of Happiness: Contrasts of Personal Expressiveness (Eudaimonia) and Hedonic Enjoyment // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 64. No. 4. pp. 678-691.
3. Брюкнер П. Вечная эйфория. Эссе о принудительном счастье. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 230 с.
4. Семенова Т.В. О некоторых половых различиях представлений о счастье // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. №1. С. 71-74
5. Семенова Л.Э., Серебрякова Т.А., Семенова В.Э. Гендерная специфика смыслового значения счастья в представлениях людей разных возрастов // Вестник Мининского университета. 2017. №4 (21). С. 8-24
6. Егорова М.Д., Гречушкина Н.В. Представление о счастье в молодежной индустрии // Гуманитарные исследования Центральной России. 2021. №2 (19). С. 76-87.
7. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг. 2020. №1 (155). С. 14-37.
8. Джигарьян И.А. Счастье в представлениях обыденного сознания // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 40-48.
9. Долгов А.Ю. Понятие счастья в социальной теории: классические и современные подходы к концептуализации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2020. №3. С. 11-31
10. Deci E.L., Ryan, R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development, and health // Canadian Psychology. 2008. No 49. pp. 182-185

11. Huta V., Ryan R.M. Pursuing Pleasure or Virtue: The Differential and Overlapping Well-Being Benefits of Hedonic and Eudaimonic Motives // *Journal of Happiness Studies*. 2010. No 11. pp. 735-762.
12. Wilson W.R. Correlates of Avowed Happiness // *Psychological Bulletin*. 1967. Vol. 67. No. 4. pp. 294-306.
13. Мантикова А.В. Потребности и ценности как психологические конструкты и поведенческие детерминанты // *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*. 2017. №2. С. 128-144.
14. Анашкин Н. Феномен счастья в экзистенциальной и христианской психологии // *Кронос: психология и педагогика*. 2021. №2 (25). С. 11-16.
15. Богданов В.В. Экзистенциальный характер обыденного сознания человека в информационную эпоху. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2007. 221 с.

© Донская Оксана Александровна (aad@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВЫБОР ПРЕОБЛАДАЮЩЕЙ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

CHOICE OF THE LEADING BEHAVIOR STRATEGY IN RESOLVING A CONFLICT SITUATION OF RESPONDENTS FROM VARIOUS SOCIAL GROUPS

I. Zaytseva
V. Kozlov

Summary: In the article, we cover problems of studying personal psychological behaviour determinants in resolving a conflict situation. We detect the connection between the adaptation conditions' influence to a social environment and the demonstration of one's behavior strategy in a conflict situation. Comparative analysis of prevailing behavior strategy's degree is held. The meaning of individual's active position in successfully achieving the adaptation goals to a new social environment is emphasized.

The aim of the study was to analyse statistical differences in the frequency of choosing behavior strategy in a conflict situation among the respondents of different social groups. The conflict regulation method emphasized by K. Thomas as "Rivalry" got a special attention.

Study results showed, that individual's active position in the process of satisfaction of personal claims, the readiness to protect one's interests with confidence and the focus on successfully achieving personal goals are represented in the choice of corresponding behavior strategy in a conflict situation in the social group of immigrants from other cities.

Keywords: interpersonal interaction, conflict situation, behavior strategy, adaptation, personality, behavior, communication type, activity.

Зайцева Инна Борисовна

психолог, ООО «Центр аттестации сил обеспечения
транспортной безопасности»

inka-68@mail.ru

Козлов Владимир Васильевич

Д.псих.н., профессор, ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный университет им. П.Г. Демидова»

rectorat@uniyar.ac.ru

Аннотация: В статье освещаются проблемы изучения индивидуально-психологических детерминант поведения индивида в ситуации разрешения конфликта. Выявляется существование взаимосвязи между влиянием условий адаптации к социальной среде и демонстрацией личностью определенного стиля поведения в конфликтной ситуации. Проводится сравнительный анализ степени выраженности преобладающего стиля поведения у представителей различных социальных групп. Подчеркивается значение активной позиции индивида в успешном достижении целей адаптации к новой социальной среде.

Задача, которая ставилась в исследовании, заключалась в получении ответа на вопрос, имеются ли статистически значимые различия в частоте выбора определенной стратегии поведения в конфликтной ситуации среди респондентов разных социальных групп.

В ходе проведения исследования особое внимание привлек к себе способ регулирования конфликтов, выделенный К. Томасом как «Соперничество». Результаты проведенного исследования позволили сделать вывод о том, что активная позиция индивида в процессе удовлетворения собственных притязаний, готовность уверенно отстаивать свои интересы, нацеленность на успешное достижение цели наиболее ярко отражаются в выборе соответствующего стиля поведения в конфликтной ситуации в социальной группе иногородних мигрантов.

Ключевые слова: межличностное взаимодействие, конфликтная ситуация, стратегия поведения, адаптация, личность, поведение, тип коммуникации, деятельность.

Введение

В наши дни в ситуации активного развития и трансформации экономических, политических и социальных процессов в мировом сообществе колоссально возрастают возможности территориальной мобильности индивидов.

Переезд в крупные мегаполисы, поиски новых условий для реализации личностного потенциала, внешнее влияние происходящих в социуме структурных изменений общественной системы приводят к изменению характера межличностных отношений, которые становятся менее устойчивыми.

Человек в течение всей своей жизни реализовывает свою социальную природу, вступает в отношения с другими людьми.

Ситуация миграции является кризисным явлением, т.к. все стороны жизнедеятельности индивида, находящегося внутри этого процесса, подвергаются серьезно испытанию.

В ситуации миграции человек сталкивается с необходимостью освоения норм, ценностей, правил и установок нового социума, что требует от него огромных усилий. Это является для индивида серьезным вызовом, ставит его в рамки трудноразрешимой жизненной ситу-

ации, мобилизует все его резервы, требует от человека усилий на грани его адаптивных возможностей.

Основными трудностями адаптационного процесса является состояние постоянного стресса, неопределенность результатов в стремлении к достижению цели, проблемы поиска эффективных стратегий поведения, помогающих достичь успеха.

Анализ поведенческих особенностей людей связан со сферами их жизненной активности и пониманием проблем, которые решает каждый человек на своем жизненном пути. Способы решения противоречий, желание их решать (или уход от них) есть особые жизненные качества личности, которые вырабатываются в процессе жизни [1].

Человек как представитель общества, принадлежащий к определенной социальной группе, выступает не только объектом общественных отношений, но и их субъектом, т.е. активным звеном, включенным в структуру социума, связанного с социумом тесными взаимоотношениями, реализующего себя в определенной деятельности и обладающего характерными социально-психологическими параметрами.

В связи с этим, в центре внимания специалистов, работающих в сфере науки, экономики, производства все чаще оказывается индивид, личность, которая является важной частью «человеческого ресурса».

Иными словами, изучение способности личности, к выработке эффективных стратегий поведения в ситуации разрешения конфликта приобретает особое значение и актуальность.

Литературный обзор

В основе существования и развития любого общества лежат разные интересы, как различных социальных групп, так и отдельных индивидов, входящих в эти группы.

Общества, в котором встречается совпадение интересов всех социальных групп и где отсутствует понятие социального конфликта, в реальности не существует.

В свое время Э. Дюркгеймом была предложена идея «социальной солидарности» на базе «социального взаимодействия» [5]. Непосредственно в трактовке самого понятия социального взаимодействия прослеживается линия социального конфликта. Межличностное взаимодействие или взаимодействие между определенными социальными группами содержит в себе напряжение в области отстаивания интересов и носит характер конфронтации, конкуренции, соперничества, создающих атмосферу, провоцирующую реальную возможность воз-

никновения конфликта.

Важную роль в выборе паттерна поведения в конфликте играют индивидуально-психологические характеристики личности. В реализуемых поведенческих стратегиях в коммуникации между индивидами могут демонстрироваться различные модели: единства и сотрудничества или конфликта и конфронтации. Потребность человека в самореализации предполагает выбор им различных способов удовлетворения данной потребности.

Сочетание личностных свойств индивида может считаться оптимальным, если оно способствует эффективности его деятельности, достижению наивысшего уровня развития и ведет к максимальной самореализации личности (удовлетворенности) [13]. Механизм «самореализующегося пророчества», когда ожидания человека реализуются в его поведении, описывал в своих работах Р. Бернс [3].

Несоответствие желаемой и реальной перспективы может привести к возникновению внутреннего напряжения, т.н. внутреннего конфликта. Это также может явиться предпосылкой возникновения неадекватной самооценки, которая порождает искаженное восприятие действительности и серьезные трудности в общении и социальном взаимодействии [3],[6],[8],[18].

Для всех областей жизнедеятельности человека характерны формальные и неформальные типы коммуникации.

Успешность процесса коммуникации индивида связана с проявлением различных психологических характеристик личности, прежде всего с открытостью новому опыту, рациональностью, способностью к установлению и сохранению хороших отношений с людьми, чувством собственного достоинства.

По К. Роджерсу эти характеристики выделяются как основные свойства «константного ядра Я-концепции» самоактуализирующейся личности [4].

В свою очередь о процессе личностного роста как о процессе самоактуализации личности заявляет и представитель гуманистической психологии Абрахам Маслоу [7]. При этом системообразующим фактором развития становится сама личность, а механизмом ее развития-саморегуляция и самоорганизация [2].

События, связанные с серьезными переменами в жизни человека, такие как смена места жительства, поиск новой работы, адаптация к новым условиям социальной среды, профессиональное самоопределение, требуют от личности принятия ответственных, порой рискованных решений, которые зависят в большой сте-

пени от сложившейся системы ценностей индивида.

Уникальность и отличительные психологические особенности каждой конкретной личности проявляются и в различных способах ее поведения, в разных мотивационных детерминантах, участвующих в мотивационном процессе и обуславливающих принятие решений [10].

Люди, меняющие место жительства, переезжающие в крупный мегаполис, сталкиваются с необходимостью интеграции в новую социальную среду, освоения новых норм и правил поведения, предписаний и ограничений, пронизывающих и регламентирующих различные стороны жизни. Параллельно с этим происходит активное взаимодействие с социальной средой. Личность встраивается в систему новых межличностных отношений, преодолевает проблемы адаптации, осваивает новые роли, ценности, строит отношения, как с отдельными людьми, так и с коллективами в целом.

Согласно Д.В. Ольшанскому, это вид взаимодействия личности с социальной средой, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников.

Важнейший компонент адаптации – согласование самооценок и притязаний субъекта с его возможностями и реальностью социальной среды [12].

По мнению Ж. Пиаже адаптация человека происходит за счет взаимно дополняющих друг друга процессов преобразования среды и усвоения правил среды [14].

В свою очередь Г. Гартман считал, что адаптация включает в себя как процессы, связанные с конфликтными ситуациями, так и процессы, входящие в «свободную от конфликтов сферу Я» [11].

Существование позитивного выхода из ситуации эмоциональной нестабильности в направлении гармоничного равновесия личности и среды отражено в работах Э. Эриксона [20].

В связи с этим, можно отметить, что социальная адаптация – это равновесие между потребностями, интересами и ценностями индивида и окружающей его социальной среды.

Логическим завершением этого процесса адаптации является выработка индивидуального стиля поведения и деятельности (А. Адлер, Б.Г. Ананьев, Е.А. Климов и др.).

По мнению А. Адлера «Стиль поведения», как понятие, часто используется для определения индивидуального характера жизнедеятельности человека во всех сферах [21].

При этом А. Адлер употребляет понятие «стиль жизни».

Согласно этой концепции жизненный план (стиль жизни) определяется уникальным способом адаптации человека, репертуаром его поведенческой активности [21].

К. Томас рассматривает данное понятие, как «стиль поведения личности в конфликтной ситуации», а индивидуальный стиль деятельности – это «индивидуально-своеобразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными внешними условиями» [16].

Активность индивида в процессе самореализации, участие его в различных видах деятельности обогащает личность, расширяет границы ее мотивационно-потребностной сферы. Возникает новая палитра чувств, эмоций и переживаний. В связи с этим важным аспектом изучения проблематики индивидуально-психологических детерминант поведения личности является вопрос поведения личности в ситуации разрешения конфликта.

Материалы и методы

Довольно часто в исследовательских целях сталкиваются с необходимостью использования широкого набора методик для исследования психологических характеристик личности определенной выборки респондентов. Для этого существуют специальные методы и методики сбора психологических данных.

К основным группам методов психологической диагностики можно отнести субъективно-оценочные, основанные на анализе ответов испытуемых на вопросы и суждения опросников, анализе выборов альтернативных суждений, выборов градаций шкал и т.п.

Стандартизированный измерительный метод, иначе – стандартизированный самоотчет (опросник) в настоящее время является повсеместно используемым методом в психологических исследованиях [9 с. 126]

Делая обзор современных методик исследования личности Н.Ж.М. Hermans и Н. Vonarus (1991) пришли к выводу, что психология личности идет к тому, чтобы признать индивида экспертом в области собственного «Я» и относящихся к нему ситуаций. Это означает, что в психологическом исследовании испытуемому должна быть отведена более активная роль.

Преимущество опросников, снабженных вспомогательными шкалами, состоит в том, что многие из них позволяют получать количественные оценки, по которым можно сопоставлять уровень выраженности интересующего психического качества у отдельного индивида с его распространенностью и выраженностью в популяции.

Количественные показатели весьма широко используются при проведении экспериментальных исследований в различных сферах практической психологии. Привлекательность количественных психологических показателей, полученных при использовании вышеуказанных методик, проявляется в том, что их можно сравнивать в широких пределах и применять разнообразный математико-статистический аппарат, а также, что немаловажно, приписать выводам некую статистическую значимость.

В проведенной работе в качестве предмета исследования изучались стили поведения индивида в конфликтной ситуации респондентов различных социальных групп: коренных жителей мегаполиса и внутренних мигрантов, проводилось их сравнение и выявление характерных различий между ними с целью изучения проблемы выбора преобладающей стратегии поведения в конфликтной ситуации представителей исследуемых социальных групп.

В процессе проведения исследования использовалась методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса (в адаптации Н.В. Гришиной) [19].

Данная конфликтологическая методика, разработанная известным специалистом в области конфликтологии К. Томасом, применяется для выявления типичных способов реагирования субъекта на конфликтные ситуации [15].

Методика предназначена для изучения личностной предрасположенности к конфликтному поведению, выявления определенных стилей разрешения конфликтной ситуации, показывает типичную реакцию человека на конфликт, ее эффективность и целесообразность, а также дает информацию о других возможных способах разрешения конфликтной ситуации.

В основе типологии конфликтного поведения К. Томасом выделены две поведенческие стратегии: кооперация, которая связана с вниманием индивида к интересам других людей, вовлеченных в конфликт, и напористость, для которой характерно отстаивание и защита собственных интересов [15].

Таким образом, К. Томас отмечает следующие способы регулирования конфликтов:

1. соперничество (соревнование, конфронтация), как способ поведения в конфликтах, которое выражается в стремлении добиться удовлетворения своих интересов в ущерб интересам других людей;
2. приспособление (уступчивость), означающее, в противоположность соперничеству, принесение в жертву собственных интересов ради интересов другого;

3. компромисс (квазисотрудничество), как соглашение между участниками конфликта, достигнутое путем взаимных уступок;
4. избегание (уклонение, уход, игнорирование), для которого характерно отсутствие стремления к кооперации с одной стороны и отсутствие тенденции к достижению собственных целей с другой;
5. сотрудничество, – ситуация, когда участники взаимодействия приходят к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон [18].

Принято считать, что при избегании конфликта отношения между сторонами не обостряются, но при этом полного успеха не достигнет ни одна из сторон. При таких формах поведения как соперничество, приспособление и компромисс достигается цели, т.е. оказывается в выигрыше только один участник взаимодействия, в то время как другой не реализует свои интересы, либо не достигают успеха оба, так как вынуждены идти на взаимные уступки [15]. Иначе обстоит дело в ситуации д) сотрудничества, когда в выигрыше оказываются обе стороны [17, с. 20].

Ниже отметим возможности каждой стратегии:

1. соперничество (конфронтация): стратегия, часто используемая в кризисных, переломных ситуациях, в случае принятия серьезных решений или преодоления жизненно важных проблем. В случае сильной мотивации к достижению успеха, в сочетании с высокой самооценкой, уверенностью в собственных силах эта стратегия может принести ощутимые плоды.

Данная стратегия оправдана, если цель представляет особую важность для человека либо, если человек объективно наделен реальной властью, обладает силой, уверен в своей компетентности. При этом даже при наличии всех вышеперечисленных ресурсов существует риск проиграть и потерять преимущество. Применение такого стиля поведения в глубоко личных отношениях с близкими людьми может привести к отчуждению и потере взаимопонимания [15].

2. приспособление применимо в ситуациях, когда возникающая проблема является менее значимой для человека, чем для его партнера, или когда отношения с партнером очень ценны сами по себе и их сохранение является более важной целью, чем отстаивание собственных интересов.

При реализации данной стратегии отношения с партнером могут выйти на новый положительный уровень в том случае, если оппонент обратил внимание на эти действия и оценил их по достоинству [15].

3. компромисс или «квазисотрудничество», или торг о взаимных уступках, – подобный стиль взаимодействия эффективен в ситуациях, требующих быстрого принятия

решений.

Разделение потребностей бывает необходимо для сохранения отношений, особенно в тех случаях, когда возместить интересы сторон невозможно.

Компромисс не в состоянии принести удовлетворение разрешением конфликтного процесса обеим сторонам. Любые варианты дележа — пополам, поровну,— психологически не вызывают у партнеров чувство справедливости. Это ожидаемая реакция, так как в полном объеме не удовлетворены интересы ни одной из сторон. Межличностные отношения сохранены, но вместе с тем оба оппонента находятся практически в равном положении по степени нереализованности собственных интересов [15].

4. *избегание (уклонение)*: с помощью данной стратегии можно добиться эффекта в случае, если партнер обладает объективно большей силой и в конфликтной борьбе может ею воспользоваться. В случае, если ожидаемые потери в ходе конфликта представляются ощутимыми, целесообразнее стараться использовать любую возможность, чтобы избежать конфликта.

Избегание дает временную отсрочку в разрешении конфликта, позволяет собраться с силами, пока не появится достаточно сил и уверенности в достижении успеха при отстаивании собственной позиции [15].

5. *сотрудничество*: стиль поведения прекрасно работает как в среднесрочных, так и в длительных партнерских отношениях, которые представляют ценность для обеих сторон взаимодействия. Он предполагает равенство статусов, взаимодействие на паритетных началах, соответствие психологических позиций.

Стратегия помогает партнерам разрешить конфликт, не поступаясь своими интересами и не изменяя своим целям. Она требует достаточного времени и определенной степени доверия. Обе стороны должны обсудить, учесть и провести анализ взаимных потребностей, возможных рисков и опасений. При этом необходим значительный период времени для взвешивания всех «за» и «против», выработки совместного плана действий и поиск наиболее подходящего варианта его реализации [15]. В случае недостатка времени всегда можно прибегнуть к компромиссу.

Применяемый в исследовании опросник К. Томаса состоит из 30 пар утверждений, относящихся к различным стилям поведения человека в ситуации конфликта.

В опроснике каждый из пяти перечисленных вариантов описывается двенадцатью суждениями о поведении человека в конфликтной ситуации. Из каждой пары утверждений респондентом выбирается одно, которое

наиболее верно отражает отношение испытуемого к конфликтной ситуации и это утверждение отмечается в бланке ответов.

При обработке результатов подсчитывается количество баллов для каждого параметра. За каждый ответ, совпадающий с ключом, соответствующему типу поведения в конфликтной ситуации начисляется один балл. Доминирующими считаются типы, набравшие максимальное количество баллов. Анализ ответов позволяет оценить степень адаптации каждого члена группы к совместной деятельности [15].

Для анализа данных, полученных эмпирическим путем, использовались методы описательной и индуктивной статистики (сравнение, ранжирование, критерий согласия Пирсона), являющиеся валидными и надежными методами: сравнение, критерий согласия Пирсона [9].

Сравнение значений исследуемых параметров респондентов разных социальных групп и оценка различий между ними на определенном уровне статистической значимости производится с помощью критерия согласия Пирсона (Хи квадрат Пирсона), который используется для нахождения статистической значимости различий 2-х и более относительных показателей [9].

Чтобы результат считался правильным, его уровень значимости должен быть ниже этого числа ($p < 0,05$). Это означает, что вероятность неправильности результатов (p) менее 0,05 (т.е. меньше 5%).

Статистическая значимость p -level – это вероятность того, что данный результат правильно представляет популяцию, выборка из которой исследовалась.

Значение « p » установлено эмпирическим путем как результат научно-практических исследований [9 с. 213-214].

При обработке данных использовался статистический пакет SPSS Statistic 19.0.

Результаты

Для решения задачи исследования, – изучения проблемы выбора преобладающей стратегии поведения в конфликтной ситуации представителей различных социальных групп, осуществим сравнительный анализ стиля межличностного взаимодействия в ситуации конфликта в 2-х группах респондентов.

С этой целью проведем тестирование респондентов в обеих группах, используя конфликтологическую методику К. Томаса, и проанализируем полученные результаты с использованием методов математико-статистической обработки на предмет выявления достоверно

значимых различий в степени выраженности данных характеристик в двух группах респондентов.

Исследовательскую выборку составили 120 человек, поделённых на две группы:

1-я группа – жители г. Москвы (граждане РФ), в течение своей жизни не менявшие постоянного места жительства- 60 человек (30 мужчин и 30 женщин (50% и 50% соответственно). Среди них – сотрудники крупных промышленных холдингов, расположенных в г. Москве.

2-я группа – иногородние мигранты (граждане РФ), сменившие место жительства, срок проживания которых в г. Москве составил не менее 10-ти лет - 60 человек: 30 мужчин и 30 женщин (50% и 50% соответственно). Состав группы – сотрудники крупных промышленных холдингов, расположенных в г. Москве и ближнем Подмосковье.

Задача, которая ставилась в исследовании, заключалась в получении ответа на вопрос,- имеются ли статистически значимые различия в преобладании выбора определенной стратегии поведения в конфликтной ситуации среди респондентов в сравниваемых группах.

В ходе получения и обработки данных тестирования по методике К. Томаса особое внимание привлёк к себе фактор «Соперничество», при сопоставлении количественных значений которого в двух группах наиболее ярко проявились различия между респондентами.

Данный фактор задает стратегию поведения индивида, которая выражается в стремлении добиться удовлетворения своих интересов в ущерб интересам другого человека.

Полученные значения параметра представлены в таблице 1.

Из полученных результатов видно, что параметр «Соперничество» по-разному выражен в двух группах респондентов: наиболее явные различия в группах отмечаются при определенных низких (0 и 1 балл), средних (3 балла) и выше среднего (7 баллов) значениях параметра соответственно. При остальных значениях параметра различия в группах не столь очевидны.

Заметно, что средние и выше среднего значения данного параметра чаще встречаются в группе иногородних мигрантов по сравнению с группой москвичей, в то время, как низкие значения параметра более распространены в группе москвичей.

Произведя сравнительный анализ результатов, обнаруживаем достоверно значимые различия (Хи квадрат Пирсона = 17,154 при $p < 0,05$) по числу респондентов в

двух группах с разным значением параметра «Соперничество»(выделены в таблице 1 серым цветом).

Результаты сравнения респондентов по параметру Соперничество с выделением достоверно значимых различий представлены на рисунке 1.

Обсуждение

Сравнение табличных результатов позволяет сделать выводы о том, что средние и выше среднего значения фактора «Соперничество» (3 балла и 7 баллов соответственно) характерны преимущественно для мигрантов, переехавших в крупный мегаполис, в то время как жителям Москвы, не менявшим постоянного места жительства и стабильно проживающим в столице, в основном соответствуют низкие значения данного параметра (0 баллов и 1 балл соответственно).

Средние значения свойственны тем, кто в привычных и безопасных условиях сохраняет уверенность в себе, способность к конкуренции и отстаиванию собственной позиции.

Значения выше среднего характеризуют готовность к удовлетворению собственных интересов, иногда реализуемую в ущерб интересам других людей.

Выбранная стратегия зачастую помогает в успешном преодолении важных изменений жизненной ситуации (смена места жительства, перемена места работы, достижения в карьерном росте). Она эффективно работает в период принятия рискованных решений для человека, уверенного в своей позиции и профессиональной компетентности. В этом случае доминирует мотив успеха, стремление к достижению цели, при этом препятствия воспринимаются как преодолимые. В то же время в личных отношениях конфронтация может вызвать сопротивление, разрушить чувство взаимопонимания партнеров и привести к отчуждению.

Низкие значения параметра, присущие в нашей выборке преимущественно респондентам-москвичам, говорят о преобладающем выборе позиции в конфликте, отличной от открытого противостояния, о готовности к сотрудничеству либо стремлению к решению проблемы путем избегания, приспособления к ситуации или к поиску компромисса. В выборе вышеперечисленных стратегий интересы другого человека могут учитываться в равных пропорциях либо ставятся выше собственных интересов в том случае, если сохранение отношений с партнером представляют большую ценность.

Заключение

По результатам исследования можно отметить, что активная позиция индивида в процессе удовлетворения

Таблица 1.

Значения параметра Соперничество у респондентов исследуемых групп

Балл	Число респондентов гр. Москвичи (%)	Число респондентов гр. Иногородние мигранты (%)	Уровень значимости (p)
0	25,0	8,3	p<0,05
1	16,7	6,7	p<0,05
2	10	16,7	p>0,05
3	3,3	20	p<0,05
4	15	13,3	p>0,05
5	10	10	p>0,05
6	6,7	1,7	p>0,05
7	5	11,7	p<0,05
8	3,3	0	p>0,05
9	3,3	0	p>0,05
10	0	1,7	p>0,05
11	0	3,3	p>0,05
12	1,7	6,7	p>0,05

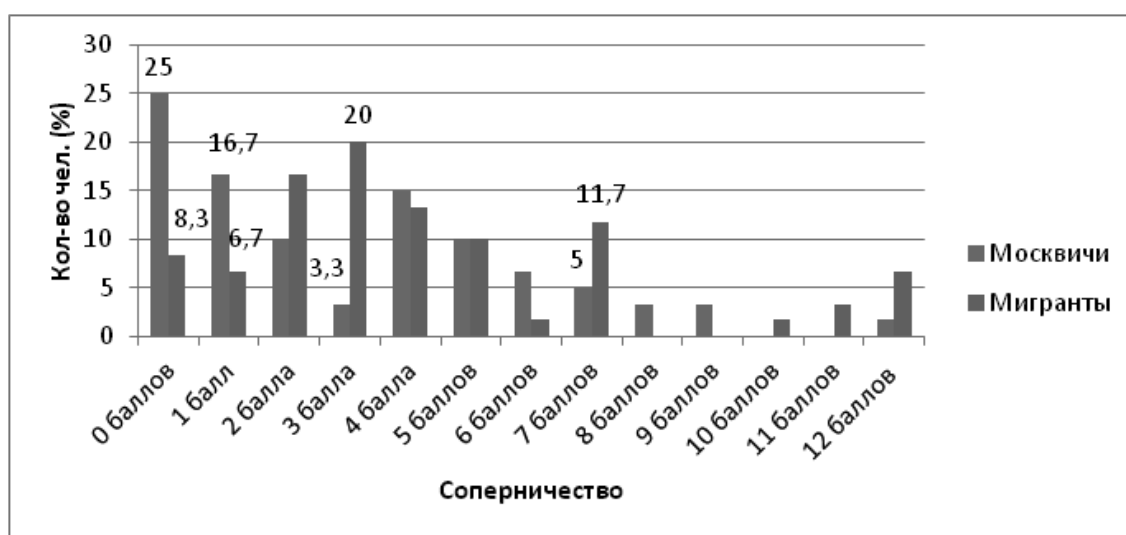

Рис. 1. Результаты сравнения респондентов по параметру Соперничество

собственных притязаний, готовность уверенно отстаивать свои интересы, нацеленность на успешное достижение цели, наиболее ярко проявляются в адаптации к новой социальной среде в ситуации кардинальных жизненных перемен, таких как переезд в крупный мегаполис.

Выбор подобной стратегии поведения имеет особое значение в момент преодоления кризиса нестабильности и неопределенности и оказывает влияние на всю дальнейшую реализацию личного потенциала индивида.

В итоге, данные, собранные в ходе исследования, подтверждают, что существуют характерные различия

между представителями различных социальных групп в выборе предпочитаемого стиля поведения в процессе межличностного взаимодействия в ситуации разрешения конфликта.

Преобладание соперничества у респондентов – иногородних мигрантов может быть оправданно, т.к. цель реализации своего потенциала в новом социуме представляет для респондентов данной социальной группы особую важность. В этом случае доминирует мотив успеха, а препятствия воспринимаются как преодолимые. В сочетании с высокой степенью уверенности в своих силах, готовностью рисковать это может дать положительные результаты в достижении цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова - Славская К.А. Стратегия жизни/ К.А. Абульханова-Славская. Москва: «Мысль»,1991. 159 с.
2. Акмеология. / под ред. А.А. Деркача. Москва: Издательство РАГС,2002. 650 с.
3. Бернс Р. Развитие Я - концепции и воспитание. Москва: Прогресс, 1986. 421 с.
4. Бодалев А.А., Столин. В.В. Общая психодиагностика. Санкт- Петербург: Издательство «Речь», 2006. 440с.
5. Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение. / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. Москва: Канон, 1995. 349 с.
6. Журавлев А.Л. Социально-психологическая зрелость: попытка обосновать понятие . Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2007. 222 с.
7. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. 2-е изд., доп., испр. и перераб. Москва: Логос,1999. 384 с.
8. Ильин Е.П. Психология взрослости. Санкт-Петербург: Питер,2012. 544 с.
9. Константинов В.В. Экспериментальная психология. Курс практического психолога. Санкт-Петербург: Питер,2006, 272 с.
10. Куликов Л.В. Психологическое исследование: методические рекомендации. Санкт-Петербург: Наука,1994. 119 с.
11. Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван: Издательство АН Армянской ССР,1988. 112 с.
12. Ольшанский Д.В. Психология масс. Санкт-Петербург: Питер,2002. 368 с.
13. Педагогика и психология высшей школы: учебное пособие /под общ. ред. А.А. Деркача. Москва: Издательство РАГС,2005. 258 с.
14. Пиаже Ж. Избранные психологические труды./Пер. с фр.- Москва: Просвещение, 1969. 659 с.
15. Психологические тесты для профессионалов/ авт. Сост. Н.Ф. Гребень. Минск: Современ. Шк., 2007. – 496с.
16. Психология человека от рождения до смерти: психологический атлас человека /В.А. Аверин и др. / под ред. А.А. Реана. Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК , 2010. 661 с.
17. Реан А.А. , Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности: анализ, теория, практика. Санкт-Петербург: Прайм - ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.
18. Роджерс К.Р. Гуманистическая психология: теория и практика. Москва: МПСИ, 2013. 456 с.
19. Тест описания поведения К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной)/ Психологические тесты / под. ред. А.А. Карелина. Москва.2001. в 2т. С 69-77
20. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. Москва: Прогресс МПСИ Флинта, 2006. 342 с.
21. Adler A. What life should mean to you. L.: George Allen and Unwin, 1980. 300 p.

© Зайцева Инна Борисовна (inka-68@mail.ru), Козлов Владимир Васильевич (rectorat@uniyar.ac.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТРАХА СМЕРТИ БОЛЬНЫМИ С РАССЕЯННЫМ СКЛЕРОЗОМ

Каяшева Ольга Игоревна

доцент, Московский государственный областной университет
art1230@list.ru

EXISTENTIAL ASPECTS OF EXPERIENCING THE FEAR OF DEATH IN PATIENTS WITH MULTIPLE SCLEROSIS

O. Kayasheva

Summary: Multiple sclerosis, as a chronic autoimmune and neurological disease, has a complex, difficult-to-predict course. The fear of death in patients suffering from multiple sclerosis manifests itself not only in connection with the possibility of physical termination of their existence, but also the loss of their psychological «I» (including the physical, intellectual and social self). The consequences of multiple sclerosis can be the loss of contact with your body, the development of cognitive impairments, disability and social contacts. Existentially-oriented psychotherapy and counseling contribute to a person's awareness of death as a natural phenomenon accompanying the life of every person, rethinking their role in living life in remission, making their conscious choice and taking responsibility for their existence in real being. Finding significant existential values (meaning of life, etc.) becomes a prevention of suicidal behavior and helps to reduce the level of fear of meeting with the ultimate reality of existence - death.

Keywords: existentialism, existence, death, freedom of choice, self-awareness, autoimmune diseases.

Аннотация: Рассеянный склероз, как хроническое аутоиммунное и неврологическое заболевание, имеет сложное, труднопрогнозируемое течение. Страх смерти у больных, страдающих рассеянным склерозом, проявляется не только в связи с возможностью физического завершения своего существования, но и с потерей своего психологического «Я» (включающего Я-телесное, Я-интеллектуальное и Я-социальное). Последствиями рассеянного склероза могут стать развитие когнитивных нарушений, утрата трудоспособности и социальных контактов. Экзистенциально-ориентированная психотерапия и консультирование способствуют: осознанию человеком смерти как естественного феномена, сопровождающего жизнь каждого человека, переосмыслению своей роли в проживании жизни при ремиссии, осуществлению своего осознанного выбора и принятии ответственности за свое существование в реальном бытии. Нахождение значимых экзистенциальных ценностей (смысла жизни и др.) становится профилактикой суицидального поведения и способствует снижению уровня страха встречи с конечной данностью существования – смертью.

Ключевые слова: экзистенциализм, существование, смерть, свобода выбора, самосознание, аутоиммунные заболевания.

Введение

Рассеянный склероз относится к группе аутоиммунных заболеваний со сложнопрогнозируемым течением [2], его симптомами являются двигательные расстройства (параличи и парезы), проблемы с речью (скандированная речь и др.), расстройства чувствительности, нарушения зрения, болевые синдромы, высокая утомляемость и др. [1] Для больных характерны перепады настроения, высокий уровень тревоги, депрессии, склонность к суицидальному поведению и др. [1;4;5]. Рассеянный склероз представляет собой хроническое неврологическое заболевание, что осложняет психологическое состояние человека в связи с его незнанием о сроках ремиссии, времени рецидива и возможностях сохранения своего психического и физического здоровья. Помимо медицинской помощи, люди, страдающие рассеянным склерозом, нуждаются в психотерапевтической и психологической поддержке.

Сопровождающие заболевание нарушения внимания, мышления и памяти могут быть легкими и не всегда своевременно диагностироваться специалистами; многофункциональные нарушения, связанные с поражени-

ем головного мозга, фиксируются уже самим больным и требуют вмешательства со стороны специалистов. При сложном течении заболевания наблюдается развитие деменции. На возникновение когнитивных нарушений влияют такие факторы, как возраст, уровень физической и интеллектуальной активности человека, стрессовые воздействия и др. [1] Когнитивные нарушения, осознаваемые человеком, также способны усугубить переживание страха смерти себя, как личности, наделенной самосознанием, имеющей определенный жизненный опыт и значимые социальные связи.

Экзистенциальная психотерапия и консультирование стали одними из востребованных при работе со сложными данностями существования человека в мире, одной из таких экзистенциальных данностей является - смерть [9]. Экзистенциальное консультирование и психотерапия, развивающиеся благодаря вкладу В. Франкла, Э. Фромма, И. Ялома и др., позволили выйти за пределы тех ограничений, с которыми встречается специалист при работе со сложными феноменами – свободой, смыслом жизни, одиночеством, смертью и др. [7;9]

Страх смерти актуализируется при различных психо-

соматических заболеваний, психических расстройствах [3], потери близких и др. Встреча со смертью – это встреча с неопределенностью, с новым опытом, который сложно или невозможно передать в связи с выходом за границы привычного человеческого бытия. Кризисные ситуации несут в себе отдельные аспекты встречи со смертью, но они дают неполное знание о том, что такое смерть, что она за собой скрывает как конечный этап жизни человека. Экзистенциальные аспекты переживания страха смерти больными аутоиммунными заболеваниями изучены недостаточно. Страх смерти часто связан с тем, что человек боится «стать ничем», «потерять себя» в связи с прогрессированием рассеянного склероза. При данном заболевании человек теряет связь с собственным телом (не может его контролировать, чувствовать, получать необходимую сенсорную информацию и др.).

При оказании экзистенциально-ориентированной психотерапевтической и консультативной помощи необходимо учитывать, что смерть является неотъемлемой частью жизненного цикла человека, его последней стадией [9]. Встреча со смертью ожидает каждого из нас и каждый из нас имеет возможность для свободы выбора своего отношения к этому явлению. В тоже время необходимо соблюдение некоторого баланса в отношении к смерти, поскольку страх смерти выполняет функцию сохранения жизни.

Организация исследования

Исследование проводилось в 2020-2022гг. на базе психологических центров г. Москвы. В работе приняли участие две больных рассеянным склерозом (возраст 25 лет и 30 лет). Исследование проводилось в три этапа: на первом этапе осуществлялись теоретический анализ и обобщение научной литературы по проблемам психосоматики рассеянного склероза, особенностей работы с конечными данностями существования в экзистенциальном консультировании и психотерапии, специфики переживания встречи со смертью больными психосоматическими заболеваниями. На втором этапе больные с рассеянным склерозом принимали участие в консультативных сессиях; на третьем - анализировались результаты проведенной практической работы в контексте переживания страха смерти больными рассеянным склерозом.

Результаты исследования

Осознание неизбежной конечности своей жизни и сложности принятия данного факта клиентами с рассеянным склерозом приводят к возникновению у них страха смерти. Страх смерти включает в себя, как мы предполагаем, различные смысловые контексты: страх существования в опасном мире, неотъемлемой, реальной составляющей которого является смерть; страх непредсказуемо, неопределенно во времени прекратить

свое существование (этот момент точно обозначен Воландом (М.Н. Булгаков «Мастер и Маргарита»), который констатировал, что каждый человек «внезапно смертен»); страх стать ничем, не остаться в памяти других людей; страх потери контроля над собой, потеря не только физического тела, но и разума, самосознания; страх прохождения через физическую боль, психологические страдания в процессе умирания; страх неизвестности, «ухода в ничто и в никуда» при встрече со смертью и др. Представления о смерти в экзистенциальном подходе предложены нами на рисунке 1.

Страх смерти естественен для человека, способствует сохранению здоровья, выживанию, но в ряде случаев может значительно снизить качество жизни человека, сопровождаться экзистенциальной тревогой. У больных рассеянным склерозом нарушается баланс в восприятии феномена смерти. Негативные аспекты, сопряженные с представлениями о смерти, превосходят позитивные, при этом парадоксальным образом активизируются и суицидальные аспекты, что на наш взгляд связано с негативным опытом, полученным в родительской семье, неспособностью сепарироваться и принять самого себя как самостоятельную и ценную в реальном бытие личность, способную к развитию и самореализации.

Отмечается общая инфантильность больных рассеянным склерозом и их зависимость от родительской семьи (см. рисунок 2). Родители больных не были склонны выполнять свои функции, обеспечивать психологическую поддержку ребенка, выражены неприятие ребенка, его качеств, характеристик, игнорирование его потребностей и интересов. Агрессия в адрес ребенка могла приобретать скрытый характер («разъяснение» ребенку отцом, в чем тот не прав, как нужно вести себя «хорошей девочке», желание матери показать, чем ребенок хуже нее, чем уступает во внешности, привлекательности и др.). У больных выявляются сложности с осознанием своих эмоций и чувств.

Осложняют работу со страхом смерти использование клиентами различных незрелых защитных механизмов, несоответствие представлений о смерти в фильмах, литературе, у окружающих людей (от игнорирования до романтизации смерти) с реальной действительностью. В качестве примера переживания страха смерти мы приведем анализ консультативной работы (четырёх сессий) с молодой женщиной, страдающей рассеянным склерозом.

Клиент Анна, возраст 25 лет (для соблюдения конфиденциальности имя клиента изменено), ремиссия 5 лет. Частота сессий – 1 раз в неделю, нами приведен анализ первых 4 встреч. Клиентом на первой встрече были обозначены проблемы, связанные со сложностями эмоциональной саморегуляции (контролем гнева, проявлений страха, тревоги и пр.) и непониманием причин

Позитивные представления о смерти.

- Смерть как естественный, конечный этап жизни и бытийное постижение человеком своей смертности.
- Созерцание смерти необходимо для расширения бытия (М. Хайдеггер) [8].
- Человек как проект способен стать тем, чем хочет и сам определяет свое отношение к смерти (Ж.-П. Сартр) [6].
- Смерть как физическое освобождение человека.
- Преодоления страха перед Ничто через нахождения смысла бытия.
- Смерть как возможность открытия истинного, подлинного бытия, аутентичного существования человека.
- В бытие-к-смерти как познание и понимание самого себя, своего места в мире.
- Смерть как осуществление значимого, индивидуального поступка.
- В пограничных, кризисных ситуациях приближающих человека к смерти раскрывается истинное бытие и сущность (экзистенция) человека.
- Ценность жизни раскрывается только перед лицом смерти.

Негативные представления о смерти.

- Невозможность осознания феномена смерти, его непознаваемость для человека, что вызывает страх и тревогу.
- Смерть predetermined, уготована для каждого человека, есть абсолютная невозможность от нее уклониться (М. Хайдеггер) [8].
- Смерть как неизлечимая болезнь жизни.
- Смерть как ограничение свободы человека (Ж.-П. Сартр) [6] и времени его существования (М. Хайдеггер) [8].
- Смерть как прекращение всех возможностей.
- Смерть как бытие, направленное в Ничто. Страх перед Ничто и нахождения в Нигде (М. Хайдеггер) [8]. Отрицание смерти и попытки убежать от нее. Отчаяние и осознание хрупкости своего существования.
- Смерть как открытие абсурда своего существования (А. Камю и др.) и трагедии существования.
- Бессмысленность смерти и существования человека.
- Смерть и актуализация страха одиночества (мы приходим в этот мир одни и одни покидаем его).

Рис. 1. Представления о смерти в экзистенциальном подходе.

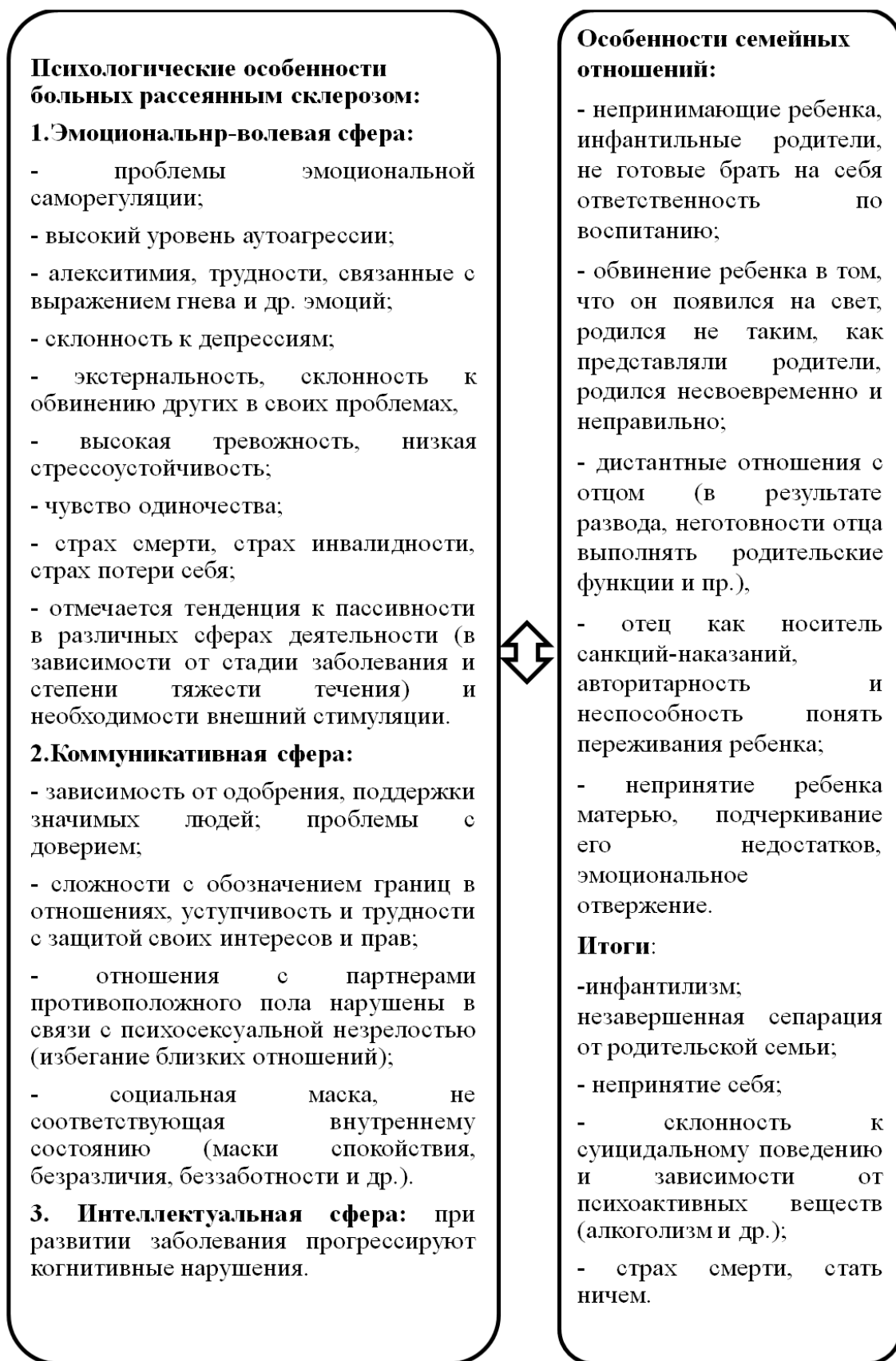

Рис.2. Психологические особенности больных рассеянным склерозом и отношения в родительской семье

трудностей в отношениях с другими людьми. Переживание страха смерти не было первоочередным запросом клиента, но затем стало центральной темой в процессе работы.

На первой сессии у Анны отмечались сложности с самопознанием, вербализацией своих ощущений, эмоций, чувств, описанием своих личностных характеристик. Предлагала описание себя через ее характеристику матерью в период детства («лишняя», «неуправляемая», «всем мешающая» и др.). У клиента не произошла сепарация от значимого Другого (матери), зависима от ее мнения, оценок. Отношение к матери амбивалентное – от желания полностью довериться, «раствориться», до обвинений, страха перед ней. Самообман стал специфическим инструментом, позволяющим клиенту поставить «защиту» от реального опасного мира и остаться в зависимых отношениях с матерью, не предполагающих свободы, и, соответственно, выбора и принятия за него ответственности. Среди других людей ищет родительскую фигуру, посредством которой желает отделиться от матери и получить необходимые материнскую (и отцовскую) заботу, любовь.

На первой сессии клиентом был обозначен страх своей смерти:

- смерти «как человека», теряющего память, разум, какие-либо связи с миром, теряющего самостоятельность и волю;
- смерти как данности, прекращения физического существования (данный аспект был обозначен клиентом, как беспокоящий, но не первоочередной, поскольку потеря себя в связи с прогрессирующим заболеванием является более беспокоящей).

В качестве домашнего задания было предложено написание эссе о самой себе (рефлексия личностных характеристик, своих реальных потребностей, эмоций и чувств).

На второй сессии обсуждалось подготовленное эссе. Рефлектировалось, какие именно качества, характеристики относятся к Анне в настоящем, что является проекцией со стороны матери (разграничения Я-реального и Я-спроецированного значимым Другим), как отношения с матерью переносятся на отношения с другими людьми и к каким последствиям приводят. Обсуждалось, как развод матери с отцом повлиял на отношения клиента с мужчинами. У клиента обнаруживается желание «слиться с кем-нибудь» и не быть «одинокой» (экзистенциальная данность – одиночество или изоляция), «максимально открыться», но окружающие к этому не готовы (не хотят становиться родителями) и стараются уйти от такого взаимодействия. Клиент основывался на предположении, что проблема в других людях, не в нем (перекладывание ответственности на других как неготовность

к встрече с экзистенциальной данностью – свободой). Анна в конце сессии приходит к выводу: «Я не доверяю родителям и не доверяю себе, поэтому не могу доверять никому». Клиент нашел для себя причину сложностей в отношениях с другими людьми. Отмечалось усиление страха одиночества и страха смерти.

В подростковом возрасте у себя клиентом были отмечены суицидальные мысли. В настоящее время, как отметила Анна, у нее есть достаточно причин для того, чтобы продолжать жить. В то же время выявлены идеи клиента о возможности завершения жизни «неполноценных людей» и идеи «очищения генома» человечества. Актуализировались аспекты, связанные с непринятием больную самой себя (принята вина от родителей за свое «неправильное рождение» и пр.) и нежеланием существовать в реальном бытии со своим диагнозом («не родиться», «не быть в мире вообще» и пр.).

На третьей сессии. Клиент определил список основных целей – «понимать свои эмоции и чувства, научиться эмоциональной саморегуляции, стать самостоятельной, независимой от оценок матери» и др. Психологические метафоры и ссылки на биографический опыт других людей, сумевших пройти через трудные жизненные ситуации, способствовали преодолению защитных механизмов и углублению в проблематику Анны, самоанализу.

Клиентом использовались о самой себе метафоры перерождения, изменений на примере легенды о фениксе. Феникс понимался клиентом как завершение, смерть всего прежнего, без возможности качественных изменений. Обсуждены и расширены иные аспекты интерпретации образа феникса как качественных изменений и личностного роста. В качестве домашнего задания клиент стала вести свой дневник, в котором записывала о себе все, что считала необходимым в течение недели.

На четвертой сессии клиент отметила, что отношения с матерью стали своеобразной «стеной от внешнего мира», «бегством от ответственности», «от выбора» и др. «Злость, раздражение» на мать позволили оставаться подростком в свои 25 лет». Осознание этих моментов, «снятие защиты» вызвало усиление тревоги и страха «перед неизвестностью, не справиться и стать ничем» (встреча с конечной данностью существования – смертью).

Мы перешли к обсуждению с клиентом метафоры рождения – смерти. Смерть не всегда – «быть ничем», смерть может быть метафорой качественных изменений («чтобы пришло новое, что-то старое должно уйти»). Клиент пришла к выводу, что ей «самой нужно и пора взрослеть, но страшно брать на себя ответственность», «страшно получить свободу и не знать, что с ней делать», «легче, когда кто-то за все отвечает».

При работе с больной рассеянным склерозом существенно осложняли работу ее заражение COVID-19 и последующие постковидные симптомы. Проблема переживания страха смерти стала центральной для клиента. В случае заражения COVID-19 самого клиента или его близких целесообразно дополнительное дистанционное психологическое сопровождение в связи с актуализацией страха смерти, повышения уровня тревожности и роста риска аутоагрессии. Работа с переживаниями страха смерти с больными рассеянным склерозом является сложной в связи с его включенностью в спектр иных проблем.

Страх смерти становится сопутствующим в течение всей жизни больного рассеянным склерозом и усиливается при возникновении различных трудных ситуаций (заражение COVID-19, болезнь родителя, трудности на работе и др.). Страх смерти вступает в конфронтацию с желанием клиента не быть в реальном бытии, прекратить свое существование.

Заключение

Наиболее эффективны, с нашей точки зрения, экзистенциальная психотерапия и консультирование при ремиссиях у больных с рассеянным склерозом. Мы предполагаем, что страх смерти проявляется при рассеянном склерозе в следующих аспектах:

1. Смерти себя как личности (потеря своего психологического «Я» (включающего Я-телесное, Я-интеллектуальное и Я-социальное).
2. Смерти себя в физическом контексте, прекращение существования в реальном бытии.

Страх смерти, надежда выздороветь [4], значимые

жизненные цели и привязанности, обязанности (родительские и др.), система ценностей, убеждения - становятся препятствиями для суицида у больных рассеянным склерозом, позволяют продолжать лечение отдельной симптоматики и осуществлять поддерживающую терапию. Встреча со смертью способствует осмыслению своей жизни, приданию ей ценности на контрасте с конечностью существования. При работе в экзистенциальном подходе обращается внимание на то, что:

- страх смерти естественен для человека, смерть – это важная составляющая существования, завершающая стадия жизненного цикла;
- несмотря на конечность жизни, имеющиеся заболевания, каждый может ориентироваться на настоящее и ближайшее будущее, беря ответственность за свою жизнь и наполняя ее - значимыми смыслами и содержаниями, обретением экзистенциальных ценностей – любви, смысла, надежды и др.;
- будущее неопределенно для всех людей, но это, как и страх смерти, естественное свойство бытия, повышение толерантности к неопределенности позволяет снизить негативные переживания и принять различные варианты развития жизни;
- психологические аспекты профилактики развития рассеянного склероза включают поддержание: связей с реальным бытием, контактов с другими людьми, в том числе, также страдающими рассеянным склерозом (что позволяет человеку справиться не только со страхом смерти, но и со страхом одиночества, принять особенности жизни людей с рассеянным склерозом), когнитивных функций (посредством развития внимания, памяти, мышления) и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев А.В. Рассеянный склероз у женщин: причины, диагностика и лечение // Юсуповская больница [Электронный ресурс]. URL: <https://yusupovs.com/articles/neurology/rasseyannyy-skleroz-simptomu-u-zhenshchin/> (дата обращения 21.02.2022).
2. Гаранина Е.С. Немедикаментозная коррекция психоэмоциональных расстройств у больных с рассеянным склерозом / Е.С. Гаранина, В.В. Линьков, Л.Л. Ярченкова // Курортная медицина. 2017. №2. С. 148-150.
3. Дмитриева П.Р. Подходы к снижению уровня страха смерти в психологической практике // Северо-Кавказский психологический вестник. 2021 Т.19. №1. С. 34-43.
4. Зотов П.Б. Мотивы суицидальной активности и факторы антисуицидального барьера у больных рассеянным склерозом / П.Б. Зотов, Н.И. Куценко // Суицидология. №3. 2011. С.20-25.
5. Резникова Т.Н. Осознанные и неосознанные компоненты «Внутренней картины болезни» у больных рассеянным склерозом / Т.Н. Резникова, В.И. Семи-волос, Н.А. Селиверстова // Сибирский психологический журнал. 2009. №31. С. 51-56.
6. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм - это гуманизм. <https://www.litmir.me/br/?b=103095&p=1> (дата обращения 06.04.2022).
7. Франкл В. Психотерапия и экзистенциализм. Избранные работы. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 192 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. 460 с.
9. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия М.: Класс, 2014. 576 с.

© Каяшева Ольга Игоревна (art1230@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ УСТРОЙСТВ НА ПОВЕДЕНИЕ, ЗДОРОВЬЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

IMPACT OF DIGITAL DEVICES ON THE BEHAVIOR, HEALTH AND EMOTIONAL STATE OF STUDENTS: THEORETICAL ASPECT

*E. Krug
N. Fedyukova
A. Ermochenko*

Summary: The article presents the results of a theoretical study of the influence of digital devices on the behavior and emotional state of students. The relevance of the study lies in the fact that the development of digitalization of the modern world transforms the consciousness of the participants in information exchange. The introduction of online technologies in all spheres of human life leads to its direct dependence on the operation of digital devices, which affects behavior, health and general emotional state.

Keywords: digital devices, online technologies, behavior, digital addiction, emotional state, manipulative influence.

Круг Элеонора Александровна

к.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»

eleonora_krug@mail.ru

Федюкова Наталья Владимировна

к.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»

fedukova_nv@mail.ru

Ермоченко Алена Игоревна

Национальный исследовательский университет ИТМО

(г. Санкт-Петербург)

ale-ermak97@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты теоретического исследования влияния цифровых устройств на поведение и эмоциональное состояние обучающихся. Актуальность исследования состоит в том, что развитие цифровизации современного мира трансформирует сознание участников информационного обмена. Внедрение онлайн технологий во все сферы жизнедеятельности человека приводит к его прямой зависимости от работы цифровых устройств, что оказывает влияние на поведение, здоровье и общее эмоциональное состояние.

Ключевые слова: цифровые устройства, онлайн технологии, поведение, цифровая зависимость, эмоциональное состояние, манипуляционное воздействие.

Роль цифровых устройств достаточно велика в современном мире. Прежде чем рассмотреть то, как цифровые устройства влияют на такие факторы как поведение, здоровье и эмоциональное состояние следует рассмотреть более общие понятия. Рассмотрим понятие, с которого всё начинается – это цифровизация. В последние годы можно проследить то, как данный процесс стремительно набирает обороты. Цифровизация и так развивалась до этого времени, но пандемия Covid-19 заметно ускорила его техническое совершенствование.

В таблице 1 представлены позиции различных экспертов на вопрос определения понятия «цифровизация».

Таким образом, цифровизация – это активное внедрение во все сферы жизнедеятельности человека инновационных онлайн-технологий, способствующее дальнейшему развитию.

На основе представленных выше определений становится понятно, что цифровизация может затрагивать не только государственную или экономическую сферу,

но и образование, культуру и повседневную жизнь людей, о которой позже наиболее развёрнуто пойдёт речь. В повседневной жизни людей цифровизация выражается в активном использовании различных цифровых устройств для совершения определённых действий и операций.

Под цифровыми устройствами понимается такое техническое устройство (приспособление), которое предназначено для обработки полученной информации в новой цифровой форме, при использовании цифровых технологий.[5]

Цифровые устройства имеют множество разновидностей, каждая из которых выполняет свои определённые функции. В вопросе видового разделения цифровых устройств сложилась более-менее единая точка зрения. Виды цифровых устройств продемонстрированы на рис 1.

Конечно, перечень цифровых устройств не ограничивается данными видами, дополнить данный список можно было бы цифровыми устройствами, которые выполняют

Понятие «цифровизация»: позиции разных авторов

Автор	Дефиниция
Хайруллин Г.Т.	Понимается поэтапный переход организации или некой бизнес-структуры на инновационные модели бизнес-процессов, принципиальным отличием которых является использование современных информационных технологий. Причем этот переход может быть осуществлен в различных сферах жизнедеятельности общества (производственной, образовательной, туристской индустрии и прочее).
Т.В. Никулина; Е.Б Стариченко	Новая эпоха, основанная на больших данных («bigdata»), соответствующая технология не приводящая к деиндивидуализации
Т.В. Фомичёва; В.И. Катаева.	Трансформация информации в новую цифровую форму, которая направлена на оптимизацию издержек, способствующих более перспективным направлениям развития как отдельных подпроцессов так и всей систему управления организацией
Гарнов А.П.	Более усиленное использование существующих компьютерных технологий, переход на новые цифровые программные средства как в границах предприятия, так и по отношению к отрасли и стране в целом.
Е.Л. Вартанова; М.И. Максеенко	Возможность использования новейших онлайн технологий как отдельными людьми, так и корпорациями, государством и в т.ч. внедрение инновационных технологий на цифровом уровне.

Источник: составлено авторами по [1,2,3,4]

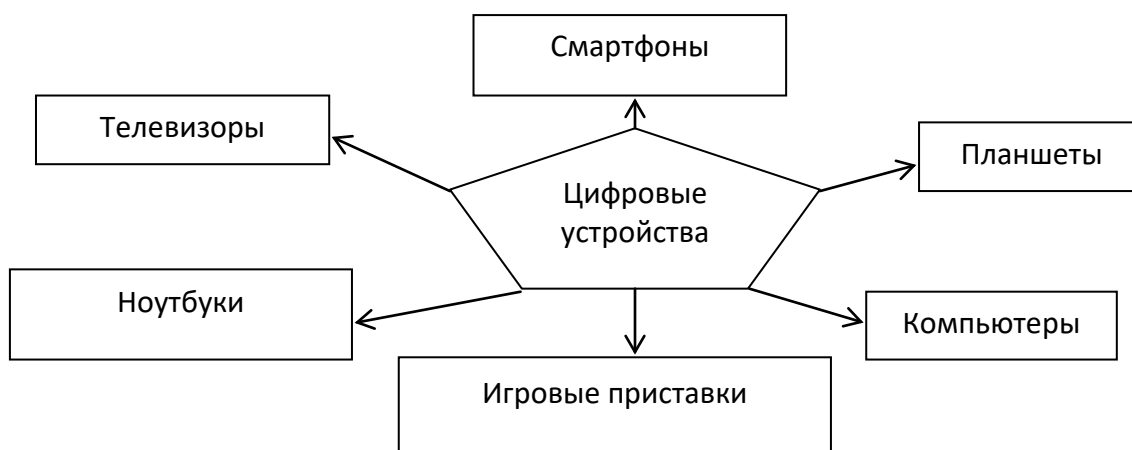

Рис 1. Основные виды цифровых устройств[5]

отдельные локальные функции, такие как: фотосъёмка, передача или трансляция музыки и т.д. Выбранные нами гаджеты – это устройства, которые в первую очередь приходят в голову при упоминании слов «гаджет» или «цифровое устройство». Кроме того, большинство из них способны выполнять различные виды операций, что особенно привлекает к ним внимание.

По мнению многих исследователей, главная проблема использования цифровых устройств – это вырабатываемая зависимость. Так, многие источники утверждают, что 80% молодых людей страдают зависимостью от цифровых устройств. Вопрос цифровой зависимости молодых людей отмечается многими исследователями. Влияние цифровых устройств на обучающихся представлено в табл. 2.

Таким образом, многие ученые признают важность и необходимость использования гаджетов и Интернета, как источников информации, но в тоже время, отмечают их психологическая нагрузка и отрицательное влия-

ние при нерациональном использовании, в том числе и в образовательных целях.

Стоит сказать, что при этом, многие авторы совсем не учитывают то, какие возможности для человека даёт использование цифровых средств. Их преимущества и возможности не ограничиваются несколькими элементами, их заметно больше. Так, М.А. Головашкина выделила широкий перечень возможностей, которые появляются у пользователей, применительно к образовательному процессу:

- оптимальное и наиболее лёгкое получение информации;
- визуализация необходимой учебной информации многостороннего характера, как виртуальных, так и естественных объектов изучения;
- заранее прогнозируемое с помощью программных технологий готовое решение различных задач (от информационно-поисковых, до вычислительных);
- повышение обратной связи, т.е. возможность свя-

Таблица 2.

Влияние цифровых устройств на обучающихся

Автор	Точка зрения
Ю.Д. Бабаева, О.Е. Войскунский, Ю.П. Зинченко, О.В. Смылова	Подтверждают наличие психологической проблемы, связанной с интернет-зависимостью у обучающихся, а с другой стороны, отмечают актуальность и необходимость Интернета и гаджетов современному человеку, в том числе и в обучении.
Солдатова Г.В.	Относит Интернет к основному источнику информации для обучающихся, а также вводит понятия «растворенности в Интернете», т.е. определенной переоценке значительности и объема содеянного с помощью гаджетов и Интернета учебного продукта, отражает не умение совершенствовать распорядок работы в Интернете и «нерастворенность в Интернете», т.е. соответствующая оценка использования интернет-технологий и гаджетов в учебных целях
Н. И. Леонов, Т. А. Наумова	Отмечают, что Интернет не только является помехой к обучению и развитию обучающихся, но и ведет к их агрессии и враждебности, при длительном применении
Янг К.С.	Отмечает, что развитию интернет-зависимости и зависимости от гаджетов способствует феномен «анонимности личности в Сети»

Источник: составлено авторами по [6,7,8,9]

Таблица 3.

Влияние телевидения на поведение и психическое состояние зрителей [12]

Положительное влияние	Отрицательное влияние
<ul style="list-style-type: none"> – способно удовлетворять потребности граждан в получении и обработке необходимой информации; – положительно отражается на удовлетворении духовных потребностей (особенно в области эмпатии, культурного развития); – позволяет проинформировать население о том, что происходит за рамками их повседневной жизни, т.е. способствует расширению кругозора, втч. за счет большого потока информации; – дает возможность населению быть в курсе актуальных событий, а также участвовать обсуждении политических, социальных, нравственных и других проблем происходящего. 	<ul style="list-style-type: none"> – способствует усилению агрессивности; – значительно повышает уровень чувствительности населения к насилию; – способствует формированию нездоровых взглядов на социальные проблемы; – формирует достаточно привлекательный образ преступных авторитетов и коррумпированных представителей власти; – повышает информированность населения и создает основу морально-психологического обеспечения различных видов преступной деятельности, как внутри государства, так и за ее пределами.

заться с преподавателем в удобное время;

- более совершенные формы контроля за успеваемостью учащихся со стороны преподавательского состава;
- оптимальный доступ в рамках изучаемого курса к необходимым учебным материалам;
- возможность архивного хранения больших объемов графической и текстовой информации[10].

Можно сделать вывод, что на сегодняшний день многим обучающимся сложно представить как свою повседневную жизнь, так и образовательный процесс без применения цифровых устройств (причем развитие навыков их использования начинается еще в школьные годы). Это связано не только с возникающей зависимостью, но и с реальным облегчением различных действий. В пару нажатий можно сделать то, что раньше было невозможно даже представить.

Так, цифровые устройства уже стали непосредственной частью жизни людей. Если раньше ЦУ считались дополнением человеческой жизни и общения, то сегодня они выступают в качестве их некой замены. Продолжая

говорить про их недостатки, стоит обратиться к точке зрения такого автора, как А.Ю. Долгова, который проанализировал множество зарубежных исследований касательно использования цифровых устройств в период пандемии Covid-19 и сделал некоторые выводы. Несмотря на то, что цифровые технологии были изначально направлены на повышение качества жизни людей, их обратная сторона слабо контролируется по масштабам использования, что может привести к слежке и манипулированию персональными данными, как со стороны крупных корпораций, так и государства в целом [11].

Таким образом, многие исследователи оценивают влияние цифровых устройств на поведение и эмоциональное состояние людей как отрицательное. Но ранее речь в основном шла о тех цифровых устройствах, в которых предусмотрен выход в Интернет: смартфон, компьютер, планшет, ноутбук. Ещё не было упомянуто такое цифровое устройство как телевизор, и поэтому далее подробнее остановимся на нём и других ЦУ в отдельности. Так, в статье Поповой А. рассмотрено влияние телевидения на человеческое сознание и поведение (табл. 3) [12].

Другими словами, автор данной точки зрения обращает внимание на такую проблему как частый показ сцен насилия по различным телеканалам, что приводит к факторам отрицательного влияния на психическое состояние и поведение людей. При этом не все исследователи соглашаются с данной точкой зрения, утверждая, что невозможно полностью убрать насилие с телеканалов и поэтому необходимо лишь ограничивать показ данных сцен для лиц неподходящего для этого возраста. Стоит сказать, что данная проблема касается не только телевидения, но и других цифровых устройств, где имеет место быть контент, связанный с насилием и жестокостью.

Говоря про телевидение, стоит сказать, что молодые

люди в последние годы всё меньше удовлетворяют свои потребности с помощью телевизора, всё больше прибегая к цифровым устройствам с возможностью выхода в Интернет. Доказывает это утверждение исследование, проведённое А.Р. Тузиковым, которое гласит, что предпочитаемые источники информации у молодых людей – это социальные сети, мессенджеры, Интернет-СМИ и ближайшее окружение (табл. 4) [13].

Существует точка зрения, согласно которой самое основное влияние, которое оказывает телевидение – это манипуляция человеческим сознанием в интересах определённых лиц. По мнению автора данной точки зрения, манипуляция осуществляется следующими метода-

Таблица 4.

Методы манипуляционного воздействия на телевидении [13]

Метод	Сущность метода
1. Спекулятивные убеждения	Процесс «убеждение» рассматривается как поток информации, способствующий снижению определенного уровня психического сопротивления аудитории, подвергающейся воздействию. Это своего рода манипуляция, в режиме реального психологического и информационного воздействия. Данный процесс основан на влиянии. Которое воздействует на разум и эмоциональные чувства, изменение отношения или действия субъекта.
2. Внушение - универсальный метод	Достаточно древний метод информационного воздействия на человека. Под воздействием внушения формируется некритичное отношение и восприятия определенной информации. При этом, мысли, идеи и создаваемые образы могут быть встроены в сознание субъекта, так, как это необходимо внушающему.
3. Манипулирование вниманием	Отражает сущность влияния на сознание человека и зависит от используемых способов (письменных или устных сообщений). К примеру, индивидуальное чтение текста может настроить фокус внимания, а вот, сообщения, полученные в устной форме, в большей степени подвержены манипулированию за счет отвлечения внимания.
4. "Промывание мозгов"	Метод относится к «жесткому» воздействию на сознание человека, поскольку основан на атмосфере запугивания и страха. При таком состоянии, обнуляется способность человека в собственных размышлениях. Что способствует насаждению собственной идеологии, отличной от его собственной.
5. Дезинформация	Дезинформация направлена на искажение получаемой информации. В результате чего получатель получает либо пустую, либо опасную информацию, предвзятую, т.е. вводящую в заблуждение. Особо опасной является массовая дезинформация.
6. "Эффект от хаотического видения"	Метод основан на взаимно отрицаемых концепциях, что способствует потере сознательного восприятия информации и более легкому манипулированию в дальнейшем сознанием человека.

Рис 2. Эмоциональные расстройства, вызываемые цифровой зависимостью [14]

ми.

Можно сделать вывод, что телевидение воздействует на сознание и поведение человека таким образом, что у него формируется другая определённая медиа-реальность. Автор утверждает, что новостной контент на телевидении необходимо понимать не столько как

с объективных качеств действительности, а как некой интерпретации журналистов. Другими словами, следует понимать, что зачастую показанное на телеэкране направлено на то, чтобы манипулировать человеческим сознанием и поведением.

На основе представленного выше материала стано-

1. Родители не уделяют достаточного внимания развитию и воспитанию. Многие заменяют элементы родительского воспитания на программы, гаджеты и т.п.

2. Отсутствие навыков самоконтроля, неумение грамотно распределить свое времяпровождение за гаджетами.

3. Отсутствие доверия со стороны обучающегося к взрослому, что приводит к нежеланию слушать и слышать советы и рекомендации от них. Многие ищут поддержку и советы в интернете, где «виртуальные друзья» готовы выслушать без осуждений и нравоучений.

4. Отсутствие чувства родительского тепла и общения. Достаточно часто родители уделяют много времени своим межличностным отношениям, быту или же карьере, не понимая, как уметь при этом, сбалансировать свое время.

5. Появляется большое количество «виртуальных друзей», что также позволяет развиваться зависимости, поскольку время в таком общении проходит незаметно.

6. Отсутствие контроля со стороны взрослых, бесконтрольность личного времени, неумение самостоятельно организовать обучающимся свой досуг.

7. Подражание «моде» по типу «все сидят в компьютере, а я чем хуже?»

8. Замкнутость, малообщительность, не понимание и не принятие со стороны сверстников.

9. Личный пример родителя или родственника.

10. Появляется надежда найти работу в IT-сфере (например, создавать игры).

Рис 3. Причины возникновения цифровой зависимости[15]

Проблемы со здоровьем, вызываемые использованием цифровых средств

Проблема	Сущность проблемы
С опорно-двигательным аппаратом	Достаточно долгая работа с цифровыми средствами и сидение в положении, не соответствующем анатомическим функциям организма человека, способствует возникновению напряжения, сковыванию мышц, судорог и боли в спине, шее, руках. Из-за чего, люди часто жалуются на боли в локтевых суставах и пальцах, от частых селфи и от постоянных переписок.
Чрезмерное напряжение зрения	Постоянное зрительное напряжение, при взаимодействии с цифровыми устройствами наносит серьезный вред глазам. Возникает «синдромом компьютерного зрения», в результате слишком продолжительной работы за экраном устройства. Симптомы которого характеризуются сухость глаз, покраснением вокруг глаз, головными болями, помутнением зрения, болью в шее и плечах.
Нарушение сна	Использование различных цифровых устройств незадолго до сна может повлиять на способность человека заснуть. Связано это с тем, что синий свет исходящий от устройств способствует повышению настороженности и нарушению биологических часов. Более того, данные устройства стимулируют активность мозговой деятельности и снижают степень готовности ко сну. Люди могут не замечать время, в результате чего, могут опомниться только тогда, когда пора вставать.
Отсутствие физической активности	Слишком чрезмерное использование смартфонов, планшетов и ноутбуков способствует недостаточной физической активности.
Психологические проблемы	Большое количество времени, проведенное за цифровыми устройствами может отрицательно сказаться на психическом и эмоциональном состоянии человека. К примеру из-за того, что возникает подсознательное желание постоянно проверять пришло ли сообщение, или желание оценить количество лайков, т.д. Возникает чувство тревоги и в результате постоянного сравнения себя с другими пользователями в социальных сетях.
Негативное влияние на детей	Поскольку детский мозг еще не достаточно развит, то он более чувствителен к чрезмерному использованию цифровых устройств, что может привести к негативным последствиям.
Влияние на слух	Громкий звук в наушниках и чрезмерно длительное их использование способствует значительной потере слуха.

Источник: составлено авторами по [16,19,20]

вится понятно, что цифровые устройства оказывают серьёзное влияние на жизнь людей.

Одной из важнейших проблем цифровизации является усиление информационного давления на человека во всех сферах его жизнедеятельности. Проблема, на которую многие специалисты обращают внимание – это появление зависимости человека от цифровых носителей. Данная зависимость реализуется как формирование чрезмерной патологической зависимости от компьютера и интернета, которая способствует негативному воздействию последних на психику. Особенно губительно сказывается интернет зависимость на младшем поколении, ведь справиться с ней ребенку самостоятельно гораздо сложнее, чем взрослому человеку [14]. Наиболее частые эмоциональные расстройства, вызываемые цифровой зависимостью, представлены на рис 2.

Как уже было сказано ранее, активное и повсеместное развитие цифровых устройств способствует возникновению цифровой зависимости обучающихся в некоторых случаях. Но причина её появления кроется не только в развитии гаджетов, но и в других факторах. Стоит сказать, что наиболее распространена данная проблема у лиц детского и подросткового возраста. Причину их цифровой зависимости А.С. Гарбар видит в

следующем (рис. 3) [15].

При использовании цифровых устройств человек переносит свой быт и свою работу в цифровое пространство, начинает переносить и свои эмоции, страхи и переживания, тем самым не просто создавая картинку в социальных сетях, а проходя виртуальную идентичность. Во многом это влияет на зарождение киберформ-девиантного поведения [16].

Следовательно, цифровые устройства воздействуют как на поведение, так и на эмоциональное и психологическое состояние людей, причём как с позитивной, так и с негативной стороны.

Но не стоит забывать и про негативное влияние цифровых устройств на здоровье людей. Это можно проследить в следующем (табл. 5).

Таким образом, на основе представленного выше материала можно сделать определённые выводы. Цифровизация и развитие цифровой среды – это то, что значительно помогает человеку в различных сферах деятельности, начиная с экономики и государственной сферы, заканчивая образованием и повседневной жизнью. Особое распространение и развитие цифровые

устройства получили в последние годы, во время пандемии коронавируса. Их применение стало неотъемлемой частью образовательного процесса, о чём говорят многие исследователи и авторы. При этом многие учёные уделяют внимание тому, что цифровые устройства оказывают чрезмерное влияние на человека, его поведение, психологическое и эмоциональное состояние, а также здоровье. При большом перечне положительных черт, развитие цифровой среды способствует появлению таких проблем как цифровая зависимость и вызван-

ная от этого излишняя агрессивность. Это способствует тому, что проблема влияние ЦУ особо остро ставится для детей, подростков и молодых людей. Но важный момент, на который обращают внимание эксперты – это то, что грамотное пользование цифровыми устройствами будет оказывать практически только положительное воздействие. В данном случае основная проблема строится на том, что человек начал пользоваться ЦУ излишне много, что сказывается не только на психологии и поведении, но и даже здоровье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайруллин Г.Т. О цифровизации образования // Глобус: психология и педагогика. 2020. №3 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tsifrovizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 08.03.2022).
2. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107–113.
3. Фомичёва Т.В., Катаева В.И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2. С. 80–84.
4. Гарнов А.П. Логистическая составляющая цифровой экономики услуг культуры // Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 3. С. 17–28.
5. Буцык, С.В. «Цифровое» поколение в образовательной системе российского региона: проблемы и пути решения / С.В. Буцык // Открытое образование. – 2019. – Т. 23. – № 1. – С. 27-33.
6. Войсунский, А.Е. Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / А.Е. Войсунский. – М.: Акрополь, 2009. – 264 с.
7. Солдатова, Г.В. Интернет: возможности, компетенции, безопасность / Г.В. Солдатова. – М.: Центр книжной культуры «Гутенберг», 2013. – 137 с.
8. Леонов, Н.И. Образ «Я» интернет-зависимых социальных агентов в виртуальном пространстве / Н.И. Леонов, Т.А. Наумова // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 4. – С. 119-121.
9. Kimberly S. Young. Internet Addiction: The Emergence Of A New Clinical Disorder. Published in Psychology and Behavior, 2000, vol. 1 no. 3., pp 237-244.
10. Головашкина М.А. Мобильные электронные устройства как объективные предпосылки нового этапа развития дидактики в 2010-2020 годах // Образовательные ресурсы и технологии. 2018. №2 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mobilnye-elektronnye-ustroystva-kak-obektivnye-predposylki-novogo-etapa-razvitiya-didaktiki-v-2010-2020-godah> (дата обращения: 08.03.2022).
11. Долгов А.Ю. Влияние цифровых технологий на социальные взаимодействия и отношения в период пандемии Covid-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlianietsifrovyyh-tehnologiy-na-sotsialnye-vzaimodeystviya-i-otnosheniya-v-period-pandemii-covid-19> (дата обращения: 08.03.2022).
12. Попова, А. Влияние телевидения на человеческое сознание и поведение / А. Попова // ScienceTime. – 2016. – № 2(26). – С. 491-501.
13. Тузиков, А.Р. Информационные потребности учащейся молодежи Республики Татарстан в новостном контенте / А.Р. Тузиков, С.А. Алексеев, Р.И. Зинурова // Управление устойчивым развитием. – 2021. – № 5(36). – С. 54-59.
14. Гуляева, Г.В. Влияние цифровой реальности на эмоциональное состояние ее субъектов / Г.В. Гуляева // Высшее образование для XXI века: Цифровая трансформация общества: новые возможности и новые вызовы: Доклады и материалы XVI Международной научной конференции: в 2 ч. (онлайн-формат), Москва, 18–19 ноября 2020 года. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2020. – С. 278-284.
15. Гарбар, А.С. Влияние гаджет-зависимого поведения на социальное здоровье подростков девиантного поведения / А.С. Гарбар // Актуальные вопросы педагогики и психологии образования: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году науки и технологий в Российской Федерации, Барнаул, 21–22 апреля 2021 года. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2021. – С. 311-314.
16. Зинченко, В.О. Проблема ценности образования в условиях его цифровизации / В.О. Зинченко // Материалы пула научно-практических конференций: Материалы III Национальной научно-практической конференции с международным участием, VI Международной научно-практической конференции, III Международной научно-практической конференции и Научно-практической конференции с международным участием, Донецк-Керчь-Луганск, 24–28 января 2022 года. – Керчь: ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», 2022. – С. 416-419.

© Круг Элеонора Александровна (eleonora_krug@mail.ru), Федюкова Наталья Владимировна (fedukova_nv@mail.ru), Ермоченко Алена Игоревна (ale-ermak97@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS

**A. Misbakhova
I. Galimyanov**

Summary: This article is devoted to studying the adaptation of foreign students to the socio-cultural educational environment of Russian universities. The relevance of this topic is due to the difficulties of psychological adaptation of students from near and far abroad. The practical significance lies in the presentation of exemplary activities aimed at supporting the psychological adaptation of foreign students.

Keywords: psychological adaptation, socio-cultural adaptation, foreign student, culture shock, Russian higher education institutions, interaction barriers, language barriers, cultural differences, support measures.

Мисбахова Альбина Гаязовна

К.ф.н., старший преподаватель, Набережночелнинский институт (филиал) Казанский Федеральный Университет
dislab@mail.ru

Галимянов Ильнур Динаесович

К.т.н., доцент, Набережночелнинский институт (филиал) Казанский Федеральный Университет
okm207@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена изучению адаптации иностранных студентов к социокультурной образовательной среде российских вузов. Актуальность данной темы обусловлена трудностями психологической адаптации студентов дальнего и ближнего зарубежья. Практическая значимость заключается в представлении примерных мероприятий, направленных на поддержку психологической адаптации иностранных студентов.

Ключевые слова: психологическая адаптация, социокультурная адаптация, иностранный студент, культурный шок, российские высшие учебные заведения, барьеры взаимодействия, языковые барьеры, культурные различия, меры поддержки.

Обучение иностранных студентов в российских вузах имеет свои особенности и специфические проблемы, изучение и нивелирование которых повысит успешность образовательного процесса. Поэтому иностранным студентам особенно сложно поступать на обучение в вузы, которое представляет собой адаптационный процесс, требующий определенных усилий, воли, времени и энергии. Проблема социализации первокурсников - иностранцев, обучающихся в вузах нашей страны, вызвала интерес ученых и реализовала изучение условий обучения, направленных на успешный процесс адаптации.

Процесс глобализации современного мира обусловил интенсивное развитие образовательных связей между странами, экспоненциальный рост желающих получить высшее образование в других странах, что повлияло на увеличение числа иностранных студентов в зарубежных и Российские университеты.

В современных образовательных пространствах все чаще используется концепция поликультурного образования, подчеркивая, что современные университеты нацелены на расширение своего коммуникативного пространства, поддержку межкультурного диалога и привлечение новых игроков. Фактически экспорт образовательных услуг становится геополитической стратегией России.

Студентам-первокурсникам предстоит не только максимально быстро адаптироваться к разным культурам, наладить обмены с представителями принимающей

страны, но и понимать особенности организации учебного процесса, адаптироваться к различному климату, условиям жизни, питанию, соблюдать другие правила гигиены. Как указывали Е.Г. Шаронова и Л.Д. Егорова, «успех иностранных студентов в России и уровень их профессиональной подготовки в значительной степени зависят от социальной адаптированности студентов в принимающей стране» [1, с. 1201].

В процессе адаптации к новой социокультурной среде иностранным студентам приходится преодолевать не только сложившиеся языковые, но и психологические, социальные, религиозные и моральные барьеры, осваивать новые модели поведения. При поступлении в школу иностранные студенты обычно имеют определенное представление о том, чего они заслуживают, исходя из собственного опыта, мировоззрения, конкретной этнической принадлежности, психологических и поведенческих особенностей и т.д.

Происходит переоценка ценностей и предвзятых представлений, что может привести к диссонансу характера учащегося. Поэтому с первого дня пребывания в российском вузе необходимо внимательно следить за этим вопросом, так как иностранные студенты испытывают своеобразный культурный шок в непривычной социокультурной, языковой и национальной среде, а «влиться» в окружение они должны в кратчайшие сроки.

В исследованиях, посвященных проблемам адаптации иностранных студентов, рассматриваются такие понятия, как социокультурная, академическая и соци-

ально-психологическая адаптация, феномены «культурный шок», качества «гражданина мира» [2]. При этом адаптационные факторы студентов можно разделить на внутренние факторы и внешние факторы. К внешним факторам относятся культурные различия. В теории культурного шока прослеживаются его эмоциональные, когнитивные и поведенческие аспекты, при этом отмечается, что наибольшие эффекты культурного шока достигаются при отсутствии знаний о культурных различиях между родиной и принимающей страной [9]. К внутренним факторам относятся личностные характеристики, личность, мировоззрение, личностные особенности адаптации и возможности для иностранных студентов. Анализ проблемы позволяет сгруппировать существующие адаптационные барьеры, выделив следующие: психофизиологические, педагогические и когнитивные, связанные с различиями образовательных организационных систем, и социокультурные, связанные с включением в образовательную среду вуза, преодолением языковых барьеров, установлением межличностных отношений и коммуникация.

Исследователи проблемы ранней адаптации иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах справедливо считают, что преодоление этих и других препятствий и эффективная адаптация позволяют повысить качество и уровень образования иностранных студентов, обеспечив высокую мотивацию к получению знаний, умений и навыков [3].

Адаптация иностранцев первого курса обучения – важная задача для любого вуза, в котором обучаются иностранные студенты. Хотя условия адаптации разных колледжей и вузов имеют свои особенности, проблема все же имеет общую направленность и противоречия, требующие решения, в том числе следующие аспекты:

- на социально-образовательном уровне – между возрастающими запросами общества на адаптацию иностранных студентов к образовательной среде российских вузов и нереализованными возможностями социокультурной деятельности образовательных учреждений процесс адаптации к российским вузам доступен для студентов из дальних и ближних стран;
- на научно-теоретическом уровне – необходимость развития социокультурной образовательной среды вуза, способствующей успешной интеграции иностранных студентов, и недостаточное развитие научного обеспечения вопросов исследования;
- на научно-методическом уровне – между объективной необходимостью социокультурной интеграции иностранных студентов в образовательную среду вуза и недостаточной разработанностью научно-методического обеспечения данного вопроса.

Методы исследования.

В статье в качестве основного метода исследования проводится теоретико-методологический анализ психолого-педагогической и научно-методической литературы по исследуемому вопросу с использованием метода наблюдения. Показатели социокультурной и психологической инклюзивности будут учитывать психологическую удовлетворенность испытуемых образованием и социальной деятельностью в новой среде, усваивать нормы, ценности, модели поведения, присущие новой культурной среде вуза, полноценно участвовать в социальной и культурной жизни нового университетского сообщества.

Для понимания индивидуальных различий студентов и их влияния на их эффективность в адаптации к новой социокультурной среде обратимся к концепции адаптивного поведения Р. Мертона, согласно которой выделяют пять модусов индивидуального адаптивного поведения: конформизм, новаторство, ритуализм, ретреатизм и восстание [4]. Не вдаваясь в детали каждой модели, отметим лишь, что возможны различные комбинации моделей, что также может сказаться на эффективности межкультурной коммуникации при занятии учащимися той или иной позиции в различных ситуациях.

При этом необходимо учитывать, что она во многом зависит от других взаимодействующих субъектов, особенно позиции реципиента (толерантность к другой культуре, религии, национальности, образу жизни, нормам поведения, культурным привычкам, и т.д.).

Для иностранных первокурсников новым является процесс адаптации к социокультурной среде вуза, который происходит в учебной деятельности, внеучебной деятельности, общечитии, внутригрупповом и внешкольном обмене и т.д.

Успешность адаптации, в том числе вхождение в ту или иную группу, зависит от индивидуальных особенностей учащегося, в основном от терпимости к другой культуре, религии, образу жизни, национальности, кодексу поведения и т.д. Это зависит от многих факторов. В идеале, например, преподаватели вузов должны обладать не только компетенцией в предметной области, но и умением межкультурного общения, а также личностными качествами толерантных людей и членов кружков.

В исследовании Т. Парсонса социальная адаптация рассматривается как двусторонний процесс - результат активности иностранного студента и социальной среды, в том числе образовательной. По мнению исследователя, социальное взаимодействие всегда представляет собой взаимный компромисс, а адаптация - это стремление к достижению равновесия общественного спокойствия,

полезного и для индивида, и для социума (которым в данном случае является университетская группа) [5].

Таким образом, способность иностранных студентов успешно адаптироваться в новой социокультурной среде зависит от трех комплексов факторов: личностных особенностей студента и его способности к адаптации, а также особенностей факультета и его готовности работать с группой иностранного студента. обучение, а также условия обучения, созданные в учебном заведении.

Анализ источников также позволяет выделить несколько этапов адаптации иностранных студентов к образовательной среде вуза: преодоление «языкового барьера», интеграция в студенческий коллектив, освоение правил и норм поликультурных коллективов, развитие индивидуальной модели поведения и отношения с группами, формирующие устойчивое стремление к обеспечению будущей карьеры, несмотря на потенциальные трудности в обучении и адаптации.

В зарубежной литературе по данному вопросу делается сильный акцент на организациях поддержки иностранных студентов, которые значительно облегчают процесс интеграции в вузовскую образовательную среду, обучение и установление новых социальных связей, а сам вид социальной поддержки может различаться: информационные, инструментальные и аффективные. Поддержка предоставляется непосредственно в университете или онлайн-представителем принимающей страны или страны проживания [6].

Данные исследования, несомненно, актуальны и востребованы, однако существует и другая проблема в данной сфере – определенная специфика, связанная с социокультурной инклюзией студентов из других стран в образовательное пространство российских вузов. Противоречия в данной сфере могут быть обусловлены несформированностью у субъектов образовательного процесса уважительного отношения к ценностям, образу жизни и поведению представителей иных культур, отсутствием толерантного отношения к требованиям новой социокультурной среды вуза, что приводит к общей дезадаптации личности студента, конфликтам в студенческой среде, снижению качества образования в целом и др. Результаты социокультурной адаптации, хотя обусловлены личностными качествами иностранных студентов, не гарантируют успешности этого процесса. Многие зависят от культурного плюрализма образовательной среды вуза в целом, готовности руководства вуза взять на себя ответственность за педагогические условия, созданные в вузе в целях повышения эффективности адаптационных процессов, способности быть открытыми, идти на контакт, не устанавливая систему «свой – чужой» с последующей изоляцией иностранного обучающегося и др. Определяющее значение имеют ус-

ловия, созданные в конкретном вузе.

Результаты и обсуждение.

Анализ современной образовательной практики показывает, что высшее образование, развивающееся в условиях межкультурного диалога, и растущий спрос на качественные образовательные услуги в других странах ставят перед научным и образовательным сообществом вузов новые вызовы, требующие качественного решения. схема решения проблемы. Проблема адаптации иностранных студентов к среде и условиям обучения в вузах Российской Федерации.

К барьерам для поступления иностранных студентов в команды, созданные организаторами, относятся: низкое культурное разнообразие, отказ от студентов из-за недостаточного знания русского языка, отсутствия опыта и желания общаться с иностранными представителями. Исследование также выявило основные проблемы, затрудняющие адаптацию иностранных студентов в вузе, а также недостаточное знание русского языка, в том числе недостаточную ориентацию на академические стандарты, требования и условия [7].

С разной мотивацией и уверенностью студенты, начинающие обучение в другой стране, неизбежно оказываются в состоянии стресса, в том числе «культурного шока». Накопление стресса считается серьезной проблемой, ведущей к увеличению психосоматических расстройств и ухудшению психического здоровья среди многих иностранных студентов в разных принимающих странах [7]. При этом иностранные студенты используют как адаптивные, так и дезадаптивные методы борьбы со стрессом. В этом случае крайне широкое использование различных и порой малоэффективных методов не способствует преодолению трудностей психологической адаптации [8].

В образовательной практике до сих пор встречаются случаи, когда студенческая жизнь становилась для иностранных студентов суровым испытанием, приводящим к отчислению и уходу из вуза, поэтому необходимо принимать эффективные копинг-стратегии и внедрять технологии, способные гарантировать требуемый эффект.

Наиболее распространенные барьеры - языковые трудности в общении, психологическая неуверенность, новые методы обучения и др. С учетом полученной информации повсеместно должна быть разработана и внедрена программа адаптации иностранных студентов. В процессе реализации программы должны проводиться мероприятия, направленные на включение иностранных студентов в практическую межкультурную коммуникативную деятельность. Реализация разработанной программы создаст предпосылки для формирования

системы ценностей, взглядов, убеждений, обеспечивающих успешность социальной адаптации первокурсников из зарубежья к условиям российской действительности.

В ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что адаптация иностранных студентов к российской образовательной среде представляет собой сложное явление, включающее следующие элементы: владение языком, достаточное для эффективного функционирования в обществе принимающей страны; умение общаться и взаимодействовать, мотивация и навыки участия в жизни студенческого сообщества, нормальное физическое и психологическое состояние.

Заключение

Процесс адаптации иностранных студентов к образовательной среде российских вузов должен быть частью политики в сфере образования и представляет

собой сложное явление, состоящее из взаимосвязанных факторов: полноценного взаимодействия иностранных студентов с российской социокультурной и интеллектуальной средой вуза, психологическая и эмоциональная устойчивость, овладение новыми социальными ролями, приобретение новых навыков общения и взаимодействия, принятие ценностей встречающей стороны.

Эти и другие качества помогут иностранным студентам успешно входить, развиваться и формировать личности в образовательном пространстве вуза. Наиболее конкретным и актуальным итогом исследования является описание особенностей формирования у иностранных студентов навыков и поведенческих моделей, социально признанных в принимающем обществе, что создает предпосылку социокультурной инклюзии в контексте соответствующих мотивационных установок и условий развития личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаронова Е.Г., Егорова Л.Д. Теоретические основы социальной адаптации студентов-иностранцев в системе высшего профессионального образования // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 8-5. – С. 1201-1205.
2. Апасова М.В., Кулагина И.Ю., Апасова Е.В. Условия адаптации иностранных студентов в вузах // *Современная зарубежная психология*. – 2020. – Т. 9. – № 4. – С. 129-137.
3. Комарова М.Н., Сошников Е.А., Глебов В.В. Культурно-социальная и психологическая адаптация иностранных студентов // *Успехи современного естествознания*. – 2013. – № 8. – С. 49-51.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. – 873 с.
5. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Библиотека Гумер: – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/rop_ob.php (дата обращения: 27.04.2022).
6. Chen L., Yang X. Nature and Effectiveness of Online Social Support for Intercultural Adaptation of Mainland Chinese International Students // *International Journal of Communication*. – 2015. – Vol. 9. – P. 2161-2181.
7. Edara I.R. Social and Spiritual Dimensions As Protective Factors in the Relationship Between Acculturative Stress and Subjective Well-Being Among International Students in Taiwan // *Psychology*. – 2018. – Vol. 9. – №. 7. – P. 1582-1604.
8. Jackson M., Ray S., Bybell D. International Students in the U.S.: Social and Psychological Adjustment // *Journal of International Students*. – 2013. – Vol. 3. – № 1. – P. 17-28.
9. Jones R., Kim Y.S. Communication Experiences of International Students in the U.S.: A Comparison Study of Cross-cultural Adaptation Between European and Asian Students // *Scientia et Humanitas: A Journal of Student Research*. – 2013. – Vol. 3. – P. 83-104.

© Мисбахова Альбина Гаязовна (dislab@mail.ru), Галимянов Ильнур Динаесович (okm207@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ КАНДИДАТОВ НА СЛУЖБУ В МВД, ИМЕЮЩИХ СКЛОННОСТЬ К ПРОЯВЛЕНИЮ ДЕВИАНТНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ В ВИДЕ СКЛОННОСТИ К СОВЕРШЕНИЮ СУИЦИДАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Ожигова Людмила Николаевна

Д.псих.н., профессор, Кубанский
государственный университет
topvolna@mail.ru

Потапенко Василий Константинович

Аспирант, Кубанский государственный университет
potapenkovk999@yandex.ru

**VALUE ORIENTATIONS
OF THE PERSONALITY STRUCTURE
OF CANDIDATES FOR SERVICE
IN THE DEPARTMENT OF INTERNAL
AFFAIRS WHO HAVE A TENDENCY
TO MANIFEST DEVIANT BEHAVIORS
IN THE FORM OF A TENDENCY
TO COMMIT SUICIDAL ACTIONS**

**L. Ozhigova
V. Potapenko**

Summary: The article presents the results of a study of the value orientations of the personality of candidates for service in the Department of Internal Affairs and their relationship with the established facts of manifestations of deviant behaviors in the anamnesis in the form of a tendency to commit suicidal actions. To do this, according to the «Level of correlation of value and accessibility in different life spheres» methodology, 75 candidates were examined, divided into two groups. The control group, 39 people – without established cases of deviant behavior in the anamnesis, the experimental group, 36 people - with established cases of deviant behavior in the anamnesis. The analyzing of the results showed, it was concluded that the candidates of both groups show normative values corresponding to the state of psychological adaptation. However, the control group found greater subjective satisfaction with life in comparison with the experimental group, the statistical significance of which is confirmed by the use of the Student's criterion. There are also differences in the subjective definition of the most accessible values in life. The revealed differences in the content of the value-semantic structure of the personality make further research in this direction promising both for the theoretical justification and for prediction of manifestations of deviant behavior, and for the future application of developments in the practice of psychological selection of candidates for service in the Department of Internal Affairs.

Keywords: personality, deviant behavior, value orientations, motivation, police, psychological selection.

Аннотация: В статье приведены результаты исследования ценностных ориентаций личности кандидатов на службу в органы внутренних дел и их взаимосвязь с установленными фактами проявлений девиантных форм поведения в анамнезе в виде потребления без назначения врача наркотических или психотропных веществ. Для этого, по методике УСЦД, были обследованы 75 кандидатов, разделённые на две группы. Контрольная группа, 39 человек – без установленных случаев проявлений девиантного поведения в анамнезе, экспериментальная группа, 36 человек - с установленными случаями проявления девиантного поведения в анамнезе. При анализе полученных результатов, были сделаны выводы, что кандидаты обеих групп показывают нормативные значения, соответствующие состоянию психологической адаптации. Однако, контрольная группа обнаружила большую субъективную удовлетворённость жизнью в сравнении с экспериментальной группой, статистическая значимость чего подтверждается применением критерия Стьюдента. Так же обнаружены различия в субъективном определении самых доступных ценностей в жизни. Обнаруженные различия в содержании ценностно-смысловой структуры личности делают дальнейшее исследование в этом направлении перспективными как для теоретического обоснования и прогнозирования проявлений девиантного поведения, так и для будущего применения наработок в практике психологического отбора кандидатов на службу в ОВД.

Ключевые слова: личность, девиантное поведение, ценностные ориентации, мотивация, полиция, психологический отбор.

В настоящее время наша планета уже давно вступила на путь глобализации, что предполагает в жизни человека все более увеличивающуюся в количественном плане социальную структуру. В нашей жизни ежедневно встречаются сотни людей, которые могут

быть как случайными прохожими на улице, так и членами семьи, друзьями и коллегами по работе. С ростом количества связей увеличивается и то, что эти связи могут в себе нести. В некоторых ситуациях поведенческие модели других людей, реализовавшись в определенных

условиях, могут нести в себе риски для безопасности окружающих. И конечно же одна из задач общества по отношению к своим членам – это сделать себя максимально безопасным для каждого из нас. Как один из механизмов осуществления данной задачи, несомненно можно выделить наделение определённой группы людей полномочиями к легитимному применению насилия по отношению к членам общества, представляющим для него угрозу. В нашей стране эта функция осуществляется через структуру государства – Министерство внутренних дел.

Легко представить, как должна функционировать данная структура в своём самом общем виде: если ситуация несёт риски для безопасности одних членов общества другими, действия вторых должны быть остановлены. При всем этом проблема может возникнуть даже в самом естественном звене этого процесса – сотрудники органов внутренних дел являются такими-же людьми, как и все мы, они так же могут иметь потенциал для реализации девиантного поведения. Однако, в отличие от людей, не наделённых властными полномочиями, сотрудники силовых ведомств имеют доступ к специальным материально-техническим средствам и обладают специальными знаниями и навыками по реализации отклоняющегося поведения. Это повышает вероятность негативных последствий и несёт потенциальную большую опасность для членов общества.

С учетом вышесказанного особую актуальность приобретают исследования закономерностей и особенностей, возможность прогнозирования и выявления девиантного поведения у сотрудников ОВД.

Данная работа представляет собой продолжение ранней публикации с результатами исследования, где статистически достоверно была выявлена взаимосвязь между некоторыми параметрами ценностной ориентации структуры личности и реализацией девиантных действий по злоупотреблению алкоголем и токсическими веществами на группе кандидатов в ОВД. [1]

Далее раскроем суть понятия – девиантное поведение (ДП), для дальнейшей работы с ним.

Большой психологический словарь трактует ДП, как «действия, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) моральным и правовым нормам и приводящие нарушителя (девианта) к изоляции, лечению, исправлению или наказанию». [2]

А.В. Нефёдова, определяет девиантное поведение как «поведение, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам». [3]

Согласно А. Коэну, ДП — это «такое поведение, которое идет вразрез с институционализированными ожиданиями, то есть с ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы». [4].

Данные формулировки указывают на различия ДП от так называемого нормального поведения в каждой конкретной среде. Однако они не отражают личностного базиса для совершения ДП, его мотивов и целей.

Для более точного понимания данных звеньев, приведём определение Ю.А. Клейберг, который определяет ДП как «специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации ценностного отношения к ним. Для этого используются собственные приемы самовыражения: слэнг, стиль, символика, мода, манера, поступок и т.п. При этом девиантные действия выступают:

- в качестве средства достижения значимой цели;
- как способ психологической разрядки, замещения блокированной потребности и переключения деятельности;
- как самоцель, удовлетворяющая потребность в самореализации и самоутверждении.» [5]

Теперь мы видим, что помимо отличий ДП от нормального, есть общее: оба являются формами поведения как естественной психической активности, что даёт нам возможность рассматривать и изучать ДП как изучается и любая другая форма поведения.

Далее следует считать необходимым понимание целей реализации ДП. Так как мы рассматриваем его, как и любую другую форму поведения, то следует так же дать определение понятию «поведение».

Так С.Л. Рубинштейн определял феномен поведение как «определённым образом организованную деятельность, осуществляющую связь организма с окружающей средой». [6]

Интересное понимание для данной работой, даёт А.В. Курпатов, основываясь на трудах И.М. Сеченова, И.П. Палова, В.М. Бехтерева, А.А. Ухтомского и Л.С. Выгодского – «поведение не есть физиологическое или психическое производное, но сам процесс функционирования этих систем». [7]

Полезно так же будет обратить внимание на источник поведения. Так «источником поведения являются потребности живого существа. Поведение осуществляется как единство психических – побудительных, регулирующих, отражательных звеньев (отражающих те условия, в которых находится предмет потребностей и влечений существа) и исполнительных, внешних действий, при-

ближающих или удаляющих организм от определённых объектов, а также преобразующих их». [8]

Теперь мы можем дать определение ДП, наиболее отвечающее проблематике данного исследования, которое будет выражать его смысловую нагрузку и вектор направленности. **Девиантное поведение** – это особый случай психо-физиологического функционирования живого существа, направленное на достижение субъективного состояния адаптации организма к среде, не имеющее общепринятого характера в данном социокультурном континууме.

Здесь можно сделать обоснованный вывод, что как для всех форм поведения, так и для девиантных будет правомочно предположения о связи с ценностными ориентациями, как одной из детерминант поведения.

Так как в исследовании будут приведены результаты обследований кандидатов на службу в МВД, к разъяснению будут уместны некоторые моменты, связанные с процедурой их отбора.

Сейчас выявлением факторов риска ДП у кандидатов на службу занимаются ЦПД (центры психофизиологической диагностики) при медико-санитарных частях МВД России. Согласно приказу МВД России от 25.12.2014 г. №1130 дсп, к диагностическим мишеням ЦПД относятся три группы девиаций:

- «1. Злоупотребление алкоголем или токсическими веществами
2. Потребления без назначения врача наркотических или психотропных веществ
3. Склонность к совершению суицидальных действий».[9]

Приказ включает список обязательных методик, которые составляют диагностическую структуру обследования: СМЛ; матрицы Равенна; ЭОС; тест-аддикция, корректурные пробы, запоминание чисел, беседа с медицинским психологом.

Однако, несмотря на обширную методическую базу обследований, нет полной гарантии, что кандидат на службу, с вышеупомянутыми факторами ДП, не попадёт на службу, так как при обследовании, часто присутствует установочное поведение (в виде осуществления повышенного контроля за счёт субъективного представления о том «каким меня должны/не должны видеть»), и при сохранной формальной критике и достаточном уровне интеллекта, данные методики дают результатов с высоким уровнем достоверности.

Так же, по мнению авторов, обследование практически полностью исключает ценностные ориентации личности из поля своих диагностических мишеней. Хотя

логично было бы предполагать, что при сравнении девиантных форм поведения с общепринятыми, как частного варианта психофизиологического процесса, мы не обнаружим структурных различий: оба вида поведения должны иметь свою цель, которая, являясь субъективно значимой, порождает мотивацию достижения. Если есть значимость/ценность и мотивация, то соответственно появляется и субъективная доступность, как оценка возможности осуществления поведенческого акта. Однако отсутствие структурных различий не исключает наличие оных в содержании данных структур. Следовательно, при изучении и сравнении содержания ценностно-смысловых структур личности кандидатов, обнаруживающих и не обнаруживающих факторы девиантного поведения, можно предполагать нахождение статистически значимых закономерностей.

На основании вышесказанного, и в виду проводимого исследования с фокусом на девиантное поведение в форме склонности к совершению суицидальных действий, целью данной работы необходимо полагать: исследование и установление связей между содержанием структуры ценностных ориентаций личности и фокусной девиацией. При выявлении коррелят, представляется возможным внесение новых диагностических критериев в структуру психологического обследования, что предположительно сможет улучшить качество отбираемых на службу кандидатов и тем самым снизит риски, обусловленные проявлениями девиантных форм поведения у лиц, наделённых исполнительной властью, что отвечает задачи укрепления внутренней безопасности государства.

Методика «**Уровень соотношения Ценности и Доступности**» (УСЦД) Е.Б. Фанталовой позволяет выделять следующие ценностно-ориентированные конструкты личности: индекс расхождения «ценность – доступность» (интегральный показатель методики УСЦД), внутренний конфликт, внутренний вакуум, нейтральная зона. «В основу создания методики УСЦД легло гипотетическое предположение о том, что одной из существенных детерминант мотивационно-личностной сферы является подвижное, постепенно меняющееся в процессе деятельности, в зависимости от жизненных обстоятельств соотношение между двумя плоскостями сознания, а именно между плоскостью, вмещающей в себя осознание ведущих жизненных ценностей, личностных смыслов, дальних жизненных целей, и плоскостью всего, что является непосредственно доступным, связанным с осуществлением конкретных, легкодостижимых целей, находящихся в «обозримом психологическом поле», в зоне «легкой досягаемости». Далее легко заметить, что применительно к конкретной жизненной сфере или локальной проблеме соотношение этих двух плоскостей по своему характеру аналогично соотношению таких психологических параметров, как «ценность» (Ц) и «до-

ступность» (Д), которые являются ключевыми в предлагаемой методике».[10]

Выборка исследования составила 75 кандидатов на службу в полицию, проходивших обследование в центре психофизиологической диагностики (ЦПД) с декабря 2019 года по май 2021 года включительно. Все испытуемые были разделены на 2 группы: 1) экспериментальная группа (36 человек) – испытуемые, обнаружившие случаи потребления без назначения врача наркотических или психотропных веществ по результатам прохождения ЦПД; 2) контрольная группа (39 человек) – испытуемые, без выявленных случаев проявлений рассматриваемых форм девиантного поведения, по результатам прохождения ЦПД.

Для данного исследования было решено не дифференцировать кандидатов на группы по гендерному или возрастному фактору, так как служба в выбранном кандидатами ведомстве не подразумевает особых условий дифференциации по этим показателям.

Условия проведения исследования: по завершении прохождения психологического и патопсихологического этапов обследования в ЦПД, испытуемым в индивидуальном порядке предлагалось пройти тестирования по предложенным методикам. При этом, каждому участнику исследования доводилась до сведения одинаковая информация: разъяснение правил выполнения тестирований; анонимный характер исследования; пояснения того, что результаты исследования не приобщаются к настоящему делу кандидата на службу и не могут повлиять на принятие решения в пользу или против конкретного кандидата; возможность отказаться от участия как до непосредственного начала, так и в любой момент исследования. Стоит заметить, что ни одного отказа получено не было, что исключает возможность выпадения потенциально важных испытуемых из фокуса внимания

исследования.

Ход исследования: каждому испытуемому предлагалось пройти опрос «Уровень соотношения ценности и доступности» по Е.Б. Фанталовой.

По проведении методики УСЦД, нами были получены следующие средние результаты, представленные в таблице №1.

Как видно из таблицы №1, ведущими ценностями как для контрольной группы, так и для экспериментальной, явились: здоровье, любовь и семейная жизнь. Наибольшую субъективную доступность в контрольной группе получили ценности: любовь, уверенность в себе и семейная жизнь. Наибольшую субъективную доступность в экспериментальной группе получили следующие ценности: наличие друзей, уверенность в себе и познание.

Далее был подсчитан средний индекс расхождения (далее ИР), тривиально называемый показателем «удовлетворённость жизнью», между ценностями и их доступностью для обеих групп. Так для контрольной группы ИР оказался равным 24,15ед. – что соответствует высокой степени удовлетворённостью жизнью. Для экспериментальной группы ИР составил 37ед. – что выходит за верхнюю границу нормы для мужчин, которая составляет 33ед., и минимально выходит за пределы нормы для женщин, где граница нормы составляет 37ед., к тому же данный показатель ИР значительно отличается от контрольной группы.

Также для статистического анализа полученных данных в качестве математического инструмента был выбран критерий Стьюдента для независимых выборок. Выдвинутая нами гипотеза $H(1)$ звучит как: Индекс расхождения в обеих группах разный, значимо различается. Нулевая гипотеза $H(1)$: Индекс расхождения в обеих

Таблица 1.

Средние значения ценности и доступности по методике УСЦД.

Контрольная группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ср. ценность	4,44	8,00	5,77	1,51	7,05	6,08	6,62	5,41	5,56	3,49	9,82	2,26
ср. доступность	5,51	6,62	5,33	3,31	6,87	4,54	6,74	6,97	5,15	4,05	8,59	2,31
Экспериментальная группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ср. ценность	3,44	8,03	5,36	2,11	6,58	6,44	6,31	6,64	5,44	3,58	8,97	3,08
ср. доступность	6,11	6,17	4,92	5,42	5,31	2,36	7,17	6,61	6,44	3,86	5,64	6,00

Примечание к таблице №1.

1.Активная, деятельная жизнь; 2.Здоровье (физическое и психическое здоровье); 3.Интересная работа; 4.Красота природы и искусства; 5.Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком); 6.Материально-обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений); 7.Наличие хороших и верных друзей; 8.Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений); 9.Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, а также интеллектуальное развитие); 10.Свобода как независимость в поступках и действиях; 11.Счастливая семейная жизнь; 12.Творчество (возможность творческой деятельности).

группах одинаковый, значимо не различается. Гипотезы проверялись на уровне значимости $\alpha=0,05$. Для исследуемых выборок было вычислено значение критерия, $t_{\text{выч}}=6,006$, что больше критического табличного значения критерия, $t_{\text{крит}}=1,992$. Следовательно подтверждается гипотеза $H(1)$ и делается вывод: Индекс расхождения экспериментальной группы значимо отличается от контрольной группы с вероятностью не менее 95%.

По итогам проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

1. Группы испытуемых различны по показателям выбранного метода тестирования: контрольная показывает нормативные значения, свойственные психологически адаптированным и психически здоровым личностям, экспериментальная показывает значения соответствующие личности, находящейся в состоянии лёгкой психологической дизадаптации.

2. Обследуемые обеих групп показали схожесть в выборе наиболее значимых ценностей, однако, при выборе наиболее доступных ценностей наблюдается значительная разобщённость.
3. Обе группы показали разницу по интегральному показателю – индексу расхождения (удовлетворённость жизнью). Для контрольной группы $ИР=24,15$ ед; для экспериментальной $ИР=37$ ед.
4. Изучение ценностно-мотивационной структуры личности в контексте девиантного поведения представляется перспективным направлением как для теоретического обоснования и прогнозирования проявлений девиантного поведения, так и для будущего применения наработок в практике психологического отбора кандидатов на службу в ОВД.
5. Необходимо дальнейшее проведение исследований других форм девиантного поведения, оставшихся вне фокуса внимания данной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожигова Л.Н., Потапенко В.К. Ценностно-смысловая структура личности кандидатов на службу в МВД, имеющих склонность к девиантному поведению в виде злоупотребления алкоголем или токсическими веществами // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 1А. С. 263-271. DOI: 10.34670/AR.2022.79.81.030
2. Б.М. Мещеряков., В.П. Зинченко Большой психологический словарь. М., 2007. Печать – 632с.
3. Нефедова А.В. Психология девиантного поведения: курс лекций / А.В. Нефедова; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2015. – 76 с. – ISBN978-5-9984-0588-4
4. Козн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. М., 1965. – 520с.
5. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: Учебное пособие для вузов. — М.: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М» 2001.-160 с.
6. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – М., 1957. С. 98
7. Курпатов А.В. Психотерапия. Системный поведенческий подход. Универсальные правила. / Андрей Курпатов. – СПб : ООО «Дом Печати Издательства Книготорговли «Капитал», 2019. – 576с., ил. – (серия «Универсальные правила») – ISBN 978-5-6042780-0-0
8. Б.М. Мещеряков., В.П. Зинченко Большой психологический словарь. М., 2007. Печать– 632с.
9. Приказ МВД России от 25.12.2014 г. №1130 дсп., за подписью министра, генерал-полковника полиции В. Колокольцева
10. Е.Б. Фанталова, Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей и клинической психологии. Журнал «Клиническая и специальная психология» №1 2013. – 117с.

© Ожигова Людмила Николаевна (topvolna@mail.ru), Потапенко Василий Константинович (potapenkovk999@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНТИЦИПАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ПАЦИЕНТОВ С ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Сиразиева Татьяна Евгеньевна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Казанский государственный
медицинский университет»
centr.pz@yandex.ru

ANTICIPATION FEATURES OF MENTAL ACTIVITY IN PATIENTS WITH ONCOLOGICAL DISEASES

T. Sirazieva

Summary: An increase in the number of oncological patients against the background of improving the quality of medical care, an increase in the proportion of early detection of the disease, lengthening the remission period and, as a result, the survival of patients, determine the search for new ways to improve the quality of life of these patients. One of the promising areas is the study of the anticipatory viability of cancer patients - that is, their ability to anticipate the course of events with high probability, predict the development of situations and their own reactions to them, act with temporal-spatial anticipation, and also create a multivariate future, distribute probability between them and prepare themselves to all options.

The review discusses the features of the psycho-emotional profile of patients with cancer and the features of the therapeutic tactics of managing this group of patients. Treatment should be comprehensive, have an interdisciplinary approach and be accompanied by psychoeducational activities, including informing the patient about the range of psycho-oncological services and assessing the patient's desire to receive psychosocial support.

Keywords: anticipatory competence, mental activity, oncological diseases.

Аннотация: Увеличение числа пациентов онкологического профиля на фоне повышения качества медицинской помощи, увеличения доли ранней выявляемости заболевания, удлинения сроков ремиссии и как следствие – выживаемости больных, обуславливают поиск новых путей повышения качества жизни этих пациентов. Одним из перспективных направлений является изучение антиципационной состоятельности онкопациентов – то есть их способности с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственных реакции на них, действовать с временно-пространственным упреждением, а также создавать многовариантное будущее, распределять между ними вероятность и готовить себя ко всем вариантам.

В обзоре обсуждаются особенности психо-эмоционального профиля пациентов с онкологическими заболеваниями и особенности терапевтической тактики ведения этой группы больных. Лечение должно быть комплексным, иметь междисциплинарный подход и сопровождаться психообразовательными мероприятиями, включая информирование пациента о спектре психоонкологических услуг и оценку желания пациента получить психосоциальную поддержку.

Ключевые слова: антиципационная состоятельность, психическая деятельность, онкологические заболевания.

В последние годы в мире увеличивается число пациентов онкологического профиля. При этом повышение уровня медицинской помощи, увеличение доли ранней выявляемости заболевания и удлинение сроков ремиссии и как следствие – выживаемости больных, обуславливают поиск новых путей повышения качества жизни этих пациентов [1].

В настоящее время лечение онкобольных является комплексным с междисциплинарным подходом. Необходимость в психологическом сопровождении обусловлена не только эмоциональным напряжением, которое может приводить к дезадаптации пациента, но и тем фактом, что современные методы используемые в медицине позволяют перевести онкологический процесс в хроническое течение. При этом непредсказуемость развития процесса, длительность, болезненность и высокая стоимость специфического лечения делают онкологическую ситуацию экстремальной и кризисной [2].

Одним из перспективных направлений развития вспомогательных методов терапии онкологических пациентов является изучение такого феномена как антиципационная состоятельность – умение с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственные реакции на них, действовать с временно-пространственным упреждением, а также создавать многовариантное будущее, распределять между ними вероятность и готовить себя ко всем вариантам. Выявление среди онкобольных людей с выраженными антиципационными способностями позволит в дальнейшем использовать их опыт для разработки мер помощи другим пациентам онкологического профиля [3].

Для выявления и оценки антиципационной состоятельности в настоящее время разрабатываются различные алгоритмы, включающие в том числе Тест антиципационной состоятельности (прогностической

компетентности) В.Д. Менделевича. Данный тест состоит из 81 вопроса, каждый вопрос оценивается по пятибалльной шкале от одного (совершенно не согласен) до пяти (совершенно согласен). Результаты подсчитываются по четырем шкалам: общая антиципационная состоятельность, личностно-ситуативная, пространственная (двигательная) и временная (хроноритмологическая) антиципационная состоятельность [4].

Установлено, что антиципационные способности являются элементом регуляции деятельности, поведения и эмоционального состояния человека и участвуют в процессах адаптации личности к меняющимся условиям среды. Поэтому онкобольные, которые не могут выстраивать антиципационные программы и видят только один, желанный для себя исход - факт болезни становится серьезной психической травмой и вызывает неадекватный тип психологического реагирования на заболевание, что сказывается на течении, качестве жизни, эффективности терапии и на исходе процесса. Кроме того, антиципационная несостоятельность приводит к снижению эффективности и результативности подготовки к будущему и, таким образом, способствует увеличению беспокойства и развитию разного рода тревожных и депрессивных состояний, которые также могут оказать влияние на конечный результат [5].

Вместе с тем развитие антиципационной состоятельности как части психической деятельности, позволит пациенту сохранить механизмы прогнозирования риска развития или рецидивирования онкологического заболевания и повысить комплаентность терапии. Кроме того, больной будет лучше адаптироваться к изменяющейся картине мира после постановки диагноза [6].

Таким образом, изучение роли антиципации в деятельности человека, то есть его способности использовать индивидуальный опыт для вероятностного прогнозирования предстоящей ситуации и подготовки эффективных действий, является одной из актуальных проблем современной психоонкологии.

В рамках психоонкологии рассматривают два основных аспекта:

- психосоциальный, который подразумевает эмоциональный отклик пациентов на всех стадиях заболевания, а также их семей и лиц, осуществляющих уход;
- психобиологический – психологические, социальные и поведенческие факторы, которые могут влиять на заболеваемость раком и смертность [7-9].

Типичная физиологическая реакция больного на выявленное заболевание обычно включает три этапа:

- первоначальное отрицание – когда человек оспаривает диагноз, перепроверяет его;
- острая эмоциональная фаза, которая характеризуется постоянными тревожными мыслями о смерти и болезни, снижением концентрации внимания, раздражительностью, тревогой и депрессией, анорексией и бессонницей;
- фаза корректировки (принятия) – острые симптомы второй фазы начинают ослабевать по мере того, как реальность болезни становится более терпимой и у человека начинает складываться алгоритм дальнейших действий, план «исцеления» или возможности жизни с заболеванием [10].

Тяжесть течения процесса на фоне антиципационной несостоятельности и отсутствия адекватной психологической помощи может приводить к «застреванию» больного на второй фазе с погружением его в негативные эмоции, которые снижают его качество жизни и эффективность проводимой терапии. Было выявлено, что частота встречаемости расстройств депрессивного спектра у онкологических пациентов составляет от 40 до 60 %, что в 2-4 раза выше, чем в общемировой популяции. Большое депрессивное расстройство встречается у 15-25%, а дистимия у 52% [8,11-14].

Помимо этого, у онкологических пациентов как во время лечения, так и в период реконвалесценции, выявляются признаки «онкоассоциированных когнитивных дисфункций», в частности - нарушения внимания и памяти, встречаемость которых по данным ряда авторов колеблется от 17 до 75% данной популяции. Эти цифры в значительной степени зависят от вида рака, возраста и пола пациента, а также от наличия коморбидных расстройств [15-17].

Рядом авторов подтверждена эффективность применения психотерапии у пациентов с онкологическими заболеваниями. Так, у пациенток с раком молочной железы, получивших сеансы психотерапии, отмечалась значительно меньшая частота распространения тревожных и депрессивных расстройств, улучшалось качество жизни и меньше проявлялись побочные симптомы химиотерапии (усталость, тошнота/рвота, головная боль и бессонница) [41]. В мета-анализе данных пациенток с раком груди, перенесших операцию по её удалению был выявлен положительный эффект психологической работы: после проведения тренингов участницы гораздо более спокойно относились к самому факту удаления и к восприятию своего нового тела образа тела ($p < 0,05$), однако значимых результатов в плане отношения к сексуальному функционированию, достигнуто не было ($p = 0,19$) [42].

Подтверждено, что эмоциональные проблемы онко-

Таблица 1.

Особенности психо-эмоционального профиля онкологических пациентов (литературные источники)

Патология, возраст	Симптомы, заболевания	Литературный источник
Онкология в детстве	Повышенный уровень тревоги и соматизации ($p < 0,0001$)	18
	После ЛТ* уровень тревоги и депрессии выше, чем у сверстников без рака в анамнезе ($p = 0,05$)	19
	Сопутствующая патология в период ремиссии как предиктор депрессии и тревожных состояний	20,21
Онкология в 18-40 лет	через 6 лет после окончания лечения возможное ПТСР** было диагностировано у 20% выживших, а еще у 11% ПТСР было диагностировано как крайне вероятное	22
	Гематоонкология, кто находится в ремиссии в течение максимум 2-х лет отмечали тревогу (23%), депрессию (28%) и ПТСР – 13% пациентов.	23
	лица с онкологией в анамнезе сообщали о худшем физическом ($p = 0,005$) и эмоциональном благополучии ($p = 0,011$), однако их социальное положение в целом было лучше, чем у их здоровых ровесников ($p < 0,001$)	24
	женский пол является значимым предиктором развития эмоциональных расстройств у «бывших» онкологических больных	25-27
	факторами риска развития эмоциональных расстройств у молодых больных раком являются низкая социальная поддержка, проблемы с самооценкой и идентичностью, наличие травмирующего детского опыта, длительность и болезненность проводимого лечения и др.	28-30
	Страх рецидива опухоли: около 50 % индивидуумов в той или иной мере отмечают у себя наличие данного страха	31
После 40 лет у женщин и 50 лет у мужчин	тревожные и депрессивные расстройства регистрируют в 18% - 20% пациентов	32-35
	Страх рецидива заболевания более выражен и чаще встречается у лиц старше 40 лет: его отмечают около 80% бывших онкологических больных,	31,36-40

Примечания: ЛТ*- лучевая терапия;

**ПТСР- посттравматическое стрессовое расстройство

логических пациентов имеют черты хронических, смертельных процессов. С учетом того, что страх за будущее и ухудшение качества жизни являются основными для больных, развитие антиципационной состоятельности может существенно повысить сопротивляемость пациентов к тревожности и депрессивному компоненту.

Таким образом, лечение онкологических больных должно быть комплексным, иметь междисциплинарный подход и сопровождаться психообразовательными мероприятиями, включая информирование пациента о спектре психоонкологических услуг и оценку желания пациента получить психосоциальную поддержку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Росстат. Здравоохранение в России 2019, статистический сборник. Москва, 2019. Р. 170.
2. Вагайцева М.В., Семиглазова Т.Ю., Кондратьева К.О. Психологические аспекты реабилитации онкологических пациентов: 3 Физическая и реабилитационная медицина, медицинская реабилитация. 2019; Т. 1, № 3: 40–43.
3. Ничипоренко Н.П., Менделевич В.Д. Антиципационная состоятельность в структуре совладающего поведения личности Неврологический вестник. 2010; Т. 42, № 3: 47-50.
4. Менделевич В.Д. Тест антиципационной состоятельности и прогностической компетентности-экспериментально-психологической оценки готовности к невротическим расстройствам Социально-клиническая психиатрия, 2003; № 1: 35-40.
5. Ничипоренко Н.П. Особенности прогностической деятельности онкологических больных Неврологический вестник. 2012; Т. 44, № 1: 20-23.
6. Бернацкий А.С., Вагайцева М.В., Демин Е.В. и др. Онкопсихология. Руководство для врачей-онкологов и медицинских психологов СПб., 2017. 350 с.
7. Muth C. Psychooncology 2021 - a holistic treatment concept Dtsch Med Wochenschr. 2021. Vol. 146, № 19. P. 1254–1257. DOI: 10.1055/a-1186-6703
8. Тарасевич А.Б., Барьяш В.В., Обьедков В.Г. Психоонкология на современном этапе развития. Медицинский журнал, 2020; №3: 27-30
9. Холланд Д., Ривкина Н.М. Психоонкология. История развития. Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 1 (80):14-23
10. Argyriadi A., Argyriadis A. Psychological Issues related to patients with Cancer: The role of Psychological, Cultural, Social and Medical factors Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR). 2019. Vol. 5. P. 109–116.
11. Caruso R. Nanni MG, Riba BM, et al. Depressive Spectrum Disorders in Cancer: Diagnostic Issues and Intervention. A Critical Review Curr Psychiatry Rep. 2017.

- Vol. 19, № 6. P. 33. DOI: 10.1007/s11920-017-0785-7
12. Ma Y, He B, Jiang M. et al. Prevalence and risk factors of cancer-related fatigue: A systematic review and meta-analysis *Int J Nurs Stud*. 2020. Vol. 111. P. 103707. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2020.103707
  13. McCarthy MC, McNeil R, Drew S et al. Psychological Distress and Posttraumatic Stress Symptoms in Adolescents and Young Adults with Cancer and Their Parents *J Adolesc Young Adult Oncol*. 2016. Vol. 5, № 4. P. 322–329. DOI: 10.1089/jayao.2016.0015
  14. Riedl D., Schüßler G. Factors associated with and risk factors for depression in cancer patients - A systematic literature review *Transl Oncol*. 2022. Vol. 16. P. 101328. DOI: 10.1016/j.tranon.2021.101328
  15. Abraham E.H., Khan B, Ling E. et al. The Development and Evaluation of a Patient Educational Resource for Cancer-Related Cognitive Dysfunction *J Cancer Educ*. 2022. Vol. 37, № 1. P. 111–119. DOI: 10.1007/s13187-020-01793-3
  16. Jean-Pierre P. Management of Cancer-related Cognitive Dysfunction-Conceptualization Challenges and Implications for Clinical Research and Practice *US Oncol*. 2010. Vol. 6. P. 9–12. DOI: 10.17925/ohr.2010.06.0.9
  17. Laidsaar-Powell R, Konings S, Rankin N et al. A meta-review of qualitative research on adult cancer survivors: current strengths and evidence gaps *J Cancer Surviv*. 2019. Vol. 13, № 6. P. 852–889. DOI: 10.1007/s11764-019-00803-8
  18. D'Agostino N.M, Edelman K, Zhang N et al. Comorbid symptoms of emotional distress in adult survivors of childhood cancer *Cancer*. 2016. Vol. 122, № 20. P. 3215–3224. DOI: 10.1002/cncr.30171
  19. van der Geest I.M.M, van Dorp W, Hopet WCJ et al. Emotional distress in 652 Dutch very long-term survivors of childhood cancer, using the hospital anxiety and depression scale (HADS) *J Pediatr Hematol Oncol*. 2013. Vol. 35, № 7. P. 525–529. DOI: 10.1097/MPH.0b013e31829f2799
  20. Brinkman T.M., Zhu L, Zeltzer LK, et al. Longitudinal patterns of psychological distress in adult survivors of childhood cancer *Br J Cancer*. 2013. Vol. 109, № 5. P. 1373–1381. DOI: 10.1038/bjc.2013.428
  21. Vuotto S.C, Krull KR, Li C. et al. Impact of chronic disease on emotional distress in adult survivors of childhood cancer: A report from the Childhood Cancer Survivor Study *Cancer*. 2017. Vol. 123, № 3. P. 521–528. DOI: 10.1002/cncr.30348
  22. De Padova S., Grassi L, Vagheggini A. et al. Post-traumatic stress symptoms in long-term disease-free cancer survivors and their family caregivers *Cancer Med*. 2021. Vol. 10, № 12. P. 3974–3985. DOI: 10.1002/cam4.3961
  23. Muffly L.S., Hlubocky FJ, Khan N et al. Psychological morbidities in adolescent and young adult blood cancer patients during curative-intent therapy and early survivorship *Cancer*. 2016. Vol. 122, № 6. P. 954–961. DOI: 10.1002/cncr.29868
  24. Prasad P.K, Hardy KK, Zhanget N al. Psychosocial and Neurocognitive Outcomes in Adult Survivors of Adolescent and Early Young Adult Cancer: A Report From the Childhood Cancer Survivor Study *J Clin Oncol*. 2015. Vol. 33, № 23. P. 2545–2552. DOI: 10.1200/JCO.2014.57.7528
  25. Kamibepu K., Sato I, Honda M et al. Mental health among young adult survivors of childhood cancer and their siblings including posttraumatic growth *J Cancer Surviv*. 2010. Vol. 4, № 4. P. 303–312. DOI: 10.1007/s11764-010-0124-z
  26. Kucherer S., Ferguson R.J. Cognitive behavioral therapy for cancer-related cognitive dysfunction *Curr Opin Support Palliat Care*. 2017. Vol. 11, № 1. P. 46–51. DOI: 10.1097/SPC.0000000000000247
  27. Yi J., Syrjala K. Anxiety and Depression in Cancer Survivors *Medical Clinics of North America*. 2017. 2017 Nov;101(6):1099-1113. DOI: 10.1016/j.mcna.2017.06.005
  28. Белозёр А.С., Петрова Н.Н. Аффективные нарушения у больных раком яичников *Вестник Психотерапии*. 2019. № 70 (75) : 93-108
  29. Kazak A.E, Derosa BV, Schwartz LA et al. Psychological Outcomes and Health Beliefs in Adolescent and Young Adult Survivors of Childhood Cancer and Controls *J Clin Oncol*. 2010. Vol. 28, № 12. P. 2002–2007. DOI: 10.1200/JCO.2009.25.9564
  30. Syrjala K.L, Walsh CA, Yi JC et al. Cancer survivorship care for young adults: a risk-stratified, multicenter randomized controlled trial to improve symptoms *J Cancer Surviv*. 2021. Sep 29. doi: 10.1007/s11764-021-01105-8.
  31. Sharpe L, Curran L, Butow P et al. Fear of cancer recurrence and death anxiety *Psychooncology*. 2018. Vol. 27, № 11. P. 2559–2565. DOI: 10.1002/pon.4783
  32. Boyes A.W, Girgis A, D'Este C et al. Flourishing or floundering? Prevalence and correlates of anxiety and depression among a population-based sample of adult cancer survivors 6 months after diagnosis *J Affect Disord*. 2011. Vol. 135, № 1–3. P. 184–192. DOI: 10.1016/j.jad.2011.07.016
  33. Boyes A.W, Girgis A, D'Este CA. et al. Prevalence and predictors of the short-term trajectory of anxiety and depression in the first year after a cancer diagnosis: a population-based longitudinal study *J Clin Oncol*. 2013. Vol. 31, № 21. P. 2724–2729. DOI: 10.1200/JCO.2012.44.7540
  34. Jarrett N, Scott I, Addington-Hall J et al. Informing future research priorities into the psychological and social problems faced by cancer survivors: A rapid review and synthesis of the literature *European journal of oncology nursing : the official journal of European Oncology Nursing Society*. 2013 Oct;17(5):510-20. doi: 10.1016/j.ejon.2013.03.003.
  35. Mitchell A.J, Ferguson DW, Gill D et al. Depression and anxiety in long-term cancer survivors compared with spouses and healthy controls: a systematic review and meta-analysis *Lancet Oncol*. 2013. Vol. 14, № 8. P. 721–732. DOI: 10.1016/S1470-2045(13)70244-4
  36. Бонкало Т.И. Особенности психического состояния больных раком молочной железы. *ГБУ г Москвы "Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы,"* 2019. P. 24–26.
  37. Ткаченко Г.А., Чулкова В.А. Социально-психологические проблемы больных после радикального лечения рака молочной железы *Вопросы Онкологии*. 2019. Vol. 65, № 1.: 114-120 <https://doi.org/10.37469/0507-3758-2019-65-1-114-120>
  38. Arnold M., Rutherford MJ, Bardotet A al. Progress in cancer survival, mortality, and incidence in seven high-income countries 1995–2014 (ICBP SURVMARK-2): a population-based study *Lancet Oncol*. 2019. Vol. 20, № 11. P. 1493–1505. doi: 10.1016/S1470-2045(19)30456-5.
  39. Cohee A.A., Adams RN, Johns SA et al. Long-term fear of recurrence in young breast cancer survivors and partners *Psychooncology*. 2017. Vol. 26, № 1. P. 22–28. doi: 10.1002/pon.4008
  40. O'Rourke L, Fisher PL, Campbell S. et al. Factors Associated With Fear of Cancer Recurrence in Family Caregivers of Cancer Survivors: A Systematic Review *Front*

- Psychol. 2021. Vol. 12. P. 625654. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.625654
41. Kim Y.H. Choi KS, Han K et al. A psychological intervention programme for patients with breast cancer under chemotherapy and at a high risk of depression: A randomised clinical trial J Clin Nurs. 2018. Vol. 27, № 3–4. P. 572–581. DOI: 10.1111/jocn.13910
42. Sebri V., Durosini I, Triberti S et al. The Efficacy of Psychological Intervention on Body Image in Breast Cancer Patients and Survivors: A Systematic-Review and Meta-Analysis Front Psychol. 2021. Vol. 12. P. 611954. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.611954

© Сиразиева Татьяна Евгеньевна (centr.pz@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанский государственный медицинский университет

СТЕПЕНЬ ВЫРАЖЕННОСТИ ХАРАКТЕРА В АКЦЕНТУАЦИИ

THE DEGREE OF CHARACTER'S EXPRESSIVENESS IN ACCENTUATION

**T. Tuzhba
V. Sizaeva
I. Drozdova**

Summary: This article studies such a concept as «character», its individuals' features. The described types of characters and psychopathy are analyzed, on the basis of which classifications are created with a description of accentuated character traits. It seems urgent to study the characteristics of character in understanding and solving problems related to communication between individuals, their relationship, understanding the individual himself, as well as correcting the behavior and general mental state of a person as a person. The aim of the work is a psychological study of the manifestations of accentuations and psychopathy of various types of character.

Keywords: character, expressiveness of character, accentuations, accentuated personality.

Тужба Татьяна Евгеньевна

Старший преподаватель, Академия социального управления (Мытищи)
tizoa@rambler.ru

Сизаева Вероника Эрнстовна

К.м.н., доцент, Академия социального управления (Мытищи)
veronika.sizaeva@yandex.ru

Дроздова Ирина Александровна

К.п.н., преподаватель, Московский гуманитарно-экономический университет
fiazdroz@mail.ru

Аннотация: В данной статье изучается такое понятие как «характер», его особенности у индивидов. Анализируются описанные типы характеров и психопатий, на основе чего созданы классификации с описанием акцентуированных черт характеров. Актуальной представляется необходимость изучения особенностей характера в понимании и решении проблем, связанных с коммуникацией между индивидами, их взаимоотношением, пониманием индивида самого себя, а также коррекции поведения и общего психического состояния человека как личности. Целью работы является психологическое исследование проявлений акцентуаций и психопатий различных типов характера.

Ключевые слова: характер, выраженность характера, акцентуации, акцентуированная личность.

Введение

Изучение характера человека – важнейшая проблема психологической науки. Отечественными и зарубежными психологами внесен значительный вклад в развитие этой области, находящейся на грани двух наук: психологии и психиатрии. Объектом исследования является изучение индивидуальных различий характера, его особенностей и аномалий.

Немецкий психолог К. Леонгард вводит в психологию понятие «акцентуированная личность» [9]. Были изучены характеры и индивидуальные особенности многих людей. Проведен ряд исследований, выявлены и описаны в научных трудах типы характеров и психопатий, созданы классификации с описанием акцентуированных черт характеров.

Над этой проблемой работали многие известные психологи и психиатры: К. Юнг, К. Кречмер, У. Шелдон, Хейманс, К. Леонгард, А.Е. Личко, П.Б. Ганнушкин, А. Лоуэн, Э. Фромм, Э. Шостром, Б.С. Братусь и другие. Эти ученые обобщили в своих работах многолетний опыт наблюдения и общения с людьми и своими пациентами [3, 6, 9, 11]. Современной наукой продолжается исследование личности, выявляются ее новые стороны, вносятся до-

полнения в уже существующие типологии.

Актуальность работы заключается в необходимости изучения особенностей характера в понимании и решении многих проблем, связанных с общением, взаимоотношением людей, пониманием субъектом самого себя, своего внутреннего мира, своей индивидуальности, а также коррекции поведения и общего психического состояния человека как личности.

Объект исследования: характер, его индивидуальные различия.

Предмет исследования: акцентуации и психопатии различных типов характера.

Цель работы: психологическое исследование проявлений акцентуаций и психопатий различных типов характера.

Характер: определение, свойства, типы

Характер (от греч. character – отпечаток, черта, признак, особенность) – это комплексное образование, состоящее из волевых, эмоциональных и интеллектуальных процессов [7].

Характер человека тесно связано с его личностью, темпераментом и представляет собой совокупность личностно-психологических особенностей, которые формируются и проявляются в деятельности, типах поведения, эмоциональных реакциях [16]. Говоря о данном аспекте, мы подразумеваем проявление характера не только в деятельности человека, но и в отношении к деятельности человеком, реальности других людей, к себе, а также в человеческом общении и образовательном процессе [1, с. 122]. Он определяет осмысленные действия человека, а не случайные реакции на стимул или ситуацию [12, с. 207].

Психологию, в первую очередь, интересует «единство» индивидуальной формы проявления характера в ее жизненном, историческом аспекте. Науке важно исследование общего жизненного содержания, а не только познание оторванных от него свойств характера.

Итак, характер – это совокупность устойчивых черт личности и одно из основных ее проявлений. Как мотивационная черта личности – побуждает и направляет действия человека, связанные с выбором цели действия. Как инструментальная – определяет пути и средства достижения поставленной цели. Выделяющиеся в характере черты или стороны существуют не отдельно друг от друга, а связаны, образуя структуру. Но эта зависимость отдельных черт между собой неравномерна. Среди черт некоторые выступают как ведущие (основные), дающие общую направленность характера, а некоторые остаются второстепенными, гармонирующими или дисгармонирующими с основными. Таким образом, существуют цельные и противоречивые характеры.

Исходя из этого, можно сказать, что сходство жизненных обстоятельств может выработать сходные черты у разных людей, и, напротив, люди с первоначально сходными натурами могут, впоследствии, иметь очень мало общего между собой.

По степени выраженности определенных (типичных) черт, являющихся общими для некоторых групп людей, характеры делят на типы. В характере человека заложена программа его типичного поведения и она является общей для многих людей, т.е. составляет группу людей с одним типом характера.

В типологии характеров, предложенной К. Юнгом, характер разделен на два основных типа: экстравертированный и интровертированный [15].

В дальнейшем, Э. Кречмер связал характер человека с его конституцией или телосложением и классифицировал всех людей на три группы: астеники, пикники и атлетики. Э. Кречмер полагал, что им соответствуют по характерологическим особенностям шизоиды, циклои-

ды и эпилептоиды [8].

Хотя, во многом, практический опыт показывает, что определенная связь между телосложением и типом характера существует, такой биологический взгляд на различные свойства личности не имел научно-обоснованных доказательств и неоднократно подвергался критике.

Теории происхождения и развития акцентуаций

Как было сказано выше, черты определенного характера составляют большое количество и их вариативность проявляется не только в качественной, но и в количественной выраженности. Когда количественная выраженность определенной черты характера усиливается, возникает акцентуация характера (англ. character accentuation).

Термин «акцентуированная личность», введенный профессором неврологической клиники Берлинского университета К. Леонгардом (1968) и измененный отечественным детским врачом-психиатром А.Е. Личко на «акцентуации характера» очень точно отражает мысль о степени выраженности именно некоторых черт характера [9, 10].

К. Леонгард приводит примеры черт характера и делит их на вариантные и акцентуированные. Вариантными он называет существующие в характере человека реакции на окружающее: альтруизм, эгоизм, честолюбие, сострадание, чувство долга и т.д. и относит их к проявлениям человеческих индивидуальностей. К. Леонгард указывает на врожденную направленность черт характера, называя ее основой воспитания и соотносит черты, определяющие индивидуальность человека к различным психическим сферам:

1. сфера направленности интересов и склонностей;
2. сфера чувств и воли;
3. ассоциативно-интеллектуальная сфера [9].

Классификация акцентуаций характера

Если рассматривать акцентуации, то выделяются две классификации типов: классификация К. Леонгарда создана в 1968 г., а в 1976 г. была несколько видоизменена, и классификация, предложенная А.Е. Личко в 1977 г.

К. Леонгард в своей систематике отразил идеи обоих направлений, систематизировав акцентуацию характера по типам индивидуальных проявлений и разделив все акцентуированные личности на 2 типа: экстравертированные и интровертированные. На основе этого он создал классификацию акцентуированных характеров взрослых людей. Он выделил 4 типа акцентуированных характеров и 6 типов акцентуированных личностей, представляющих собой смешанные типы с преобладанием свойств темперамента. Разделив акцентуирован-

ные личности на экстравертированные и интровертированные, К. Леонград связывал эти понятия с периодом переходного возраста, когда у ребенка начинает формироваться психика взрослого человека [9].

Излагая свои взгляды по этому вопросу, К. Леонгард пишет, что при экстравертированности в мыслях и поведении преобладает мир восприятий, при интровертированности – мир представлений. Экстравертированная личность проявляет чисто внешнюю активность, импульсивность, не зависящую от мыслительных процессов, интровертированная личность, напротив, более нерешительна,

т.к. имеет склонность к обдумыванию.

Классификация К. Леонгарда [9]:

1. Демонстративная личность – противоположен с 2;
2. Педантическая личность – противоположен с 1;
3. Застывающая личность;
4. Возбудимая личность;
5. Гиперимическая личность - противоположен с 6;
6. Дистимическая личность – противоположен с 5;
7. Аффективно-лабильный темперамент;
8. Аффективно-экзальтированный темперамент;
9. Тревожная (боязливая) личность;
10. Эмотивная личность;
11. Экстравертированная акцентуация личности и ее комбинации;
12. Интровертированная акцентуация личности и ее комбинации.

Методы психологической диагностики акцентуации характера

В мировой практике исследований разработаны методы диагностики индивидуально-типологических особенностей и акцентуаций характера, направленных на выявление различных типов, их особенностей.

Важнейшими средствами диагностики К. Леонгард считает наблюдение и обследование [9]. При этом наблюдение за испытуемым желательно проводить в разных обстановках и в разных видах деятельности: труд, общение, игра и т.д.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что при проведении опроса необходимо коснуться следующих тем:

1. работа, учеба – любимое и нелюбимое занятие, причины неуспеха, отношения в коллективе, имевшиеся нарушения;
2. отношения с друзьями – предпочтение одного близкого друга или компании приятелей, положение среди товарищей, какие личностные качества ценятся в друзьях;

3. увлечения в настоящем и прошлом – причины выбора увлечения, достигнутые результаты;

4. Внутрисемейные отношения – состав семьи, кто назван первым, с кем в семье конфликтные отношения, причины конфликтов.

Заключение

Данная работа была посвящена изучению характера и его акцентуации. Анализ проблемы позволил выявить недостаточно изученные аспекты в этой области.

Исследование литературы по проблеме показало, что в психологии само понятие «характер» имеет разную трактовку: в одних случаях характер тесно связан с темпераментом, в других прослеживается соотношение характера с личностью. Варианты соотношения характера и личности также многочисленны и прямо противоположны, имеются утверждения, где:

- характер и личность отождествляются;
- характер – часть структуры личности;
- личность входит в структуру характера;
- личность и характер – «пересекающиеся образования».

Таким образом, очевидно, что в связи с особенностями такой области психологии как характерология, а также многочисленностью черт и вариаций характеров, нет четкости и единых определений.

Подводя итоги работы, касающейся изучения разных степеней выраженности характера, можно сделать первый важный вывод:

Во-первых, существуют характеры с наименее выраженными чертами, условно называемые «нормой».

Во-вторых, существуют акцентуированные характеры, когда при определенных условиях, некоторые черты заостряются и усиливаются, что накладывает определенный отпечаток на личность.

Возникает вопрос, при каких условиях усиливаются черты характера, развивается его акцентуация. Исследования многих ученых доказывают существование биологических основ характера, а именно: роль физиологии в формировании черт характера и влияние генетического фактора. О генетических основах характера говорят следующие факты, прослеженные многими авторами:

- сходство характеров в родословных линиях;
- связь характера с телесной конституцией, особенно в его паталогических формах;
- раннее проявление и стабильность свойств аномальных характеров в течение жизни;
- исследования характера с применением близнецового метода.

Изучение аномалий характера подтверждает мысль

о том, что большое влияние на их возникновение и развитие оказывают и генотипический и средовой факторы. В одних случаях оба фактора формируют патологию характера вместе, в других случаях - по отдельности.

В заключении, еще раз необходимо сказать о важности исследований в области характеров и о большом значении развития этой области для психологической науки в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акбилек, Е.А. К вопросу об использовании лично ориентированных методов в образовательном процессе / Е.А. Акбилек, О.А. Горбачева // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. – 2017. – № 2. – С. 122-128. – EDN ZXJTKX.
2. Ананьев Б.Г. Структура характера. Психология индивидуальных различий. Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 172-178 с.
3. Бурно М.Е. О характерах людей (психотерапевтический очерк). – М.: «Российское общество медиков-литераторов», 1996. – 105 с.
4. Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты: иллюстрированное руководство. – М.: Изд-во Владос-пресс, 2005. – 159 с.
5. Выготский Л.С. Психология. М.: Изд-во Эксмо-Пресс, 2002. – 1008 с.
6. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. Психология индивидуальных различий. / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 262-266 с.
7. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. Курс лекций. - М.: «ЧеРо», 2005. – 336 с.
8. Кречмер Э. Структура тела и характер // Психология индивидуальных различий. Тексты. / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 219-247 с.
9. Леонгард К. Человек как индивидуальность и как акцентуированная личность. Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров. / ред.-составитель Райгородский Д.Я. Самара: Изд. Дом «Бахрах-М», 2005. – 332-416 с.
10. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характеров у подростков. Психология индивидуальных различий. Тексты. / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: Изд-во МГУ, 1982. – 288-318 с.
11. Психология личности. Тексты. Под ред. Гиппенрейтер Ю.Б., Пузырева А.А. РАО Говорящая книга, 2004.
12. Роль психогенных коннотаций в формировании эмоционального статуса студентов стоматологического факультета и пути его коррекции / А.В. Юмашев, А.С. Утюж, О.И. Адмакин [и др.] // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – Т. 6. – № 2(19). – С. 207-210. – EDN YYYUVV.
13. Сухарева Г.Е. Клинические лекции по психиатрии детского возраста. Избранные главы. – М.: «Медицина», 1974. – 319 с.
14. Фромм Э. Человеческий характер и социальный процесс. Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров. / ред.-составитель Райгородский Д.Я. Самара: Изд. Дом «Бахрах-М», 2005. – 24-43 с.
15. Юнг К. Типологическая модель. Типологические модели индивидуальных характеров. Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров. / ред.-составитель Райгородский Д.Я. Самара: Изд. Дом «Бахрах-М», 2005. – 174-226 с.
16. Functional Disorders in the Respiratory System in Adolescents with Bronchial Asthma / V.Yu. Karpov, I.N. Medvedev, A.V. Romanova [et al.] // Indian Journal of Public Health Research and Development. – 2019. – Vol. 10. – No 8. – P. 1904-1909. – DOI 10.5958/0976-5506.2019.02129.6. – EDN KDBMME.

© Тужба Татьяна Евгеньевна (tizo@ Rambler.ru), Сизаева Вероника Эрнстовна (veronika.sizaeva@yandex.ru), Дроздова Ирина Александровна (iadrozd@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СВЯЗЬ ИНТЕЛЛЕКТА И МОТИВАЦИИ С ПОНИМАНИЕМ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Хакимова Мадина Рамзановна

ассистент, ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»
madinaramzanovna@mail.ru

THE RELATIONSHIP OF INTELLIGENCE AND MOTIVATION WITH THE UNDERSTANDING OF EDUCATIONAL MATERIAL IN JUNIOR SCHOOLCHILDREN

M. Khakimova

Summary: The article outlines the problem of understanding in education, describes the models of understanding. Reveals the essence of understanding in the educational activities of younger students, in particular, the understanding of the subject by the student and the understanding of the student as the subject of educational activity by the teacher. The article provides a description of the concept of intelligence with the designation of its connection with understanding through the process of generating thoughts. It is emphasized that the main components of the teacher's understanding of the student are the motivation and the subject of understanding, the interaction of which leads to the achievement of an understanding of the student's learning activity by the teacher. Learning motivation serves as a factor in achieving understanding of educational material by younger students. To identify the relationship between intelligence and learning motivation with understanding, an empirical study was conducted, which confirmed the presence of the studied relationships. The results obtained during the study are presented in this article.

Keywords: understanding, thinking, intelligence, educational motivation, educational psychology, junior schoolchildren.

Аннотация: В статье освещена проблема корреляция когнитивных процессов младших школьников, их мотивационной сферы с пониманием осваиваемого в образовании материала, описаны модели понимания. Раскрыта сущность понимания в учебной деятельности младших школьников, в частности понимания учебного предмета учеником и понимания ученика как субъекта учебной деятельности учителем. В статье приводится характеристика понятия интеллекта с обозначением его связи с пониманием через процесс порождения мыслей. Подчеркивается, что основными составляющими понимания учителем ученика являются мотивация и предмет понимания, взаимодействие которых ведет к достижению понимания учебной деятельности ученика учителем. Учебная мотивация служит фактором достижения понимания учебного материала младшими школьниками. Для выявления связи интеллекта и учебной мотивации с пониманием проведено эмпирическое исследование, которое подтвердило наличие изучаемых связей. Результаты, полученные в ходе исследования, представлены в данной статье.

Ключевые слова: понимание, мышление, интеллект, учебная мотивация, педагогическая психология, младшие школьники.

Успешность освоения учащимися образовательной программы зависит от понимания ими знаний, получаемых в процессе учебной деятельности. Шадриков В.Д. отмечает, что «... понимание – это раскрытие именно того смысла и значения, который вкладывал в текст его автор, который вкладывает в свою речь говорящий, в частности учитель» [6, с. 50]. Согласно Макаровой К.В., понимание – «это работа по достижению личностного смысла знаний», осуществляемая средствами мышления, она сопровождается рефлексией [2, с.12].

Шадриковым В.Д. обозначены модели понимания учебного предмета учеником и понимания ученика как субъекта учебной деятельности учителем [7]. В образовательном процессе и учитель, и ученик выступают субъектами. И по отношению к пониманию их роли таковы: ученик – субъект познания и понимания, в учебной деятельности он стремится к реализации своей мотивации и достижению цели; учитель, выступая субъектом образовательного процесса, добивается достижения по-

нимания учебного материала учениками.

Главное место в модели понимания учебного материала учеником отводится учебным мотивам. Мотивация в образовательном процессе способствует познавательной активности учащихся. Но не всякий мотив обеспечивает достижение понимания (оценочный мотив, соревновательный и др.). Для того, чтобы направить свою активность в русло, ведущее к пониманию, ученику необходимо помочь ответить на вопрос о том, какие у него ожидания от изучения конкретного учебного материала (учебной дисциплины, конкретной темы). В мотивации важнейшее место занимает успех ученика, выражающийся в результате деятельности и социальной оценке. Приобретению мотивацией личностного смысла способствует ответ на сформулированный учеником вопрос.

Основными составляющими концептуальной модели понимания учителем ученика являются мотивация и предмет понимания, взаимодействие которых ведет к

достижению понимания учебной деятельности ученика учителем. В качестве мотивации Шадриков В.Д. выделяет веру в ученика, любовь к нему [7].

Для освоения деятельности необходимо ее принятие учеником. Это будет способствовать появлению желания выполнить ее определенным образом. Познавательный процесс учащихся активизируется их мотивацией. Мотивационная сфера учащегося развивается и трансформируется в учебной деятельности. Общие мотивы преобразуются в учебные. Мотивы учебной деятельности раскрывают возможности учения по удовлетворению потребностей учащегося в конкретных формах. Потребности учащегося вначале не связаны с учебной деятельностью. В учебной деятельности их удовлетворение происходит посредством достижений и успехов младшего школьника в учении. Структура учебных мотивов и их осознание формируются у личности в процессе обучения через опредмечивание потребностей. Данный процесс приводит к появлению личностного смысла деятельности и ее аспектов. Личностный смысл определяется также соотношением цели, отражающей результат деятельности, и мотива. Если деятельность приобретает личностный смысл для учащегося, происходит ее дальнейшее преобразование за счёт изменения отношения ребенка к этой деятельности [5]. Мотивация играет определяющую роль в принятии деятельности, определении личностного смысла деятельности, а также в видоизменении нормативного результата и выборе путей его достижения [7].

О связи мотивов с пониманием Шадриков В.Д. пишет: «Личные мотивы человека, направляя деятельность, способствуют пониманию, обуславливая единство содержания, мотивации и переживания, воплощающееся в мысли, несущей понимание» [6, с.67].

В результате целенаправленной предметной деятельности процесс понимания способствует порождению мыслей и установлению функционального значения мыслей. Без обращения к процессу порождения мыслей невозможно понять процесс понимания. «Весь процесс мышления в целом представляется сознательно регулируемой операцией» по Шадрикову В.Д. [8]. Отсюда следует, что неосознанного мыслительного процесса не существует. Он совершается как система сознательно регулируемых интеллектуальных операций. Рубинштейн С. Л. отмечал, что «интеллектуальная операция – это операция, которая учитывает существенные условия той объективной ситуации, в которой она совершается. Операция будет интеллектуальной, если она оперирует предметами сообразно с их объективной природой и существенными для данной задачи отношениями» [3]. Понятие «интеллект» с латинского *intellectus* переводится как понимание, познание. В большом психологическом словаре Мещерякова Б.Г. и Зинченко В.П. интеллект определяется как: «1) общая способность к познанию и

решению проблем, определяющая успешность любой деятельности и лежащая в основе др. способность; 2) система всех познавательных (когнитивных) способностей индивида: ощущения, восприятия, памяти, представления, мышления, воображения; 3) способность к решению проблем без проб и ошибок «в уме»» [1].

Шадриков В.Д. характеризует интеллект как системное проявление познавательных способностей, для которых умственные способности выступают в качестве общего фактора (общей способности), влияющего на другие способности. Познавательная способность, выраженная через предметную мысль, оказывает влияние на успешность интеллекта индивида [9]. Уровень интеллекта характеризуется уровнем развития способностей, знаниями, наличием планов и программ использования интеллектуальных операций, их связями, а также целостным характером функционирования интеллекта. Говоря о развитии интеллекта, Рубинштейн С.Л. отмечает, что оно выражается как в количественных, так и в качественных изменениях самого интеллекта. Изменения касаются содержания и формы интеллектуальной деятельности путем проникновения интеллектуальных операций «во все более глубокие слои сущего». На примере интеллектуальных операций анализа и синтеза Рубинштейн С.Л. пишет, что сначала они применяются как практические анализ и синтез и формируются в действии. А в дальнейшем интеллектуальные операции у человека остаются не только практическими, включенными в действия, но и становятся более опосредованными, теоретическими. С развитием интеллекта связаны также изменения и других форм поведения [3].

Нами проведено исследование для выявления связей понимания учебного материала с интеллектом и учебной мотивацией у младших школьников. Выборка исследования составила 30 учащихся 3-го класса ГБОУ «Школа №1514».

Диагностика уровня понимания учебного материала младшими школьниками была проведена при помощи методики Макаровой К.В. (2021 г.). Обобщенные результаты диагностики младших школьников с набранными баллами и соответствующими им показателями понимания приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Обобщенные результаты диагностики понимания учебного материала младшими школьниками по методике Макаровой К.В.

№ п/п	Количество учащихся (%)	Показатели выраженности уровней понимания
1.	7 (23%)	Высокий
2.	17 (57%)	Средний
3.	6 (20%)	Низкий

Из таблицы следует, что среди младших школьников высокий показатель понимания учебного материала имеют 7 учащихся, что составляет 23% от группы испытуемых, средний показатель понимания учебного материала имеют 17 учащихся, что составляет 57%, низкий показатель понимания имеют 6 учащихся, которые составили 20%. Для лучшей наглядности обобщенные результаты представляем на рисунке 1 в виде диаграммы:

Рис. 1. Диаграмма обобщенных результатов диагностики уровня понимания учебного материала у младших школьников

Из полученных данных можно констатировать, что понимание учебного материала у младших школьников развито недостаточно. Лишь 23% учащихся могут понимать объясняемую тему на высоком уровне.

Качественный анализ полученных результатов показывает, что учащиеся с высокой выраженностью уровня понимания успешно справляются с решением заданий учителя, они правильно и осознанно отвечают на вопросы учителя, находят свои ошибки, исправляют их, доводя до правильного решения. У учащихся, имеющих среднюю выраженность уровня понимания учебного материала, наиболее часто оно проявляется через выполнение заданий, в установлении причинно-следственных связей, по ответам на вопросы учителя во время урока. В отличие от детей с высокой выраженностью уровня понимания учебного материала, дети со средним уровнем, хуже справляются с задачами, поставленными перед ними в учебной деятельности. Самая большая трудность для них заключается в применении полученных знаний в практической деятельности, они не всегда умеют пользоваться новыми знаниями в разных видах работы своей учебной деятельности, придумывать задания или упражнения по новой теме, опираясь на образец. Учащиеся с низким уровнем понимания учебного материала демонстрируют слабые знания по всем критериям понимания. Они не справляются с выполнением заданий на уроке и дома без помощи взрослого, слабо отвечают на вопросы учителя по теме урока, не могут интерпретировать или объяснить своему однокласснику учебный матери-

ал, применять полученные знания в практической деятельности, сравнивать новые знания с уже имеющимися, формировать причинно-следственные связи.

Диагностика учебной мотивации проводилась при помощи методики Гинзбурга М.Р. [10], в результате которой получены данные, обобщенные и представленные в таблице 2.

Таблица 2.

Обобщенные результаты диагностики учебной мотивации по методике Гинзбурга М.Р. у младших школьников

№ п/п	Количество учащихся (%)	Показатели выраженности уровней понимания
1.	10 (33%)	Высокий
2.	13 (43%)	Нормальный (средний)
3.	5 (17%)	Сниженный
4.	2 (7%)	Низкий

Диагностика мотивации показала, что у 10-ти учащихся из группы испытуемых, составляющих 33%, высокий уровень учебной мотивации; нормальный (средний) уровень имеют 13 учащихся – 43% от выборки; у 5 учащихся, составляющих 17%, – сниженный уровень учебной мотивации; и низкий уровень выявлен у 2 учащихся, что составляет 7% от выборки. Для лучшей визуальной наглядности результаты представляем на рисунке 2 в виде диаграммы:

Рис. 2. Диаграмма обобщенных результатов диагностики учебной мотивации у младших школьников

Полученные результаты свидетельствуют, что учащиеся с высокой выраженностью уровня учебной мотивации способны более правильно регулировать оценку своих возможностей, опираясь на внутренний смысл принятия решений. Они отличаются стремлением к своевременному выполнению задания, не откладывая его; подходят к выполнению задания со всей ответственностью и расстраиваются в случае, если им не удастся справиться с ним в полной мере.

Нормальным (средним) уровнем учебной мотивации обладают дети, менее уверенные в своих способностях и имеющие несколько заниженную самооценку. В затруднительных ситуациях они с легкостью отказываются от достижения успеха, боясь не преодолеть трудности. В связи с этим, они легко переходят на мотивацию избегания неудачи. У них нет высокой целеустремленности и настойчивости в преодолении трудностей, при неудачах они могут «сдаться», бросить начатое дело, не доводя до конца.

Младшие школьники с низким уровнем учебной мотивации – это чаще неуверенные в себе, несамостоятельные, с несформировавшимся собственным мировосприятием и ценностными ориентациями дети. Они не стремятся к напряжению в достижении собственных целей, поскольку таких не имеют. Их пугают сложные задания, поэтому они берутся только за такие задания, выполнение которых не требует особых усилий. Во время проблемной ситуации таким детям требуется много времени на принятие решения, они могут отложить начатое дело на долгое время, а порой, так и не выполнить его. Школьники со сниженным уровнем мотивации к учебной деятельности отличаются от школьников с низким уровнем тем, что у них изредка появляется интерес к выполнению учебных задач, они также порой переживают за свои неуспехи в учении.

Диагностика интеллекта была проведена при помощи теста Д. Векслера [4]. Полученные результаты были сведены в обобщающую таблицу 3.

Таблица 3.

Обобщенные результаты диагностики структуры интеллекта по тесту Д. Векслера у младших школьников

№ п/п	Количество учащихся (%)	Показатели выраженности уровней понимания
1.	10 (33%)	Весьма высокий интеллект
2.	9 (30%)	Высокий интеллект
3.	8 (27%)	Хорошая норма интеллекта
4	3 (10%)	Средний уровень интеллекта

			Понимание	Интеллект	Мотивация
Ро Спирмана	Понимание	Коэффициент корреляции Знач. (2-х сторонняя) N	1,000	,422* ,020 30	,458* ,011 30
	Интеллект	Коэффициент корреляции Знач. (2-х сторонняя) N	,42** ,020 30	1,000	
	Мотивация	Коэффициент корреляции Знач. (2-х сторонняя) N	,46** ,011 30		1,000

***. Корреляция значима на уровне $p < 0,001$.

** . Корреляция значима на уровне $p < 0,01$.

*. Корреляция значима на уровне $p < 0,05$.

Из анализа результатов таблицы № 3 следует, что в данной группе испытуемых в целом хороший уровень развития интеллекта: у 10 учащихся выявлен весьма высокий уровень интеллекта, что составляет 33% от выборки; 9 учащихся, составляющих 30% от всей группы, обладают высоким интеллектом; хорошая норма интеллекта присуща 8 учащимся, которые составляют 27%; и лишь 3 учащихся показали средний уровень интеллекта, что составляет 10% от выборки. Учащихся со сниженной нормой интеллекта в данной группе испытуемых не выявлено.

Для выявления значимых связей между пониманием, интеллектом и мотивацией нами проведена статистическая обработка данных, полученных в результате их диагностики, при помощи статистического пакета SPSS Statistics 19. Были изучены связи понимания с учебной мотивацией и интеллектом. Результаты статистической обработки представлены на рисунке 3.

Нами выявлены следующие статистически значимые коэффициенты корреляции (обозначены цветом в таблице): $k=0,46^{**}$ – понимания и учебной мотивации (корреляция значима на уровне $p < 0,01^{**}$); $k=0,42^{**}$ – понимания и интеллекта (корреляция значима на уровне $p < 0,01^{**}$). Данные результаты подтверждают наличие значимых связей понимания с учебной мотивацией и интеллектом.

Таким образом, мы видим, что учебная мотивация и интеллект имеют значимые связи с пониманием учебного материала младших школьников. Мотивация побуждает ученика к достижению понимания и является основным стержнем в выполнении деятельности, понимание учебного материала лучше развито у детей с высоким интеллектом. Вне мотивации деятельность не будет продуктивной, приносящей пользу субъекту ее выполнения.

Рис. 3. Результаты статистической обработки

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой психологический словарь / Под редакцией Б.Г. Мещерякова и В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2003.
2. Макарова К.В. Психология понимания. Монография. М.: Правда – Пресс. 2020. – 168 с.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., СПб.: Питер, 1999.
4. Филимоненко Ю.И., Тимофеев В.И. Тест Д.Векслера: диагностика структуры интеллекта (детский вариант): методическое руководство / Ю.И. Филимоненко, В.И. Тимофеев. – Санкт-Петербург: ИМАТОН, 2016.
5. Шадриков В.Д. Введение в психологию: мотивация поведения. – М.: Логос, 2003. – 210 с.
6. Шадриков В.Д. Мысль и понимание. Понимание мысли: монография / В.Д. Шадриков. М.: Университетская книга, 2019. – 168 с.
7. Шадриков В.Д. Понимание: концептуальные модели. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – 209 с.
8. Шадриков В.Д. Психология деятельности человека. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 464 с. (Достижения в психологии).
9. Шадриков В.Д. Способности и интеллект человека. – М.: Современный гуманитарный университет, 2004. – 188 с.
10. Методика «Изучение школьной мотивации» М.Р.Гинзбурга. URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/psikhologiya/2021/12/28/metodika-izuchenie-shkolnoy-motivatsii-m-r-ginzburga> (дата обращения: 18.05.2022).

© Хакимова Мадина Рамзановна (madinaramzanovna@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРА, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЦЕЛОСТНУЮ САМОРЕАЛИЗАЦИЮ ЛИЧНОСТИ

Шматова Елена Викторовна

НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»

helenavic@mail.ru

THE MAIN FEATURES OF THE CHARACTER, NEGATIVELY AFFECTING THE HOLISTIC SELF-REALIZATION OF THE PERSONALITY

E. Shmatova

Summary: This article presents part of the study of the main aspects and determinants of the integral self-realization of the individual in modern conditions of computerization of professional, creative and personal communications, and the correlation of the main psychological characteristics of the individual and his self-realization, in the latest information conditions of development.

The task of this part of the study is to determine the relationship between character accentuations and multifocal, holistic self-realization, namely, to identify which of the character accentuations have a negative relationship with self-realization, block self-realization.

The design of this part of the study: An interview that reveals the respondents' understanding of the phenomenon of self-realization and the degree of their satisfaction with their own self-realization. Testing with the help of the test «Characterological questionnaire of K. Leonhard». Statistical processing of the received information.

It was found that character accentuations: cyclothymic, distimic, stuck, are negatively associated with holistic self-realization.

Keywords: personality, self-realization, holistic self-realization, character accentuations, self-actualization, character traits.

Аннотация: В данной статье излагается часть исследования основных аспектов и детерминантов целостной самореализации личности в современных условиях компьютеризации профессиональных, творческих и личностных коммуникаций, а также, корреляции основных психологических особенностей личности и её самореализации, в новейших информационных условиях развития.

Задачей данной части исследования является определение взаимосвязи акцентуаций характера и многофокусной, целостной самореализации, а именно, выявление, какие из акцентуаций характера, имеют отрицательную связь с самореализацией, блокируют самореализацию.

Дизайн данной части исследования: интервью, выявляющее у респондентов понимание феномена самореализации и степень их удовлетворенности собственной самореализацией. Опрос с помощью теста «Характерологический опросник К. Леонгарда». Статистическая обработка полученной информации. Было выявлено, что акцентуации характера: циклотимность, дистимность, застревание, отрицательно связаны с целостной самореализацией.

Ключевые слова: личность, самореализация, целостная самореализация, акцентуации характера, самоактуализация, особенности характера.

Исследование феномена самореализации личности, в истории философии, психологии, социологии, всегда стоит рядом с вопросом развития человека, его профессиональной, личностной эволюции, отражением этой эволюции на качество жизни личности, и на развитие общества в целом. Задача найти основные детерминанты самореализации, как формулу успешной жизни человека, стояла перед учеными на протяжении всей истории изучения человека. Наиболее раннее описание детерминантов успешного развития личности, можно встретить в трудах Сенеки [9] и Конфуция [4], где основную роль философы, в становлении успешной личности, отдают развитию добродетелей, таких как верность, уважение, доброта, надёжность.

В философии И. Канта [2], определяющей является идея нравственного воспитания личности. В трудах К. Маркса [8] основополагающую роль в развитии человека, играет труд. Согласно З. Фрейду [10], стремление

к развитию и к успеху, заложено в каждом человеке, в форме бессознательного инстинкта «стремления к удовольствию».

Непосредственно термин «самореализация» начал использоваться с начала XX века, и уже имел более четкое оформление, как реализация потенциальных возможностей человека, и получил более четкое определение в трудах Маслоу, Гольдштейна [8].

Тема самореализации особенно актуализировалась и в наше время. Современные условия влияния технологического прогресса, политика формирования потребительского мышления и вкуса в информационном пространстве, стремительный рост искусственного интеллекта и его замещение человеческого труда, все это отражается на ценностной системе человека, его способности к свободному выбору, на его психологических особенностях и мотивационной направленности.

сти. Какие именно внутриличностные детерминанты актуальны для самореализации в современных условиях, является значимым вопросом и для науки, и для человечества в целом.

В данной части исследования, стоит задача выявить особенности характера личности, препятствующие самореализации.

В своей работе, Р.А. Зобов, отмечает роль интегративной системы, формирующей не только целостность личности, но и эффект синергии в развитии человека, его самореализации: «Под интеграцией следует понимать такую связь разноплановых и разноуровневых компонент человека, которая формирует определенную целостность, способствующую его развитию. Интегративная система человека.» [1, с. 121].

В подтверждении важности интеграционного подхода, Ш. Дарбха, в своей работе, говорит об одновременном многомерном развитии жизни человека, которая означает его всестороннее развитие как в профессиональной, творческой сфере, так и в семейно-брачной и духовной жизни. Автор заявляет о четырех уровнях взаимодействия: физическое, духовное интеллектуальное и эмоциональное, реализуясь на всех уровнях одновременно, человек повышает «максимальную производительность» каждого из них и становится более удовлетворенным жизнью в целом [12].

Эти работы подтверждают важность изучения самореализации, как феномена одновременного разнопланового развития человека в значимых для него сферах жизни. В данном исследовании, феномен многогранного развития в разных сферах жизнедеятельности, которая включает в себя гармоничное развитие в ценных для человека, сферах жизни: профессиональной, семейно-брачной, творческой, личностной, духовной и других сферах, было принято решение, назвать целостной самореализацией. В данной части исследования, будет идти речь об особенностях характера человека, которые отрицательно влияют на целостную самореализацию.

В процессе изучения феномена самореализации, ученые Клочко В.Е., Галажинский Э.В., обозначили основную проблему: «...Итак, с точки зрения принципа, устанавливающего происхождение внутреннего («собственно человеческого», психического, субъективного) исключительно из внешнего (материального, объективного), феномен способности людей к личностной самореализации остается непонятым с точки зрения детерминации и регуляции, так и конкретных психологических механизмов его осуществления.» [3, с.8], в которой ясно определили влияние психологических процессов человека на его самореализацию и обозначили важность дальнейших исследований детерминантов феномена.

Так же их в работе Е.В. Харитоновой, подтверждается, что внутренние психологические особенности человека, являются важными детерминантами самореализации: «...Процесс самореализации определяется двумя группами условий: внутренними и внешними. Внутренние условия определяются степенью развитости способностей, качеством характера...» [11, с. 48].

В своем исследовании, Л.А. Коростылева, ставит задачу проследить внутренние психологические особенности человека, влияющие на самореализацию и приходит к выводу о значимости социальных установок, пережитых человеком психологических травм, которые, в совокупности, формируют три вида барьеров в самореализации. Первый вид барьеров отражает ценностную ориентацию человека, сложности и противоречия в системе ценностей личности. Второй вид барьеров отражает сложности в осмысленности человеком своих действий, целей, жизни в целом. Третий вид барьеров - барьеры диспозиции, отражающие противоречивые социальные установки, сложности в понимании себя, в решениях, коммуникациях. Чем больше и разнообразней барьеры присутствуют в жизни человека, тем сложнее его самореализация [5].

Особенности характера человека, также являются «внутриличностным» условием формирования самореализации.

В связи с изложенным выше материалом, сформировались задачи исследования:

Задачи исследования

В этой части исследования задача выявить внутренние психологические субъективные механизмы человека, отрицательно влияющие на целостную самореализацию в современных стрессовых условиях.

Методики исследования

Для выявления акцентуаций характера, препятствующих самореализации, было принято решение, использовать «Характерологический опросник К. Леонгарда» и результаты интервью, в котором участники оценивали степень удовлетворенности собственной самореализацией в разных сферах жизни: профессиональной, креативной, семейной, сфере личностного и духовного развития, по шкале от 0 до 10, из которых складывалась средняя оценка уровня целостной самореализации.

Выборка

В исследовании принимали участие 68 женщин, возрастом 30-45 лет, выбранных рандомно.

Процесс исследования

В процессе прохождения теста «Характерологический опросник К. Леонгарда» [6], опрошенным было предложено ответить на 88 закрытых вопросов, выявляющих направленность темперамента и характера человека. Уровень выраженности акцентуаций темперамента и характера, определяется в баллах, максимальное значение равно 24 баллам.

В результате анализа теста, мы получаем картину выраженности акцентуаций характера: гипертимность, тревожность, возбудимость, эмотивность, педантичность, циклотимность, демонстративность, дистимность, неуравновешенность, экзальтированность. Далее проводилась количественная обработка полученных данных, для выявления связи выявленных показателей, со средней оценкой целостной самореализации, полученной в процессе интервью.

В результате исследования была установлена отрицательная связь между *целостной самореализацией и циклотимностью*, коэффициент Спирмена $R_s = -,362$; отрицательная связь между *целостной самореализацией и дистимностью*, коэффициент Спирмена $R_s = -,241$; отрицательная связь между *целостной самореализацией и застреваем*, коэффициент Спирмена $R_s = -,849$.

Обсуждение результатов исследования

Каждая акцентуация характера может быть выражена как явной, так и скрытой форме [7] и иметь свойства как конструктивные для самореализации, так и деструктивные. В данном исследовании, нас интересуют те стороны, и те акцентуации, которые преимущественно отрицательно сказываются на самореализации.

Как выявилось в процессе исследования, *застревающий тип* акцентуации, является препятствием к самореализации (коэффициент Спирмена $R_s = -,849$, отрицательная связь, вероятность допустимой ошибки ,001). Для этого типа акцентуации свойственны низкая коммуникабельность, сконцентрированность на негативных переживаниях прошлого. В то же время люди с застревающей

акцентуацией, настойчивы, исполнительны и сфокусированы на цели, но чаще всего эти конструктивные качества детерминированы страхом неудачи, осуждения, избеганием болевых переживаний. Такие эмоции не дают состояния удовлетворенности успехами, и, как следствие, отрицательно сказываются на самореализации.

Другой тип акцентуации, имеющий отрицательную связь с самореализацией – дистимный (коэффициент Спирмена $R_s = -,241$; отрицательная связь, вероятность допустимой ошибки ,004). Для этого типа акцентуации характерна пассивность, экстернальный локус контроля, подавленная воля, недовольство собой, в то же время эти люди отличаются надежностью, добросовестностью, ответственностью. Указанные конструктивные качества, чаще всего детерминированы внешним локусом контроля и желанием «быть значимым» и «не подвести», сопровождаются негативными переживаниями и не приносят должного удовлетворения успехом, особенно, если «оценка» окружающих не соответствует ожиданиям. Такой набор чувств, отрицательно сказывается на самореализации.

Также, в процессе исследования, было выявлено, что *циклотимный тип* акцентуации, является препятствием к самореализации (коэффициент Спирмена $R_s = -,362$, отрицательная связь, вероятность допустимой ошибки ,014). Для циклотимного типа характерны нестабильность, неустойчивость в настроении, апатия, неуверенность в себе, своих целях и своем потенциале, сомнения, склонность к разочарованиям, быстрая утомляемость, тяжело переносят перемены, в то же время для таких людей свойственна подвижность, сообразительность, честность. Общая неуверенность в себе, своих возможностях, постоянное сомнение в своих личностных качествах, дают общий негативный фон эмоций циклотимного типа, что препятствует самореализации.

Вывод:

В результате исследования выявлены особенности характера личности, имеющие отрицательную корреляцию с целостной самореализацией: застревающий, дистимный и циклотимный типы акцентуаций характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зобов, Р.А., Келасьев, В.Н. Интегративная Концепция Человека; Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2012. Вып. 2; УДК 316.4.06
2. Кант, Иммануил. Критика чистого разума. Критика практического разума. Критика способности суждения. - Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2021; ISBN 978-5-389-20172-9
3. Ключко, В.Е., Галажинский, Э.В. Самореализация личности системный взгляд, Томск: Изд-во Том. ун-та 1999, 8
4. Конфуций (551-479 до н. э.). Беседы и суждения Конфуция / Конфуций; - СПб. Кристалл, 1999. - 1119 с.: - (Библиотека мировой литературы: БМЛ). ISBN 5-8191-0057-3
5. Коростылева, Людмила Алексеевна. Психология самореализации личности: Основные сферы жизнедеятельности: диссертация доктора психологических наук. - СПб. Кристалл, 2019. - 111 с.: - (Библиотека мировой литературы: БМЛ). ISBN 5-8191-0057-3

- наук: 19.00.01. – Санкт-Петербург, 2001. – 398 с
6. Леонгард, Карл (1904-1988). Акцентуированные личности = Akzentuierte persönlichkeiten / Карл Леонгард; - М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. - 446, [1] с - (Психологическая коллекция). ISBN 5-04-008782-9
  7. Личко, Александр Евгеньевич. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков / Александр Личко. - Москва: Апрель пресс: ЭКСМО-пресс, 1999. - 406 с.; (Психология - XX век.); ISBN 5-04-003762-7
  8. Попова, Юлия Ивановна. Теории личности: учебное пособие / Ю.И. Попова, Е.Н. Фоменко, Т.С. Гутова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. - 79 с.: табл.; ISBN 978-5-8209-1690-8
  9. Сенека, Луций Анней (ок. 4 до н. э.-65 н. э.). Избранные поучения античного философа Сенеки. - [Буэнос Айрес], 1984. - 59 с
  10. Фрейд, Зигмунд, (1856-1939). Психология бессознательного [Текст] / Зигмунд Фрейд. - 2-е изд. - Москва [и др.]: Питер, 2010. - 390 с.; (Мастера психологии). ISBN 978-5-49807-498-6
  11. Харитоновна, Е.В., (2014). Психология социально-профессиональной востребованности личности Российская акад. наук, Ин-т психологии. Москва ISBN 978-5-9270-0280.410
  12. Sreeram Darbha. (2017). Holistic Employee Engagement For Achieving Peak Pperformance And Overall Satisfaction. International Journal of Business and General Management (IJBGM) ISSN(P): 2319-2267; ISSN(E): 2319-2275, 5, Aug – Sep.

© Шматова Елена Викторовна (helenavic@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский институт психоанализа

ПСИХОСОМАТИКА АЛЛЕРГИИ: ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АЛЛЕРГИЯ

PSYCHOSOMATIC ALLERGY: EMOTIONAL ALLERGY

V. Yanchikov

Summary: The last twenty years of mankind's existence have been marked by a significant increase in the incidence of allergies [4].

At the same time, already in the nineties of the last century, studies found that only 15% of human allergic reactions confirmed by analyses are triggered by the immune system, while the remaining 85% of allergies by the trigger mechanism are "non-immune" [5].

The existence of such statistics inevitably raised the question of the need for specialists to clarify the essence of the mechanisms of triggering these "non-immune" allergic reactions.

The purpose of this article is to substantiate the thesis about the psychosomatic nature of the occurrence of "non-immune" allergies.

The methodological basis of the research is the methods of observation, experiment, diagnosis, induction, deduction, analysis, synthesis, as well as biographical and statistical methods.

As a result of the work carried out, the historical aspects of the basic research of the essence of allergy were considered, the theoretical and practical foundations of the methodology for identifying the psychosomatic nature of allergies were revealed, and the reasons for the introduction of new terminology in the framework of the study of allergic reactions were substantiated.

Since it was revealed that non-immune allergies have a psychosomatic nature of occurrence, therefore, they are emotional, it seems reasonable to conclude that psychologists can and should conduct psychosomatic correction of clients with such allergies in order to reduce the symptoms manifested in the latter to subjectively comfortable indicators.

Keywords: allergy, psychosomatics, emotional allergy, evidence-based psychosomatics, emotional allergen, psychosomatic reaction.

Янчиков Владимир Николаевич

клинический психолог, руководитель, Институт доказательной психосоматики «ЭВИРА», г. Москва
darja-budyjljova@yandex.ru

Аннотация: Последние двадцать лет существования человечества ознаменовались значительным ростом уровня заболеваемости аллергией [4].

При этом уже в девяностых годах прошлого века исследованиями было установлено, что лишь 15% подтвержденных анализами аллергических реакций человека запускаются иммунной системой, остальные же 85% аллергий по механизму запуска являются «неиммунными» [5].

Существование подобной статистики неизбежно поставило перед специалистами вопрос о необходимости выяснения сущности механизмов запуска указанных «неиммунных» аллергических реакций.

Целью настоящей статьи является обоснование тезиса о психосоматической природе возникновения «неиммунной» аллергии.

Методологической базой исследования являются методы наблюдения, эксперимента, диагностики, индукции, дедукции, традукции, анализа, синтеза, а также биографический и статистический методы.

В результате проведенной работы были рассмотрены исторические аспекты базовых исследований сущности аллергии, раскрыты теоретико-практические основы методики выявления психосоматической природы аллергий, а также обоснованы причины введения новой терминологии в рамках исследования аллергических реакций.

Поскольку было выявлено, что неиммунные аллергии имеют психосоматическую природу возникновения, следовательно, являются эмоциональными, обоснованным представляется **вывод** о возможности и целесообразности проведения психологами психосоматической коррекции клиентов с подобного рода аллергиями в целях снижения проявляющейся у последних симптоматики до субъективно комфортных показателей.

Ключевые слова: аллергия, психосоматика, эмоциональная аллергия, доказательная психосоматика, эмоциональный аллерген, психосоматическая реакция.

В современном мире аллергия – один из наиболее часто встречающихся диагнозов, поставленных врачами своим пациентам [2]. Предлагаемое специалистами медицины медикаментозное лечение указанного заболевания часто бывает эффективным с точки зрения обеспечения снижения интенсивности проявлений симптоматики аллергических реакций. При этом, данный способ лечения не способен избавить человека от заболевания полностью, в связи с чем аллергия приобретает статус хронического состояния, предполагающего систематическое (в моменты обострений) прохождение курсов лечения.

Одновременно с описанной выше ситуацией существует ряд исследований, доказывающих, что механизм запуска большинства аллергий не является иммунным [5]. Соответственно, для прекращения проявления таких

аллергических реакций у человека необходимо работать не с иммунитетом, а с тем самым механизмом, запускающим подобную аллергию в организме [1, С.192].

Закономерно возникает вопрос: какова же в таком случае истинная природа механизма, запускающего 85% аллергических реакций, не являющихся иммунными? Поиск ответа на данный вопрос является одной из актуальнейших проблем сегодняшней научно-практической действительности.

Задаваясь целью выявления сущности неиммунных аллергий с точки зрения поиска природы причин их возникновения, логичным будет начать рассуждение с небольшого исторического обзора исследований аллергии как реакции организма на те или иные внутренние или внешние факторы.

И одним из первых научных подтверждений существования неиммунной аллергии стал феномен, описанный доктором М. Маккензи [9]. Проводя лечение пациентки, страдающей от хронической аллергии на розы, М. Маккензи обнаружил, что симптоматика заболевания возникала даже при отсутствии реального физического аллергена – например, если женщина не знала, что розы, находящиеся в одном с ней помещении, искусственные, то ее организм все равно демонстрировал все признаки аллергической реакции.

Исходя из этого, доктор предположил, что триггером аллергии явился не сам физический аллерген, а лишь его идея. Закономерным выводом из этого предположения стал тезис о существовании доказуемой взаимосвязи между психологическими переживаниями человека и физическими реакциями его организма, проявляющимися, в том числе, в форме аллергии. Иными словами, опыт М. Маккензи позволяет допустить возможность существования психосоматики аллергии.

Следующим исследованием, о котором нельзя не упомянуть, рассматривая тему сущности аллергии, является учение об анафилактическом шоке А.М. Безредка. Содержащееся в этом учении экспериментально подтвердившееся предположение о возможности предупредить возникновение анафилаксии (аллергии), «отключив» центральную нервную систему человека наркозом, позволяет утверждать наличие взаимосвязи между реакциями центральной нервной системы и формированием аллергии у человека [3].

Также значительное место среди исследований механизмов запуска аллергической реакции занимают выводы, сделанные иммунологом М. Леви, которые, по сути, основаны на учении И.П. Павлова об условных рефлексах [8].

Суть указанных выводов сводится к следующему: аллергическая реакция, подобно фобии, является условным рефлексом. Соответственно, аллергия, как и фобия, запускается в рамках специфического эмоционального состояния носителя. Соответственно, при разрушении механизма условного рефлекса (физический аллерген – специфическое эмоциональное состояние – аллергическая реакция) исчезает и аллергия.

Логичным следствием данного тезиса является вывод о психосоматической природе аллергических реакций. Доказательством справедливости данного утверждения служат также и разработки Р. Дилтса, в особенности созданная им техника эмоциональной десенсибилизации физических аллергенов, не раз доказавшая свою эффективность на практике [8].

Все вышесказанное вкратце с исследованиями, упомянутыми в начале статьи, позволяет нам говорить о суще-

ствовании явных предпосылок к установлению именно психосоматической природы механизмов запуска неиммунных аллергий.

Вместе с тем, поскольку большинство упомянутых выше работ довольно не системны (в части выяснения сущности аллергии), и выводы о психосоматической составляющей аллергических реакций в ряде из них (работ) являются своего рода «побочным продуктом» исследований, выдвигаемый тезис о психосоматическом механизме запуска 85% аллергий подлежит практической перепроверке.

Предлагаемым в настоящей статье вариантом подобной перепроверки является групповое тестирование в рамках авторского Метода эмоциональной десенсибилизации аллергий и причин их возникновения [7].

Основной целью данного тестирования является выявление четкой причинно-следственной взаимосвязи между физиологическим проявлением симптомов аллергии и психоэмоциональным состоянием тестируемых.

Сам же по себе тест представляет собой двадцати-двадцатипятиминутное психоэмоциональное моделирование специалистом ситуации, провоцирующей у тестируемых возникновение симптомов аллергии на уровне физиологии без реального участия физического аллергена за счет представления и внутреннего ощущения тестируемыми ассоциированного взаимодействия с физическим аллергеном.

При этом, для «чистоты» эксперимента необходимо при подготовке к тестированию соблюсти ряд критериев, необходимых с точки зрения обеспечения экологичности и верифицируемости процесса.

К таковым критериям относятся:

1) наличие у тестируемого известного ему явного физического аллергена, подтвержденного поставленным врачом диагнозом. То есть, тестируемый должен знать, что аллергическая реакция у него проявляется именно на шоколад, клубнику, кошачью шерсть, пыльцу и т.д.

2) критерий экологии тестирования – симптомы проявляющейся аллергии не должны представлять угрозу человеческому здоровью. Иными словами, «типичным» симптомом аллергии у человека не должен быть анафилактический шок, отек Квинке и т.п. Допустимой же для теста симптоматикой является, например, кашель, насморк, чихание, зуд и проч.

В рамках данного критерия следует дополнительно отметить, что поскольку, исходя из результатов проведенных исследований, около 40% тестируемых демон-

стрируют высокую чувствительность к манипуляциям специалиста, проводящего тестирование, действия данного специалиста в рамках именно группового тестирования случайной выборки тестируемых должны неуклонно ориентироваться на порог чувствительности указанной группы, то есть требуется соблюдать уровень манипуляций строго необходимый и достаточный для проявления наглядных симптомов аллергии конкретно у этих 40% тестируемых.

В противном случае, а именно при несоблюдении данного требования, у указанной группы людей возможно проявление слишком сильной симптоматики аллергии, что потенциально может нанести избыточный дискомфорт тестируемому, а потому является неэкологичным и недопустимым с точки зрения этики психолога.

3) критерий типологии аллергии. В целях обеспечения адекватной оценки эффективности проведенного тестирования необходимо, чтобы аллергическая реакция тестируемых относилась к аллергиям немедленного типа, то есть ее симптоматика проявлялась бы самое долгое в течение 20 минут после контакта с аллергеном.

Данный критерий крайне важен, поскольку при его нарушении неизбежно возникнут трудности отслеживания взаимозависимости между аллергической реакцией и действиями специалиста, проводящего тест.

При соблюдении всех вышеназванных критериев, данные статистики, получающейся по результатам группового тестирования случайной выборки тестируемых, представляют собой следующее: примерно 40% участников теста наглядно демонстрируют внешнюю симптоматику аллергии (те самые 40% высокочувствительных тестируемых); еще 40 % тестируемых, хотя внешне и не проявляют признаки наступления аллергической реакции, но подтверждают их наличие, основываясь на внутренних субъективных ощущениях (среднечувствительные тестируемые), при этом для удостоверения в справедливости данного утверждения специалисту необходимо применять специальные методы калибровки; оставшиеся же 20% участников тестирования относятся к низкочувствительной группе тестируемых и симптоматику аллергической реакции не проявляют в целом – отсутствует как наглядная симптоматика, так и симптоматика по внутренней субъективной самокалибровке.

Настоящая статистика показывает, что, даже при отсутствии реального физического аллергена, в условиях психоэмоционального моделирования ситуации, провоцирующей возникновение аллергической реакции, симптоматика аллергии так или иначе проявляется на физиологическом уровне примерно у 80% участников тестирования. Это, в свою очередь, не только подтверждает наличие неиммунных аллергических реакций в

целом, но и доказывает, что природа и механизм запуска этих самых неиммунных аллергических реакций являются психосоматическими, а значит, относятся к сфере работы психологов [7].

Следует также дополнительно отметить, что, одновременно с формированием вывода о психосоматической природе неиммунных аллергий, возникает закономерная необходимость создания новой терминологии, отражающей сущность данных аллергий, поскольку определение через отрицание (НЕиммунная) не выражает особенности природы указанного типа аллергических реакций, а значит, по факту, несет размытую смысловую нагрузку.

Рекомендуемым в настоящей статье термином, обозначающим аллергию, обладающие психосоматическим механизмом возникновения, является «эмоциональная аллергия» [6].

Этимологически данный термин предлагается выводить из другого авторского понятия - «эмоциональный аллерген» (такое специфическое эмоциональное состояние, переживание которого запускает аллергическую реакцию на физиологическом уровне), введение которого, в свою очередь, позволяет отделять аллергены физические (шоколад, орехи, грибы и т.д.), то есть экзогенные, от психоэмоциональных триггеров, запускающих психосоматический механизм возникновения аллергии (эндогенные аллергены) [6].

С учетом того, что структурно базовой причиной аллергической реакции всегда выступает тот или иной аллерген (эмоциональный либо физический), то логичным будет, в случае возникновения аллергии из-за эмоционального аллергена, считать и саму аллергию – эмоциональной. Использование подобной терминологии не только отразит уже в названии истинные причины запуска аллергической реакции в организме – эмоции, но и позволит выстроить единство понятийного аппарата в рамках работы специалистов психологии с неиммунными аллергиями.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. исходя из результатов краткого исторического обзора исследований аллергии, можно утверждать, что аллергические реакции не всегда являются результатом иммунного ответа организма на физический аллерген; а значит, помимо иммунного механизма запуска аллергий, существует также иной механизм, провоцирующий возникновение так называемых неиммунных аллергий;
2. с учетом результатов упомянутых выше исследований, а также по итогам экспериментального тестирования в рамках Метода эмоциональ-

ной десенсибилизации аллергий и причин их возникновения было установлено, что неиммунные аллергии имеют психосоматический механизм запуска, а именно, они (неиммунные аллергии) запускаются в ситуации переживания человеком определенного эмоционального состояния даже в отсутствие реального физического аллергена;

3. с учетом необходимости терминологического разграничения иммунных и неиммунных аллергических реакций, физических аллергенов и эмоционального состояния, провоцирующего запуск психосоматического механизма аллергии, а также в целях выстраивания единого понятийного ап-

парата для работы с неиммунными аллергиями и их причинами предлагается для обозначения последних использовать авторские термины «эмоциональная аллергия» и «эмоциональный аллерген» соответственно.

В качестве же заключения следует отметить, что, в связи с выявлением психосоматической природы возникновения эмоциональных аллергий, обоснованным и целесообразным представляется тезис о необходимости проведения в целях снижения проявляющейся симптоматики до субъективно комфортных показателей психосоматической коррекции клиентов – эмоциональных аллергиков специалистами психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адо А.Д. Общая аллергология: (Руководство для врачей). — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Медицина, 1978. — 468с.
2. Ахметова И. Аллергия — наиболее часто встречающийся недуг, не выбирающий ни возраста, ни пола [Электронный ресурс]. URL: <https://balticmedicalcentre.co.uk/informatsiya-dlya-klientov/polezno-znat/semeynaya-medsina/allergiya-naibolee-chasto-vstrechayuschisya-nedug-nevybirayuschij-ni-vozrasta-ni-pola/> (дата обращения 29.04.2022).
3. Безредка А.М. О значении раздражителей в инфекции и иммунитете // Журнал экспериментальной биологии и медицины. 1927. № 18.
4. Либерман М. Аллергическая тенденция [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3313997> (дата обращения 29.04.2022).
5. Лусс Л.В. Аллергия и псевдоаллергия в клинике // Врач. 1997. №6. С.7-9.
6. Янчиков В.Н., Янчикова С.А. Исследование факторов, влияющих на эффективность психологических методов профилактики и лечения аллергии // Общероссийский научный журнал. 2005 г. №2 (160).
7. Янчиков В.Н., Янчикова С.А. Психологическая модель возникновения и развития аллергических реакций немедленного типа // Актуальные проблемы современной науки. 2006. №5 (32). С.72–79.
8. Dilts R. Allergy Process [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlpu.com/Articles/article9.htm> (дата обращения 29.04.2022).
9. MacKenzie, J. The Production of the So-Called 'Rose Cold' by Means of an Artificial Rose // American Journal of Medical Science. 1886. № 9. С. 45-57.

© Янчиков Владимир Николаевич (darja-budylova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТОПОСА СЕТЕВОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ В ПАРАДИГМЕ КОНСТАНТНЫХ СТРУКТУР

DEFINITION OF THE NETWORK MEDIA COMMUNICATION TOPOS IN THE PARADIGM OF CONSTANT STRUCTURES

**D. Bozhedarov
A. Ruzmanov**

Summary: The article analyzes network media communication, its impact on sociodynamics, inculturation, industrialization and other areas of development of modern global society. Constant structures, system features of the network media communication space are determined, and a theoretical definition is formulated. The revealed constant structures at the first stage open up new directions in the study of the network media communication space, the possibility of finding an approach to determining the methods of managing this media system.

Keywords: media communication, network media space, system features, network society, media environment, drogstore, Internet space, communication, mass media.

Божедаров Дмитрий Александрович

*К.филол.н., доцент, Мордовский государственный
национальный исследовательский университет
им. Н.П. Огарева
db13@rambler.ru*

Рузманов Артём Александрович

*Мордовский государственный национальный
исследовательский университет им. Н.П. Огарева
artomruzmanov@yandex.ru*

Аннотация: В статье анализируется сетевая медиакоммуникация, ее влияние на социодинамику, инкультурацию, индустриализацию и прочие направления развития современного глобального общества. Определяются константные структуры, системные признаки сетевого медиакоммуникационного пространства, формулируется теоретическое определение. Выявленные константные структуры на первом этапе открывают новые направления в исследовании сетевого медиакоммуникационного пространства, возможности поиска подхода к определению методик управления данной медийной системой.

Ключевые слова: медиакоммуникация, сетевое медиапространство, системные признаки, сетевое общество, медиасреда, дрогстор, интернет-пространство, коммуникация, СМИ.

Введение

Сетевая медиакоммуникация! Она «накрыла» нас в самом начале XXI века. Это она с первых шагов практически обезличила нас, превратив имена в «ники», она заставила нас изменить наши лица до неузнаваемости и менять их столько раз, сколько будет необходимо для продолжения виртуальной жизни. Она предложила нам надеть виртуальные одежды, просто нарисовав их. Она забрала все свободное время у наших детей и какой-то неведомой силой втянула их в экраны мессенджеров и гаджетов. Она за относительно короткий срок своего существования в социуме успела изменить не одну парадигму, изменив признаки успешного человека мыслящего на человека играющего. Это она заставляет нас забыть о том, кто такой автор и вместо него подкладывает нам к использованию «акторскую» концепцию. Вместе с тем уводя далеко в забвение образ человека – творца. Теперь нет плода творения. Есть сам творец как явление и от того, насколько неожиданно и противоречиво это явление зависит продолжительность его существования. Она привела нас к тому, что образ – это теперь «Генеральное средство достижения поставленных актором целей, задач и сверхзадач». Образ по ее велению становится орудием, рождаясь на прочных сцепках между актерскими проявлениями. Образ, который способен настолько повлиять на аудиторию, да и на

самого актора, что подростки поднимутся на крышу и по условиям игры «Синий кит» покончат жизнь самоубийством. Войдя в экспрессивный актерский образ, молодой мужчина становится способным убить или заморозить до смерти на балконе девушку. Это система новых образов так грамотно и дидактически верно выгнала наших детей на улицы городов в 2021 году и ввязала их в политические войны. Нам сейчас необходимо научиться контролировать ее действия потому, что печальные их последствия происходят прямо сейчас.

Цель исследования

- Определить константные структуры сетевой медиакоммуникации в виде системных признаков;
- Определить подход к теоретическому обоснованию сетевого медиапространства;
- Определить влияние сетевого медиаконтента на смену социальной парадигмы «информационное общество» - «Сетевое общество»;

Актуальность

При анализе сетевого медиапространства и его онтологической сущности, поиске константных сегментов рассматриваемой медиаструктуры, традиционно актуальность обуславливает недостаточное количество

фундаментальных исследований данной сферы. Которые противопоставлены огромному числу примеров значительного и в то же время неоднозначного влияния его медиаактивности на развитие и формирование культуры социума. В современной теории обнаруживаются взгляды на сетевое медиапространство как на ресурс власти и борющейся за власть элиты. Так Одинцов А.В. утверждает, что сетевое пространство - есть хранилище коллективной памяти, социального опыта. Именно сетевое медиапространство способно создавать и транслировать имидж, общественное мнение и социальные мифы[1]. Но данный подход к осмыслению сущности сетевого медиапространства со временем не стал доминантным. Интернет в сетевом его выражении стал, так называемым, «Столовым прибором» в руках власть предержащих. По мнению исследователя, успех властвующей элиты зависит от уровня владения сетевой медиакоммуникации, управления медиапространством и навыков работы в нем. Но стоит отметить, что в академическом смысле определение, что же такое «Сетевое общество», - отсутствует [2]. На это указывают: Л.А. Саенко и М.В. Егоров. Очевидно, что эта ситуация носит временный статус. Описать развитие современной информационной системы только лишь понятием «информационная» не возможно. На тенденции преобразования коммуникационных информационных систем в сетевые (Радиовещание вынуждено порождать подкаст) указывают такие исследователи медийных процессов, как: Ян Ван Дейк, М. Кастельс, А.В. Назарчук, О.Б. Давыдов. Последний утверждает, что стремительное развитие медиаструктур в обществе, обеспечивающее его медиатизацию на основе появления новейших технологий, во многом обусловило смену социальной парадигмы с индустриальной на сетевую коммуникационную. Соответственно и общество призывает определять как не просто информационное, а именно – сетевое[3]. Объясняя это еще и тем, что все основные социальные институты вынуждены иметь собственные площадки в сетевом коммуникационном пространстве. Наличие такой возможности обеспечивает эффективность их функциональности, проникая все глубже в повседневность и быт человека.

Научная новизна

Перед социумом открылись новые возможности интерактивных проявлений. Сетевая коммуникативная система приобретает новый статус - безбарьерной коммуникационной среды, принося в социум все возможные результаты подобных интеракций. Становится возможным выделить новые проявления медиасреды, которые оформляются как в положительные, так и в отрицательные тенденции. Возникает проблема управляемости сетевой медиакоммуникацией. и, как следствие, возникает проблема социальной безопасности. Последняя зависит от того, какие образы транслирует во внешнюю среду «сетевая паутина».

Методы исследования

Отсутствие должного объема теоретической базы изучения сетевого медиапространства предопределяет метод общенаучного подхода, метод обобщения накопленного эмпирического и профессионального опыта, метод описания явлений, происходящих в рассматриваемой среде, метод сравнительного анализа и экстраполяции полученных данных и имеющихся ранее научных изысканий в иных сферах к предмету нашего исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Для наиболее эффективного изложения нашей позиции относительно медиапространства мы будем пользоваться собственным определением, построенным на обобщенных данных анализа существующих концепций. Итак, **«Медиапространство – это среда для эффективного взаимодействия информационных структур, функционирование которой регламентировано технологическими возможностями и институциональными постулатами».**

Социальные сети или по-другому социальные медиа – это интернет-платформы, предназначенные для различных целей. С помощью них можно общаться, поддерживать контакт с другими, находить людей со схожими интересами и предпочтениями. Также социальные сети используются в целях работы, рекламы и развлечения. Социальные медиа стали важнейшим звеном сетевого коммуникативного пространства, так как именно в их рамках происходит межкультурное взаимодействие различных пользователей со всего мира. Согласно статистике, по состоянию интернета на 2021 год социальными сетями пользуются 4,2 миллиарда человек, тем самым составляя более 50% мирового населения [4].

Безусловно, социальные сети трансформировали современное медиапространство. Это связано с тем, что на данный момент медиасреда – это не просто сочетание различных каналов связи (радио, телевидение, пресса), с помощью которых мы получаем материалы о последних мировых событиях. Это целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды [5, 12]. И социальные сети играют важную роль в рамках данного высказывания. Социальные медиа, используя возможности интернет-коммуникации, преодолевая географические и политические барьеры, создают свободное, открытое пространство, где каждый может заявить о себе, поделиться личным жизненным опытом, творчеством, мнением об определенных событиях, ситуациями, которые произвели определенное впечатление, продвигать себя как собственный медиабренд.

Энтропийный характер диалектической динамики сетевого медиакоммуникационного пространства лишь

на первый взгляд демонстрирует хаотичность направлений развития системы в целом на первоначальном этапе. На самом деле энтропия выступает в качестве условия обретения большего количества новых сценариев. Одно проявление медиакоммуникативности, связываясь с другим, образуют медиаактивный конгломерат с присутствующими ему медийными целями и задачами. Так на первый взгляд выглядит генезис сетевой медиакоммуникации. В данном случае ризомность становится не просто разрозненной активностью, а условием к развитию. Термин «Ризома» введен в философию в 1976 году. Принцип ризомы выступил в качестве отличительного признака постмодернизма. «Она есть семиотическое звено как клубень, в котором спрессованы самые разнообразные виды деятельности - лингвистической, перцептивной, миметической, жестикуляционной, познавательной; самих по себе языка, его универсальности не существует, мы видим лишь состязание диалектов, говоров, жаргонов, специальных языков» [6, 31]. Так доступно на примере лингвистических структурных проявлений представили принцип ризомности в диалектической сущности любого процесса его основатели Ж. Деллез и Ф. Гваттари. По их мнению ризома обладает уникальной способностью проникать в чуждые диалектические цепи. При этом именно ризома обеспечивает условия для создания так называемых поперечных связей, на базе которых генерируются в социальном пространстве принципиально новые явления и социальные акции [7, 254].

Примечательно, что именно в ризомности мы наблюдаем истоки парадигмального переворота в отношении авторства («Смерть субъекта»; «Смерть автора»). Подобная установка постмодернистической парадигмы выступает в качестве условия развития ризомного характера произведений, а точнее – их структур [8, 384-391].

Оценивая ризомный характер развития любого процесса, необходимо понимать, что ризома – это не хаос. Это фиксированный диалектический постулат. По мнению авторов концепции «любая ризома включает в себя линии сегментарности, согласно которым она стратифицирована, территориализована, организована, означена, атрибутирована и т.д.; но также и линии детерриторизации, по которым она беспрестанно ускользает» [9, 16].

Вместе с тем авантюрный характер ризомной активности обеспечивает почти случайный успех. Задача сетевой медиакоммуникации – продуцирование как можно большего числа акторских проявлений. Большое количество сценариев, нелинейных, а поперечных связей, чаще всего, не запланированных, а стихийных, рискованных соединений, которые на основе синергетического ресурса порождают новые акторские проявления внутри сети. Происходит массивное нарастание «мочковатости корневища» или обеспечен «взрывной» характер развития сетевого медиакоммуникативного пространства.

Игровой характер диалектической сущности сетевой медиакоммуникации приводит к новому парадигмальному явлению, а точнее изменению концепции «Человек – коммуникатор», как образ современного человека, на «Человек играющий». Образ игры вбирает в себя множество функциональных значений, в том числе и «человек – мыслящий», «человек – успешный», «человек – коммуникатор» и т.д. Основоположник концепции Homo Ludens Йохан Хёйзинга предопределяя структурные возможности сетевой коммуникации, указывает на смену имиджа, которая возможна в игровом процессе. Актор получает возможность представить собой иное существо посредством надевания маски. При этом всевозможные эмоции и иллюзии присутствуют в этом процессе благодаря изменению имиджа. Й. Хёйзинга утверждает: «Суммируя, мы можем назвать игру с точки зрения формы некоей свободной деятельностью, которая осознается как ненастоящая, не связанная с обыденной жизнью и, тем не менее, могущая полностью захватить играющего; которая не обуславливается никакими ближайшими материальными интересами или доставляемой пользой; которая протекает в особо отведенном пространстве и времени, упорядоченно и в соответствии с определенными правилами и вызывает к жизни общественные объединения, стремящиеся окружать себя тайной или подчеркивать свою инаковость по отношению к обычному миру своеобразной одеждой и обликом» [10, 28].

При анализе функционирования сетевой медиакоммуникации удается выделить пять основных системных проявлений, которые отражают суть процессов «эстетизации», так же высвечивают проблему соблюдения этических норм в сетевом медиaprостранстве. Выделенные системные проявления носят функционально демонстрационные названия – это:

1. Синдром «безбарьерной среды»;
2. Синдром «пионера»;
3. Синдром «Симулякра»;
4. Синдром «моргенштерна»;
5. Синдром «мигрирующего образа».

По нашему мнению, представленные синдромы (системные проявления) в полной мере отражают диалектическую и онтологическую суть системы и требуют дальнейшего изучения и теоретического мониторинга с целью выявления дальнейших константных структур. Еще одно константное проявление, которое удалось установить в ходе анализа функционирования сетевой медиакоммуникации – признак «Дрогстора». Развиваясь в условиях общества потребления и ориентируясь на потребителя, сетевое медиакоммуникационное пространство должно отвечать основным требованиям потребителя. Соответственно обладать современным адекватным запросу аудитории образом или системой образов. Интересен в этой связи подход к анализу об-

раза сетевого медиапространства с точки зрения Ж. Бодрийяра, который при описании онтологической сути общества потребления прибегает к понятию «Дрогстор». Исследователь рассматривает его как новый коммерческий центр. Если представить сетевую медиакоммуникацию как урбанистический агломерат с присущими ему улицами, проспектами, переулками, вобравшими в себя всевозможные магазины. Киоски, бутики с наибольшим разнообразием ассортимента. И коммерческий центр уже не может быть представлен одним лишь центром сбыта определенной продукции. Его важность в единстве разнообразия предложений. В свете теории дрогстора один актер может быть представлен в различных образах, преследующих различные социальные цели. Производство различных образов способствует развитию не только перцептивной системы сетевой медиакоммуникации, но и ее синаптической способности. Образ актора с наличием все новых и новых проявлений способен аккумулировать вокруг собственных идей большое число новой аудитории. В результате наблюдается процесс «акторской семулакризации» (лат. Simulare – претворяться).

Анализируя причины и мотивы участия в процессах сетевого медиакоммуникационного пространства, мы обнаруживаем потребность ухода от актерской ответственности. Истоки этого процесса кроются в одном из онтологических принципов сетевой медиакоммуника-

ции – отсутствие институциональности! Это приводит коммуникатора к потребности изменить собственную личность. Закамуфлировать ее до неузнаваемости или создать новую виртуальную личность. Тем самым повлиять на собственный социальный статус и повысив его успешно войти в коммуникативное пространство под маской очередного героя, готового к производству целой серии сетевых интернет-подвигов. Срабатывает еще один мотивационный компонент: «не узнан – значит не наказан». В условиях дрогстора актерская семулакризация проявляет себя наиболее эффективно. Это значит, что находятся решения практически всех коммуникативных задач. Ж. Бодрийяр описывает дрогстор, как «... синтез изобилия и подсчета – это дрогстор. Дрогстор (или новый коммерческий центр) создает возможность связи различных форм потребительской деятельности, немаловажными из них являются шопинг, флирт с предметами, игровое блуждание и комбинирование возможностей. В этом качестве дрогстор является более характерным для современного потребления, чем большие магазины, где количественное скопление продуктов оставляет меньше места для игрового исследования, где освещение, расположение предметов навязывают более утилитарное продвижение и где сохраняется кое – что от той эпохи, когда они были рождены и когда происходило приобщение многочисленных классов к обычным предметам потребления» [11,294].

ЛИТЕРАТУРА

1. Одинцов А.В. Медиапространство в сетевом обществе: контуры новой властвующей элиты // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017, вып. 2. С. 167-171. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-167-171.
2. Саенко Л.А. Егоров М.В. Сетевое общество в контексте современных социальных трансформаций. // Дискуссия : политематический журн. науч. публикаций. 2014. №7 (48). С. 88-92.
3. Давыдов О.Б. Сетевое общество и его бытие // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №11, (31), 2013.
4. URL: Вся статистика интернета и соцсетей на 2021 год – цифры и тренды в мире и в России. <https://www.web-sapare.ru/> (дата обращения 4.04.2022)
5. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический проект, 2005. 448 с.
6. Делез Ж, Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодернизма /сост., ред. А. Усмановой. Минск. Красико-принт, 1996. – С. 6-31.
7. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения): INTRADA, 2001, 384 с.
8. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика/Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 615 с.
9. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург, М., 2010. – 895 с.
10. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий / Йохан Хейзинга ; [пер. с нидерл. Д.В. Сильверстова; коммент. Д.Э Харитоновича]. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 400 с. (Азбука-классика. Non-fiction).
11. Бодрийяр Ж. Общество потребления/Ж. Бодрийяр; [перевод с французского Е.А. Самарской]. – Москва : Издательство АСТ, 2021. – 384 с.

© Божедаров Дмитрий Александрович (db13@rambler.ru), Рузманов Артём Александрович (artomruzmanov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТАФИЗИКА ИДЕНТИЧНОСТИ НА ФОНЕ «ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА». ФИЛОСОФЫ И ПОЛИТИКИ О СУДЬБАХ ЕВРОПЫ В 20 ВЕКЕ

Бросова Наталья Зиновьевна

Профессор, НИУ «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
n.brosova@yandex.ru

METAPHYSICS OF IDENTITY AGAINST THE BACKDROP OF THE "IRON CURTAIN". PHILOSOPHERS AND POLITICIANS ABOUT THE FATE OF EUROPE IN THE 20TH CENTURY

N. Brosova

Summary: The article analyzes the problem of European social and cultural identity in the 20th century; The phenomenon of the "Iron Curtain" is considered as the context of the problem. The "Iron Curtain" is a famous metaphor for a unique political situation, a characteristic of a historical period, and an effective factor in the (self-)determination of post-war Europe and the Western world. The concepts of M. Heidegger and W. Churchill demonstrate the complex dialectic of the relationship between philosophical understanding and political analysis of the situation. The author of the article shows that the perspectives of the democratic foundations of the West are implicitly substantiated by the universality of the metaphysical question regarding its own essence. It is also noted that the discourse of the identity of the Iron Curtain era remains relevant in the context of modern sociocultural conflicts.

Keywords: "Iron Curtain", social and cultural identity, the Western World, W. Churchill, M. Heidegger.

Аннотация: В статье анализируется проблема европейской социальной и культурной идентичности в 20 в.; в качестве контекста проблемы рассматривается феномен «железного занавеса». «Железный занавес» (iron curtain) – известная метафора уникальной политической конъюнктуры, характеристика исторического периода, а также действенный фактор (само)определения послевоенной Европы и западного мира. Концепции М. Хайдеггера и У. Черчилля демонстрируют сложную диалектику взаимосвязи философского осмысления и политического анализа ситуации. Автор статьи показывает, что конкретные перспективы демократических оснований Запада неявно фундированы универсальностью метафизического вопроса относительно собственной сущности. Также отмечается, что дискурс идентичности эпохи железного занавеса сохраняет актуальность в условиях современных социокультурных коллизий.

Ключевые слова: «железный занавес», социальная и культурная идентичность, западный мир, У. Черчилль, М. Хайдеггер.

Вопрос, который на заре христианской Европы сформулировал Августин в «Исповеди» – кто я и что? – проходит через всю историю европейского духа вплоть до настоящего времени. Изначально предельно широкая религиозно-метафизическая постановка этого вопроса давала возможность различным смысловым вариациям, выходящим на первый план в ту или иную эпоху. Современность с ее социокультурными и политическими катаклизмами, противоречивыми процессами глобализации, явила множество новых акцентов проблемы идентичности. При этом стоит заметить, что ее метафизико-теологическое измерение сохранило свою значимость, несмотря на явную тенденцию секуляризации общественной жизни — достаточно вспомнить бурные теологические дискуссии начала 20 в.: католических модернистов и антимодернистов, протестантских диалектических теологов, обсуждение идеи экуменизма, или уже послевоенный напряженный дискурс II Ватиканского собора, где решался принципиальный вопрос, как должна позиционировать себя католическая церковь в условиях второй половины 20 века. Иными словами: как

сохранить свою сущность, изменяясь в соответствии с историческими обстоятельствами.

Подобная задача, только в своеобразном ракурсе, проявилась перед западноевропейским (и не только) миром после второй мировой войны — народы, культура, политика должны были стать другими, оставшись при этом собой. Наряду с распадом колониальной системы важную роль в планетарной социокультурной трансформации сыграл феномен «железного занавеса», получивший концептуальный импульс в известной Фултонской речи У. Черчилля, но содержательно обозначившийся гораздо раньше.

Следует подчеркнуть, что «железный занавес» (Iron Curtain) – известное образное выражение, ёмкая метафора уникальной политической конъюнктуры, характеристика исторического периода, а также действенный фактор (само)определения послевоенной Европы и западного мира. Концепции двух известнейших фигур этого времени, Уинстона Черчилля и Мартина Хайдеггера, демонстрируют сложную диалектику взаимосвязи фило-

софского осмысления и политического анализа ситуации. Специфическая перекличка их идей показывает, что конкретные перспективы демократических оснований Запада неявно фундированы универсальностью метафизического вопрошания относительно собственной сущности.

Специфическое *credo* индивидуальной жизненной позиции У. Черчилль обозначил в выступлении перед учениками Harrow School 29 октября 1941 г. (которую в свое время закончил сам); важно, что сформулированная установка характеризует как личностно-экзистенциальный, так и житейски-профессиональный, в том числе, политический аспекты. «Никогда не сдавайтесь! Никогда не уступайте! Никогда-никогда-никогда – ни в чем: ни в великом, ни в ничтожном, ни в большом, ни в малом, – если только честь и здравый смысл не велят вам поступить иначе». Здесь замечательно не только внутреннее единство обеих на первый взгляд противоречащих друг другу частей высказывания, но и ключевая роль момента самоопределения, поскольку «честь и здравый смысл» уникальны в каждом человеке, позволяя ему — при должном внимании — сохранять свою самость на различных жизненных этапах. Вместе с тем, данное утверждение с полным правом можно считать манифестом западного социума в целом, настроенного на рационализированную экспансию и самообновление знания, деятельности, коммуникации, впечатлений, собственной психофизиологии и т.д., при подчеркнутой рефлексии относительно собственной сущности.

Базовым элементом личностной идентичности Черчилль считал язык — и в этом пункте присоединялся к широкому идейному мейнстриму западной традиции, получившей в 20 веке новый импульс. Можно сказать, что «языковой поворот», который обычно соотносят с идеями позднего Витгенштейна, гадамеровской герменевтикой, работами структуралистов, артикулировался уже в начале 20 века помимо прочего также резонансными переводами Библии на современные европейские языки. Для Черчилля, с самого начала избравшего публичность своим профессиональным измерением, такая трактовка языка была само собой разумеющейся; еще в 1908 году, выступая в Писательском клубе Лондона, он утверждал: «Слово – освободитель человека и наций». [1, 13]

Неудивительно, что через несколько десятилетий политик, общественный деятель, писатель и в скором будущем лауреат Нобелевской премии по литературе сохранил интерпретацию и приоритет феномена языка

В Фултонской речи (1946) Черчилль формулирует си-

туацию артикулированного разграничения, выраженной дифференциации, противопоставления как проявления нового расклада социально-политических идентичностей. «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, через весь континент, был опущен «железный занавес». За этой линией располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София, все эти знаменитые города с населением вокруг них находятся в том, что я должен назвать советской сферой, и все они, в той или иной форме, объекты не только советского влияния, но и очень высокого, а в некоторых случаях и растущего контроля со стороны Москвы...» [1, 170].

В самоопределении этих противостоящих идентичностей язык продолжает оставаться основой, — поэтому Черчилль высказывается за консолидацию, прежде всего, англоязычных стран, образующих специфический социально-политический и общекультурный континуум. Ведь не только победа во Второй мировой войне была бы невозможна без тесного взаимодействия англоговорящих стран, но и успешное противостояние тоталитарному противнику в ситуации «железного занавеса» требует на перспективу сотрудничества, прежде всего, родственных по языку, следовательно, по духу народов и стран. Культурная и личностная идентичность артикулируется, по Черчиллю, прежде всего, посредством языка, хотя, разумеется, он — не единственный фактор самоопределения индивидуумов и народов. Нельзя не признать проницательности концептуальных наметок Черчилля: несмотря на несомненную амбивалентность, внутреннюю противоречивость этого пространства, оно продолжает поддерживать собственный *status quo*, например, обозначая себя через современную теорию англосферы.¹

М. Хайдеггер рассматривал вопрос внутренней сути человека, его «идентичности»² с самого начала в специфическом философско-квaziтеологическом горизонте; при этом феномен языка, речи, Слова также оказывался принципиально важным. Вводя в «Бытии и времени» (1925) фундаментальное различие двух измерений человеческой самости, «Dasein» versus «das Man», философ предвосхищал более поздние популярные идеи «плоского», «одномерного» человека в нивелирующем любую личность современном буржуазном обществе. Хотя следует заметить, что в это же время социальный фрейдизм уже исследовал феномен «толпы» и трансформацию поведения человека в толпе, принимая во внимание зреющие в тогдашней Европе социально-политические процессы. Хайдеггер же проводил свои экспликации на примерах академической среды. Вместе с тем, именно философ-

1 Известно, что практика не подтверждает и не опровергает теорию, однако относительно недавняя коллизия с австралийско-французским контрактом на поставку подводных лодок напоминает об идеях Черчилля, — если рассматривать ситуацию всерьез, а не пользоваться расхожим мнением, что Америка управляет всем миром.

2 Философ никогда не использовал данный термин, хотя уделял много внимания осмыслению именно этой проблемы.

ско-теологический ракурс позволял ему говорить о человеке как таковом, в том числе, о современном человеке, которому предоставлено личностное уникальное бытие – Dasein, – но который чаще выбирает существование в качестве усредненной обезличенности, Man [10, 126].

Оба измерения находят выражение в соответственно различающихся языковых ипостасях: «Язык», (die Sprache), которым изъясняется подлинное бытие человека, и «Болтовня» (das Gerede), которой пользуется человеческая посредственность любого уровня и квалификации. [10, 167]

И М. Хайдеггер, и У. Черчилль не закрывают возможности выхода к собственной самости в случае несобственного языкового пространства; английский язык, чуждая культура, у/освоенные доминионами и протекторатами, могут стимулировать активность национального самосознания, а «болтовня» может в известный момент подтолкнуть к упомянутому выше августиновскому вопросу (кстати, Августин описывает в «Исповеди» как раз такое обстоятельство).

Подлинное вопрошание о своей самости оказывается, по Хайдеггеру, константой человеческого бытия, можно сказать, его ядром, тогда как периодически даваемые ответы априори не полны, хоть и конкретны, а, значит, неверны. Характерным примером может послужить собственная позиция философа по вопросу национальной идентичности, которую он занял в 30-е годы, и которая в ряде моментов осталась для него значимой в дальнейшем. П. Травни подчеркивал, что на формирование хайдеггеровского отношения к национал-социализму и вопросу самости большое влияние оказал Эрнст Юнгер с его работами «Die totale Mobilmachung» (1930) и «Der Arbeiter» (1932). Юнгер характеризовал особенность немецкой природы через «тотальность» и «техничность», выявляющие социальное «мы», которое представляет настоящих немцев. [13, 212-213] При национал-социализме М. Хайдеггер на какое-то время включается в идеологическую и партийную деятельность, видя в них как раз проявления подлинного национального духа и характера. Вместе с тем, в 1933 г. он пишет доклад «Der deutscher Student als Arbeiter», где переосмысливает феномен техники; она не выводит человека к собственной идентичности, скорее, маскирует, деформирует ее. Этот вектор уже указывает на будущие послевоенные работы, в том числе, «Письмо о гуманизме» (1946), где Хайдеггер формулирует ряд важных перспективных положений, касающихся проблемы сущности (идентичности) человека и ситуации в мире.

Достаточно последовательно и весьма провокативно Хайдеггер трактует гуманизм исходя из этимологии как целенаправленное акцентуирование человеческой конкретности и замыкание на ней. При таком фактическом обожевлении современного технократического человека, антрополатрии, утрачивается истинная система

смысловых координат, происходит «забвение Бытия», и гуманизм, где человек предоставлен лишь себе и своим техническим изобретениям, оказывается подлинной причиной всех катастроф XX века. Выход из данной ситуации возможен на том же самом пути вопрошания о собственной самости, а оно, в свою очередь, нуждается во внимании к языку, поскольку «язык – дом Бытия». [8, 145]

Подобный критический настрой относительно всего западного идейно-философского наследия поспособствовал избирательному вниманию мыслителя к восточным духовным традициям. О. Пёггелер отмечает: в послевоенное время Хайдеггер полагал, что именно в России (которую он воспринимал через призму произведений Достоевского), а не в Соединенных Штатах, возможны перспективы проявления подлинного онтологического осмысления, и соответственно, настоящего образца идентичности. [11, 380-381]

Специфический аспект темы идентичности на фоне послевоенной ситуации обозначил Карл Ясперс, коллега и оппонент Хайдеггера. Он обратился к вопросу коллективной национальной вины и ответственности за произошедшие мировые события. Осмысление этих вины и ответственности будет способствовать самосознанию каждой личности и пониманию диалектического единства ее двух измерений: общечеловеческого и национального. В этом плане у немцев оказывается особое место среди народов. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что философско-политическую концепцию Ясперса необходимо рассматривать в контексте метафизико-теологических аллюзий, учитывая его ключевую идею интеграции веры и философской мысли. Соответственно, ясперсовская конкретная «немецкая вина» варьирует библейский концепт греховности человечества и бесчисленные примеры вины разных народов.

Разумеется, современность привносит в этот концепт свои коррективы, которые, по убеждению философа, заключаются в серьезном, ответственном отношении к мысли, рефлексии, пониманию. Такая ответственность становится в нынешних обстоятельствах тяжелым духовным испытанием, которое необходимо пройти для понимания собственной коллективной и индивидуальной сущности: «Общее у нас, немцев, сегодня в основном, пожалуй, лишь негативно: принадлежность к населению полностью побежденного государства, отсутствие общей, всех нас соединяющей почвы... Общее у нас — разобщенность...» и, далее: «...у нас такое ощущение, будто мы пришли из разных миров. Однако, все мы говорим на немецком языке, и все родились в этой стране, и здесь наша родина...» [4, 10-11]. И здесь философ уточняет: «Только церковная или трансцендентно обоснованная философская вера может выдержать все эти катастрофы...» [4, 13].

Анализируя вопрос подробно, Ясперс выделяет че-

тыре вида виновности: уголовную, политическую, моральную и метафизическую, сосредоточиваясь на двух последних. При ближайшем рассмотрении все они выступают взаимоконвертируемыми феноменами подобно христианскому принципу соотношения блага и бытия, но именно моральная и метафизическая аутентичны самопониманию, которое указывает на путь к Богу. «Есть такая солидарность между людьми как таковыми, которая делает каждого тоже ответственным за всякое зло, за всякую несправедливость в мире, особенно за преступления, совершаемые в его присутствии или с его ведома. Если я не делаю, что могу, чтобы предотвратить их, я тоже виновен» [4, 19]. В соответствии с этим философ поясняет status quo современной немецкой идентичности: «Мы, немцы, все без исключения, действительно обязаны иметь ясность в вопросе нашей виновности и сделать из этого выводы.... Уже то, что думает о нас мир не должно быть для нас безразлично; ибо мы знаем, что составляем часть человечества, мы сначала люди, а потом немцы. Вопрос виновности – это еще в большей мере, чем вопрос других к нам, наш вопрос к самим себе. От того, как мы ответим на него в глубине души, зависит наше теперешнее мировосприятие и самосознание. Это вопрос жизни для немецкой души. Только через него может произойти поворот, который приведет нас к обновлению нашей сути³. Когда нас объявляют виновными победители, это имеет серьезнейшие последствия для нашего существования, носит политический характер, но не помогает нам в самом важном – совершить внутренний поворот... Философия и богословие призваны осветить глубину вопроса виновности» [4, 16].

Идеи, высказанные в переломную эпоху недавнего, но уже прошлого столетия, оказываются во многом созвучными современным событиям и возникающим вопросам. Это относится и к более чем неоднозначной фигуре М. Хайдеггера, наследие которого, как отмечают исследователи, обнаруживает своего рода «красную идейную нить», способствующую его рецепциям «в интернациональном масштабе». Так А.-А. Зельтер пишет о хайдеггеровской радикальной критике культуры, которая осуществляется в широком горизонте метафизико-философской рефлексии с выводами на конкретные обстоятельства: от «отчуждения» в социальном пространстве до «опустынивания» («Verwüstung») в ходе разворачивающегося процесса захватывания человеком всего земного шара («Planetarismus»). Лейтмотивом хайдеггеровского учения становится катастрофичность образа жизни человека как такового, когда он реализует свою «неправильную» идентичность. Автор связывает этот культуркритицистский радикализм Хайдеггера не только с трендом современности (кстати, сходные мысли высказывались Ясперсом в работе «Духовная ситуация времени», 1932), но и с «катастрофически ошибочными оценками политической ситуации и ее тенденций». Именно эти моменты требуют аргументированных обсуждений, поскольку задействуются в дискуссиях нынешних политических феноменов – Новых правых, популизма; а в этих дискуссиях осуществляется «реактуализация хайдеггеровских мотивов идентичности как конфликтного вопроса, этнической гомогенности как целеполагания, дезавуирования медиальной публичности» [12, 203].

ЛИТЕРАТУРА

1. Черчилль У.С. Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. М.: Альпина нон-фикшн. 2014. - 644 с.
2. Черчилль У.С. Рождение Британии. М.: Русич, 2003. - 512 с.
3. Черчилль У.С. Вторая мировая война. В 3 тт. (пер. на русский). М.: Альпина нон-фикшн. 2010.
4. Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. Пер. с нем. С. Апта. М.: Прогресс. 1999. - 146 с.
5. Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасности. Шансы. Пер. с нем. М.: Международные отношения. 1969. - 225 с.
6. Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. Vom Ereignis. GA Bd. 65. Fr/München: Klostermann. 1994.
7. Heidegger M. Die Geschichte des Seyns. GA Bd. 69. Fr/München: Klostermann. 1998.
8. Heidegger M. Brief über den «Humanismus». // Heidegger M. Wegmarken. Fr.a.M: Klostermann. 1967.
9. Heidegger M. Schwarze Hefte. GA Bd. 94-95-96. Fr/München: Klostermann. 2014.
10. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen. Max Niemeyer Verlag. 1967. S. 438.
11. Pöggeler O. Ethik und Politik bei Heidegger. // Heidegger-Jahrbuch 5. Heidegger und der National-Sozialismus. Dokumente. Fr./München. 2009. S. 371-382.
12. Sölter A.-A. «Und das jetzige Menschentum verschwindet». Heideggers kulturkritische Diagnose des gegenwertigen Zeitalters in den Schwarzen Heften // Heidegger-Jahrbuch 12. Jenseits von Polemik und Apologie. Die «Schwarzen Hefte» in der Diskussion. Fr./München. 2020. S. 171-205.
13. Trawny P. Was ist «Deutschland»? Ernst Jüngers Bedeutung für Martin Heideggers Stellung zum Nationalsozialismus. // Heidegger-Jahrbuch 5. Heidegger und der National-Sozialismus. Dokumente. Fr./München. 2009. S. 209-234.

© Бросова Наталья Зиновьевна (n.brosova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

3 Аллюзия на новозаветный сюжет о пути в Дамаск - μετάνοια апостола Павла.

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ XX ВЕКА КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТИ НОВОГО ЭКОЛОГИЧЕСКИ-ПРАВСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF CHINA'S ECOLOGICAL CULTURE OF THE XX CENTURY AS AN INTEGRAL PART OF A NEW ECOLOGICAL AND MORAL SOCIETY

M. Varakina
E. Trofimova
T. Bobykina

Summary: Being a model of successful economic transformations, modern China is coming close to understanding that in order to effectively implement environmental tasks, it is necessary to create an ecological culture, because. A person who has mastered an ecological culture forms the ability to measure his existence and needs with natural possibilities. The task of today, facing Chinese scientists, is, first of all, the formation of a deep holistic vision of man in his unity with culture and nature; vision adequate to the current situation and able to give a clear prognostic situation. A necessary condition for such a vision is a new ecological culture. It is based on the concept of harmony between man and nature, fixed in such religious and philosophical teachings as Taoism and Confucianism, the generation and embodiment of all the spiritual experience of the previous national civilization. The ecological culture of Chinese society, being one of the manifestations of culture in general, covering the sphere of relations between man, society and nature, determining the possibilities of man in creating the noosphere, is distinguished by its diversity and richness of content. The diversity and richness of ecological culture requires a deep and comprehensive study of the ecological traditions of various peoples. In this regard, the analysis of China's ecological culture, oriented towards a humane approach to solving environmental problems, is of great importance. The future of China is impossible without a new understanding of the components of ecological traditional culture, and on this basis, the formation of a national idea of ecological culture in a new modernized version, which has the above goal. But the process of forming such a culture is extremely complex. It includes the processes of transformation and socio-cultural actualization based on the knowledge and moral creation of a person as a natural link in the evolution of the "man – nature – society" system. The modern spiritual world of Chinese civilization is no longer isolated and closed in its principles. The mutual influence of cultures is now acquiring a new quality, influencing the process of formation of the general life orientations of people, which are dictated by the change in the conditions of their existence. New priorities and values, where the cultural and ecological tradition occupies one of the leading places, impose new requirements on social thinking, which objectively pushes for a rethinking of the very phenomenon of culture in the concept of modern trends in the social and spiritual progress of the Chinese nation. The formation of ecological culture is a complex and multifaceted process.

Варакина Маргарита Игоревна

*К.ф.н., профессор, Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва
margo3535@yandex.ru*

Трофимова Елизавета Сергеевна

*преподаватель, Российский университет дружбы
народов, г. Москва
trofimova.elizavetta@yandex.ru*

Бобыкина Татьяна Александровна

*Аспирант, Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королёва
tatyanaoboykina2016@mail.ru*

Аннотация: Будучи моделью успешных экономических преобразований, современный Китай вплотную подходит к пониманию того, что для достаточно эффективной реализации экологических задач необходимо создание экологической культуры, т.к. человек, овладевший экологической культурой, формирует способность соизмерять свои существование и потребности с природными возможностями. Задача сегодняшнего времени, стоящая перед китайскими учеными – это, прежде всего, формирование глубокого целостного видения человека в его единстве с культурой и природой; видения, адекватного сложившейся ситуации и способного дать четкую прогностическую ситуацию. Необходимым условием такого видения является новая экологическая культура. В ее основе лежит концепция гармонии человека и природы, зафиксированная в таких религиозно-философских учениях, как даосизм и конфуцианство, порождению и воплощению всего духовного опыта предшествующей национальной цивилизации. Экологическая культура китайского общества, будучи одним из проявлений культуры вообще, охватывающей собой сферу отношений человека, общества к природе, определяя возможности человека в создании ноосферы, отличается многообразием и богатством содержания. Многообразие и богатство экологической культуры требует глубокого и всестороннего изучения экологических традиций различных народов. В этой связи, важное значение, имеет анализ экологической культуры Китая, ориентированной на гуманный подход в решении экологических проблем. Будущее Китая невозможно без нового осмысления компонентов экологической традиционной культуры, и на этой основе формирования национальной идеи экологической культуры в новом модернизированном варианте, имеющей вышеуказанную цель. Но процесс формирования такой культуры чрезвычайно сложен. Он включает в себя процессы трансформации и социокультурной актуализации на основе познания и нравственного созидания человека как естественного природного звена в эволюции системы «человек – природа – общество». Современный духовный мир китайской цивилизации уже не является обособленно-замкнутым в своих принципах. Взаимовлияние культур ныне обретает новое качество, оказывая воздействие на процесс становления общих жизненных ориентаций людей, которые диктуются изменением условий их бытия. Новые приоритеты и ценностные установки, где культурно-экологическая традиция занимает одно из ведущих мест, предъявляют новые требования к социальному мышлению, что объективно подталкивает к переосмыслению самого феномена

Its necessary condition is the awareness of the social conditionality of man and nature.

Keywords: ecological culture, Confucianism, Taoism, Chinese philosophy, spiritual culture.

Следуя по пути комплексного реформирования Китая, руководство страны, в настоящее время, направляет главные усилия на подъем экономики страны, на создание наиболее благоприятных внутренних и внешних условий для социально-экономического развития в интересах своего народа, что невозможно без государственного регулирования решения проблемы взаимоотношений общества и природы. Официальный Пекин исходит из того, что стабильное и позитивное решение экологической проблемы является важнейшим фактором обеспечения безопасности в глобальном и региональном масштабах. Основные принципы этого решения строятся на здоровом рациональном фундаменте с учетом идеологического и культурного компонента.

Говоря о трансформации экологической культуры Китая, прежде всего, следует рассмотреть понятие экологической культуры в западном представлении и конфуцианстве.

Большинство исследователей, обращаясь к понятию экологической культуры и рассматривая последнюю с какой-либо из ее сторон, дают определения, которые не имеют существенных расхождений. Так, А.Н. Кочергин считает, что "Экологическая культура – это определенная программа, опредмеченная в деятельности, на основании которой субъект строит свой исторически конкретный процесс взаимоотношения с природой" [12, С.58-59].

Согласно определению С.Н. Глазычева, экологическая культура – это «совокупность духовных ценностей, принципов правовых норм и потребностей, обеспечивающих оптимизацию взаимоотношений общества и природы. Экологическая культура становится социокультурным феноменом, обладающим своей структурой, языками (наука, искусство, религия); специфическим пространством – временем» [4, с.11].

Э.В. Гирусов, рассматривая экологическую культуру, отмечает, что это "совокупность материальных и духовных ценностей общества, а также способов деятельности, направленных на обеспечение сохранения природной среды" [3, с. 17].

Если культура вообще представляет собой способ

культуры в понятии современных тенденций социального и духовного прогресса китайской нации. Формирование экологической культуры – сложный и многоплановый процесс. Его необходимым условием является осознание социальной обусловленности человека и природы.

Ключевые слова: экологическая культура, конфуцианство, даосизм, философия Китая, духовная культура.

социального развития, определяющий, каким образом люди с помощью материальных и духовных средств обеспечивают свое сохранение и развитие, то экологическая культура – это способ согласованного социоприродного развития общества, при котором обеспечивается сохранение и улучшение природной среды. Сущностью экологической культуры является, совмещение социального с природным, их единство. В китайской философской традиции, заложившей основы экологической культуры Китая, мотив соучастия человека и природы в единой метаморфозе мира был важнейшим. Конфуцианская экологическая культура есть способ соединения человека с природой, как бы примирения его с ней на основе более глубокого ее познания и понимания.

Экологическая культура китайского общества, будучи одним из проявлений культуры вообще, охватывающей собой сферу отношений человека, общества к природе, определяя возможности человека в создании ноосферы, отличается многообразием и богатством содержания.

Многообразие и богатство экологической культуры требует глубокого и всестороннего изучения экологических традиций различных народов. В этой связи, важное значение, имеет анализ экологической культуры Китая, ориентированной на гуманный подход в решении экологических проблем. Говоря о культуре Китая, где экологическая культура занимает одно из важнейших мест, К.И. Шилин указывает на то, что китайская культура представляет собою фундаментальную основу для перехода от дисгармонично-катастрофичной современной реальности (неявно утверждаемой философией) к гармоничному будущему Китая, России, мира [35, с.57].

Будущее Китая невозможно без нового осмысления компонентов экологической традиционной культуры, и на этой основе формирования национальной идеи экологической культуры в новом модернизированном варианте, имеющей вышеуказанную цель. Но процесс формирования такой культуры чрезвычайно сложен. Он включает в себя процессы трансформации и социокультурной актуализации на основе познания и нравственного созидания человека как естественного природного звена в эволюции системы «человек – природа – общество». Именно эта проблема обсуждалась в 1990г. в Китае

на международной конференции, проводимой ЮНЕСКО.

На конференции было неоднократно отмечено, что поиск путей становления экологической культуры не может быть эффективен без обращения к традиционным философским учениям, а именно, к конфуцианской этике.

В центре конфуцианского учения – человек и все его многообразные связи с миром. И если в даосской традиции преобладает натуралистическая версия «единства человека и Неба», то в конфуцианской традиции эта версия носит ярко выраженный морально-этический характер.

Конфуцианцы делали акцент на групповых ценностях, считая их важнейшим средством и критерием воспитания идеальной личности. Конфуций призывал исходить из интересов народа. Мэн-цзы писал, что государство гибнет, если все стремятся к индивидуальным ценностям, и процветает, если преобладает стремление к ценностям групповым, если господствует единство интересов. Если возникает конфликт индивидуальных и групповых ценностей, необходимо жертвовать первыми ради последних. Сюнь-цзы замечал, что человек, уступая быку в силе, а коню в резвости, тем не менее, их превосходит, главным образом, благодаря своей способности жить и действовать группой» [34, с.23].

В конфуцианстве отношение человека к природе проявляется в опосредованном отношении людей друг к другу.

В центре эколого-этической системы конфуцианства – общественный человек, приверженец экологически морального поведения.

Анализируя отношения человека с обществом и природой в конфуцианстве, возможно предположить, что экологически-моральное поведение, с точки зрения конфуцианцев, это не пассивно-созерцательное отношение человека к природе, а творчески-преобразующее, которое направлено на выявление производительных свойств вещества природы, их практическое использование и воспроизводство в качестве необходимого условия человеческой жизнедеятельности.

Между доктринами Конфуция и Лао-цзы существовали определенные различия, однако их нельзя назвать глубокими.

По мнению самих китайских ученых, «китайцы не придавали большого значения очевидным противоречиям между доктринами различных школ возможно потому, что на практике они убедились, что самое мудрое решение более сложное и гибкое, чем может предложить любая доктрина» [33, с.28].

И. Фуцунань пишет, что в истории Китая следует видеть две культуры, различающиеся в экологических аспектах. Одна широко освещается в литературе и представлена в философии, поэзии и искусстве, но столь же реальна и другая культура – «горы, где вырублены леса, засоренные потоки, переполненные города и политические интриги». Средний» китаец, по мнению И. Фуцунаня, не знал даосизма, а обыденная культура масс требовала приземленного быта, практических культов и потребительского утилитаризма. В целом китайское общество в процессе своего развития нанесло окружающей среде значительный вред.

Чем же импонирует конфуцианство китайскому руководству? Прежде всего тем, что позволяет сочетать рыночную экономику с доминирующей ролью государства в хозяйственной жизни и высокой социально-политической дисциплиной, централизмом, а также ориентирует на социальный мир, гармонию и экологическое единство с природой. В своем мироощущении китайцы ставят природу выше искусства и всегда стремятся подчеркнуть ее естественную красоту, не навязывая ей при этом свою волю.

«Конфуцианство проповедует примат государства и общества над личностью, послушание властям, приоритет эколого-коллективистских ценностей, упорный труд, учебу и культ знаний. Высшая добродетель – «сыновья почтительность и почитание старшего брата» (сяо ти) предусматривает перенесение норм внутрисемейных отношений на социальную общность в целом, основой управления которой служат «нормы благопристойности» и достижение устойчивости общественного порядка и «доверия (линь) народа по отношению к государю и государству». Они призывали научиться «управлять Поднебесной» в соответствии с естественным законом развития «дао». А для этого необходимо было научиться управлять собой, соблюдая принципы «срединности» [1, с.304].

В воззрениях крупных китайских политических деятелей, сыгравших ключевую роль в выработке стратегии страны, особенно в той ее части, где используется традиционная философия и политическая мысль, роль «конфуцианского пласта» особенно велика.

Анализируя и сопоставляя воззрение Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, М.Л. Титаренко вскрывает «конфуцианский пласт» в теории последнего. Он пишет, что в процессе китаизации идеи социализма Дэн Сяопин активно дополняет свою теорию социально-этическими идеями Конфуция (о доверии и взаимном долге между верхами и низами, почитании старших, важности заботы о благоденствии народа, дисциплине, справедливости и т.д.).

«Императорская система и последовавшие за ней государственные структуры реализовывали лишь те идеи

и концепции, которые нужны были им для успешного и долговременного функционирования. Таким образом, Китай и по сей день обладает ценной национальной кладовой, духовные и интеллектуальные потенциалы которой еще далеко не исчерпаны. И это дает возможность потомкам черпать здесь не только идеи, знаковые термины, но и давать им свою трактовку, необходимую конкретному деятелю для обоснования своей теории – такова специфика политической культуры, где ссылка на древность всегда была весомым аргументом. Подчас наследнику цивилизации достаточно было лишь упомянуть имя древнего философа, либо обратиться с собственной трактовкой к знаковому термину, и для тех, кто вырос в данном культурном пространстве, становится понятной его политическая позиция. Основу такой культурной традиции заложил сам Конфуций” [24, с.122].

Принцип “пренебрежения выгодой”, доводимый до абсурда, наносил многим императорским династиям заметный экономический и экологический ущерб. Для социалистической духовной цивилизации отрицание материальной стороны жизни уже неприемлемо. Поэтому долг и выгода должны прийти к единству, к разумному сочетанию “и” и “ли”. Для этого Китаю необходимо было вырваться из культурной изоляции, где он оказался благодаря “великой пролетарской культурной революции”, мобилизовать национальные и духовные ресурсы.

А для этого необходимо было, прежде всего, вернуть стране утраченное право на конфуцианское наследие. И Дэн Сяопин возвращает страну в Конфуцианский культурный пласт.

Во время заключительной беседы с делегатами конференции, посвященной 2550-й годовщине со дня рождения Конфуция. в зале Народных представителей член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Председатель НПКСК Ли Жуйхуань в ответ на вопрос: “Как Вы оцениваете конфуцианство?”, сказал, что конфуцианство является одним из важнейших элементов китайской духовной традиции [24, с.122].

Важнейшей особенностью социалистической духовной цивилизации является то, что традиционный эколого-этический принцип вновь становится абсолютным критерием ценности: “Во всех действиях руководиться нравственностью”, “Нет преступления большего, чем не иметь Дао, нет вины более глубокой, чем не иметь Дэ” [20, с.312].

Ряд фундаментальных особенностей китайской цивилизации, а именно, “стремление к социальной гармонизации, дух созидательности, этническая гомогенность населения и высокая этническая сплоченность ханьцев, высокая адаптивность и способность к “перевариванию” иностранного опыта”, несомненно, позитивно способству-

ет созданию новой национальной духовной культуры.

“И создавая новую национальную духовную культуру, Китай должен осваивать не только все прогрессивное, что заложено в культуре Запада. Создание должно происходить на основе переосмысления своих традиций, творческого преобразования их, использования при- сущего им положительного потенциала в комплексном реформировании китайского общества” [19, с.138].

Если пренебрежение материальной стороной жизни ведет к падению нравов, то излишний меркантилизм приводит к духовному обнищанию. В истории китайской мысли “и” (долг) стал одной из основных категорий, в которую различные философы вкладывали разное содержание. Но наиболее распространено толкование, которое давали ему конфуцианцы, считавшие, что “и” – это главное, что отличает человека от животного.

Чувство долга и принцип всеобщего равенства, очень долго существовавший в Китае, влиял на сознание нации, приучая народ бережно и рационально относиться к природным ресурсам. В Китае говорят: “мы едим зерно, выращенное нашими предками, и обрекаем наших потомков на бедную жизнь”.

Для ценностной ориентации китайской экологии характерно “выполнение долга, пренебрежение выгодой”.

Слова ханьского философа Дун Чжуншу, что “добродетельный человек исправляет свои чувства, а не помышляет о выгоде, познает свой путь, а не считает заслуги” [9, с.314], могут и сегодня считаться основой китайской системы экологических ценностей, где проблема равновесия человека и биосферы, проблема сохранения природы занимает основное место.

В контексте философии китайских ученых, в частности, философии Чжуан-цзы, в человеке “как в свирели из бамбука звучит сама природа, на которую человек откликается не намеренно, а как бы непроизвольно, точно эхо” [10, с.289].

Социально-экологические взгляды, идеи и концепции философов древности становятся органической частью современной культуры и философии Китая, где в настоящее время рассматриваются многочисленные проблемы, выходящие за пределы абстрактной философской теории и непосредственно смыкающиеся с рыночной практикой бытия конфуцианской цивилизации.

Современный духовный мир китайской цивилизации уже не является обособленно-замкнутым в своих принципах. Взаимовлияние культур ныне обретает новое качество, оказывая воздействие на процесс становления общих жизненных ориентаций людей, которые дикту-

ются изменением условий их бытия. Новые приоритеты и ценностные установки, где культурно-экологическая традиция занимает одно из ведущих мест, предъявляют новые требования к социальному мышлению, что объективно подталкивает к переосмыслению самого феномена культуры в понятии современных тенденций социального и духовного прогресса китайской нации.

В настоящее время китайское руководство ведет речь о месте и роли духовной сферы в достижении качественно-нового состояния китайского общества, где китайская экология займет достойное место. Принципиально важно, что все эти вопросы рассматриваются в Пекине не просто параллельно с главными, стратегическими задачами социально-экономического развития страны, а как их неотъемлемые аспекты. Это подчеркивает неразрывное единство культуры материальной и духовной, тесное взаимодействие различных факторов духовной жизни, пристальное внимание ко всем сферам жизни общества, к ценностным установкам экологического развития.

Перед Пекинским руководством стоит объективное требование: учитывать уязвимость природной среды, не допускать превышения ее пределов прочности, глубже вникать в суть свойственных ей сложных и взаимосвязанных явлений, не вступать в противоречие с естественными закономерностями, дабы не вызвать необратимых процессов. В современном Китае с экологическим императивом считаются не только те, чья деятельность носит хозяйственный характер, но и политические лидеры, от действия которых зависят способы разрешения как внутрилокальных, так и международных проблем.

“Для китайского традиционного мышления характерен интуитивизм. В чувственной сфере китайская традиция пренебрегает наблюдением и опытом, в сфере рациональной отказывается от логического анализа. Для китайского менталитета традиционно несвойственно движение от опыта через анализ к абстракции, он стремится схватить сущность объекта познания посредством ощущения, действия и веры. Интуитивизм стал одной из причин, задержавших развитие в Китае современной науки, но он же способствовал созданию уникальной эстетической системы”.

За годы реформ Китай преодолел значительную дистанцию в направлении построения основ правового государства, и никогда еще в истории Китая национальная культурно-экологическая традиция не была предметом

столь обстоятельного и глубокого изучения.

К середине 80-х годов в китайском обществоведении четко обозначилось самостоятельное и мощное направление, ориентированное на разработку различных аспектов, проблем экологической культуры.

Восточные мыслители, как свидетельствует Н.И. Конрад, не подчиняли человека природе, не противопоставляли и природу человеку; они видели в них две силы, существующие в одной и той же сфере – сфере жизни; силы не только сосуществующие, но и взаимодействующие [14, с.910].

Будучи моделью успешных экономических преобразований, современный Китай вплотную подходит к пониманию того, что для достаточно эффективной реализации экологических задач необходимо создание экологической культуры, т.к. человек, овладевший экологической культурой, формирует способность соизмерять свои существование и потребности с природными возможностями [26, с.32].

Задача сегодняшнего времени, стоящая перед китайскими учеными – это, прежде всего, формирование глубокого целостного видения человека в его единстве с культурой и природой; видения, адекватного сложившейся ситуации и способного дать четкую прогностическую ситуацию.

Необходимым условием такого видения является новая экологическая культура. В ее основе лежит концепция гармонии человека и природы, зафиксированная в таких религиозно-философских учениях, как даосизм и конфуцианство, порождении и воплощении всего духовного опыта предшествующей национальной цивилизации [5, с.59].

Нельзя сказать, что на данном этапе новая экологическая культура Китая уже сформирована и китайские ученые дают ей четкое определение. Формирование экологической культуры – сложный и многоплановый процесс. Его необходимым условием является осознание социальной обусловленности человека и природы. Конфуцианство с его ярко выраженной социально-экологической направленностью, выступает в качестве основной составляющей трансформирующейся экологической культуры Китая, которая объединяет в себе идеи глоболизирующегося развития современных западных и российских учёных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Н.А. Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие (социально-философский аспект). – Чита: ЧитГТУ, 1998. – 304 с.
2. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета). – М.: Наука, 1989. – 307 с.

3. Гирусов Э.В. Природные основы экологической культуры // Экология, культура, образование. – М. – 1989. – С. 17.
4. Глазычев С.Н. Сохраним и приумножим ценности экологической культуры мира // Эпос информ, 1998. – №6. – С. 11.
5. Головачева Л.И. Цивилизация, Конфуций и будущее Китая // Проблемы Дальнего Востока, 1996. – №1. – С. 59.
6. Григорьева Т.П. Предисловие к изданию. Проблема человека в традиционных китайских учениях. – М.: Наука, 1983. – С. 1-5.
7. Григорьева Т.П. Человек и мир в системе традиционных китайских учений. Проблема человека в традиционных китайских учениях / Отв. ред. Т.П. Григорьева. – М.: Наука, 1983. – С. 6-17.
8. Завадская Е.В. Традиции философии Лао-цзы и Чжуан-цзы в китайской эстетике живописи. История и культура Китая. – М.. 1971. -574 с.
9. Завадская Е.В. Ци Бай-ши. – М.: Искусство, 1982. – 314 с.
10. Завадский С.А., Новика Л.И. Искусство и цивилизация. – М.: Искусство, 1986. – 289 с.
11. История китайской философии: Пер. с кит. / Под ред. и послесл. М.Л. Титаренко. – М.: Прогресс, 1989. – 552 с.
12. Карапетьянц А.М. Человек и природа в конфуцианском Четверокнижии. Проблема человека в традиционных китайских учениях / Отв. ред. Т.Т. Григорьева. – М.: Наука, 1983. – С. 192-207.
13. Комаров В.Д. Социальная экология: философские аспекты. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1987. – 215 с.
14. Конрад Н.И. Запад и Восток. – М.: Наука, 1986. – 910 с.
15. Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. – М.: Наука, 1982. – 263 с.
16. Кочергин А.Н. Экологическое образование и воспитание в контексте глобальных процессов. Философия образования: сборник научных статей. – М.: Новое тысячелетие, 1977. – С. 58-59.
17. Кроть Ю.Л. Конфуцианская и легистская концепция человеческой природы в «Янь те луне» (I в. до н.э.) // В сб.: Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики / Отв. ред. Л.П. Делюсин. – М.: Наука, 1982. – 263 с.
18. Лейбниц Г.В. Рассуждения о религии и философии в Китае. Письмо о китайской философии Николаю Ремону // Вопросы философии. – 1999. - № 12. – С. 20 -29.
19. Ломанов А., Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы // Проблемы Дальнего Востока, 2000. – №1. – С. 138.
20. Лукьянов А.Е. Лаоцзы и Конфуций: Философия Дао. – М.: Восточная литература РАН, 2000. – 384с.
21. Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М.: Астрель, ООО АСТ, 2000. – 632 с.
22. Переломов Л.С. «Конфуцианский пласт» в мировоззрении китайских реформаторов (Некоторые размышления в связи с выходом книги Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы). – М., 1999. - 237 с.) // Проблемы Дальнего Востока. - 2000. - № 1. – С. 120-124.
23. Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. – М.: Наука, 1981. – 328 с.
24. Переломов Л.С., Ломанов А.В. 21 век – век Китая, век конфуцианства? // Проблемы Дальнего Востока. – 1998. - № 3. – С. 63-68.
25. Позднеева Л.Д. Атеисты, материалисты и диалектики Древнего Китая. – М., 1967. – 356 с.
26. Портяков В. Опыт экономических реформ. Дэн Сяопин и политика реформ в Китае // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. - № 6. – С. 32- 40.
27. Се Чжэньхуа. Хуанцзин чжиши // Шэхуэй сюэ. Чжунго дасюэ шубао цзыляо. – Пекин, 2001. – С. 42-48.
28. Сюй Дишань. Дао цзя сысян юй даоцзяо (Даосская идеология и даосская религия) // Яньцзин сюебао. – 1927. - №2. – С. 17-39.
29. Феокистов В.Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. Исследование и перевод. – М.: Наука, 1976. – 293 с.
30. Цзэн Гопин. Цзы цзучжи ды цзыжань гуань. (Место природы в системе мироздания.) – Бэйцзин Дасюэ чхубань шэ. – Пекин, 1996. – 336 с.
31. Чжан Шаохуа. Мысли о проблеме человеческой цивилизации // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. - № 2. – С. 117-129.
32. Чжоу Чуньжун; Чжан Фэньюнь. Хуаньцзин даодэ – жэньлэй вэньмин дэ синь кэти (Экологическая мораль – проблема человеческой цивилизации) // Хэбэй цзиньмао дасюэ сюебао, 1997. - №12. – С. 42-44. – Кит. яз.
33. Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В.В. Малявина. – М.: Мысль, 1995. – 439 с.
34. Чэн Цзэнхунь. Создание морали 21 века и конфуцианская этика. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Реф. журн. Вып. 3. – 1997. – С. 21-25.
35. Шилин К.И. Глобальная экософия Китая // Информационные материалы. Серия Г: Идеино-теоретические тенденции в современном Китае: развитие традиций и поиски путей модернизации. Выпуск 1. II Всероссийская конференция. Редколлегия: Титаренко, Феокистов, Ломанов. 22 - 24 мая 1996г. – М., 1996. – С. 55-65.

© Варакина Маргарита Игоревна (margo3535@yandex.ru), Трофимова Елизавета Сергеевна (trofimova.elizavetta@yandex.ru), Бобыкина Татьяна Александровна (tatanabobykina2016@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОВАЯ ЗАПАДНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ, ЭТИКА Д. БОНХЕФФЕРА И РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

THE NEW WESTERN RELIGIOSITY, THE ETHICS OF D. BONHOEFFER AND THE RELIGIOUS AND MORAL TRADITIONS OF RUSSIAN SOCIETY

*M. Eldin
P. Bolmusov*

Summary: The article deals with the problem of the spiritual traditions of Protestantism. Protestant ethics characterizes the moral and cultural discourse of the interactions of spiritual and real reality through a new religious practice. The conclusions in the article are consistent with the influence of the new religious reality on society and its use of the spiritual and moral phenomenon of discipline with all the ensuing consequences. By the social type, Protestant morality understands the reality that can be generated both by the believer himself and by religious groups, and the interaction between individuals and social groups occurs through the spiritual and moral development of the dialogue of religious traditions.

Keywords: ethics, religion, Russian society, morality, D. Bonhoeffer, Protestantism, Orthodoxy.

Елдин Михаил Александрович

*д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВО «Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева»*

Болмусов Павел Алексеевич

*Аспирант, ФГБОУ ВО Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева»
pabolmusov436@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается проблема духовных традиций протестантизма. Протестантская этика характеризует нравственно-культурный дискурс взаимодействий духовной и реальной действительности путем новой религиозной практики. Выводы в статье согласуются с влиянием новой религиозной реальности на социум и использованием им духовно-нравственного феномена дисциплины со всеми вытекающими последствиями. Под социальным типом протестантская мораль понимает реальность, которая может порождаться как самим верующим человеком, так и религиозными группами, а взаимодействие между индивидуумами и социальными группами происходит посредством духовно-нравственного развития диалога религиозных традиций.

Ключевые слова: этика, религия, российское общество, мораль, Д. Бонхеффер, протестантизм, православие.

На современном этапе развития христианской религиозно-нравственная традиция удалось сохранить свои уникальные основы морального развития человека европейского Запада, что все привлекало ученых и исследователей.

Известно, что во все времена люди обращались к религии. Достаточно длительный период времени формировалось религиозное правосознание, которое во многом основывалось на мудрости поколений, находящей свое выражение в слове. Толковать великие книги бытия, которые пришли к нам с очень давних времен, можно с различных точек зрения. В то же время, вечный характер данных книг явно свидетельствует о их бессмертии, а именно, о бессмертии той народной мудрости, которая в данных книгах отражена. Очевидно, что речь в данном случае идет не просто о каком-либо культурном явлении, так как в данном случае можно наблюдать само сердце культуры, если не сказать, сердце мира, которое затрагивает такие вопросы, как судьба, жизнь и смерть человека. Полагаем, что в данном аспекте, моральная стагнация имеет несколько деструктивный характер, что также отмечал в свое время К.Н. Леонтьев. Так, автор указывал, что «торжество консерватизма было для госу-

дарства слишком вредным, что также можно сказать и о смешительном прогрессе».

Буквально «ощущая» наступление бездуховности, К.Н. Леонтьев в своих трудах испытывал неподдельный ужас от того, что на Россию наступает европейская массовая культура. Удивляться от этого не приходится, так как К.Н. Леонтьев всегда не любил славян, попавших под европейское влияние и которые, как следствие, были развращены им.

Известно, что реформы Петра I коснулись абсолютно всех сфер общественной жизни, в том числе, сферу религиозную. Ключевым содержанием его преобразований было то, что все они были направлены на укрепление и на возвеличивание государства. Одновременно с этим, нельзя не отметить усиление крепостного гнета, что также является следствием всей деятельности Петра. Это напоминает порядок, действующий в Древнем Риме, так как на территории данного государства ключевым принципом явился «естественный закон» (*jus naturale*) – и его задача общее благо поданных. Христианская доминанта «Ищите же прежде царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. VI, 33) потеряла свою актуаль-

ность. Сравнив это с римской аналогией, можно обнаружить определенное сходство преобразований Петра с иконоборческой эпохой, когда интересам империи было подчинено все.

Примером является то, что в результате деятельности Петра имело место «европейничество». Изучением данного феномена занимался Н.Я. Данилевский, выдающийся русский славянофил XIX столетия. Так, изучив основные формы данного явления Данилевский выделил следующее: во-первых, в рамках данного явления можно наблюдать порчу и искажение всего народного быта, извращения национальной жизни и строя. Во-вторых, заимствование иностранных учреждений, причем таких, необходимость в которых отсутствовала. В-третьих, рассмотрение национально политики Руси через призму «иностранных очков», что порождает ситуацию, при которой иностранный интерес выходит на первый план. Стоит отметить, что если реформа вестернизации, проведенная Петром, оказала определенное влияние на культурный климат и дворянскую элиту, то последствия этого влияния были весьма неблагоприятными, так как они нашли свое выражение в усилении секуляризации церкви при Екатерине II и закреплении крестьян. Это позволяет сделать вывод о том, что такие последствия носили характер «фрагментирующего импульса». Однако нельзя не отметить такое положительное влияние, как философия Просвещения, которая обогнула всю Европу и впоследствии оказала влияние и на Россию, причем назвать это влияние неблагоприятным весьма затруднительно.

В 1762 г. Екатерина II подписывает манифест «О позволении иностранцам селиться в России и свободном возвращении русских людей, бежавших за границу». В соответствии с данным документом, все агенты русской империи приобретали возможность сагитировать и направить в Россию 14960 человек, что впоследствии образовало половину общей численности всех колонистов, прибывших в Россию и 56 % лиц, которые были поселены на территории современного Саратова

К числу ключевой задачи правительства при переселении в Россию всех колонистов из стран Запада, стоит отнести развитие земледелия за их счет. В то же время, поволжские немцы никоим образом общую культуру земледелия не усовершенствовали, но достаточно хорошо усвоили русскую общинную систему в сфере землепользования.

Основная льгота колонистов состояла в свободе вероисповедания. Однако возведение зданий костелов и кирх, а также содержание пресвитеров и пасторов было разрешено лишь в тех местах, где иностранные граждане поселились колониями, причем если все они принадлежали одной конфессии. В то же время, колонистам

было запрещено склонять православное население к принятию их веры, а наказание за это наступило бы по всей строгости законов Руси. Представляется вполне естественным, что склонять к принятию христианства, в свою очередь, разрешалось спокойно. Кроме того, было разрешено брать мусульман в крепостные.

Все группы колонистов, которые были приглашены жить в Россию Екатериной II, относились к лютеранам, а также к католикам римского обряда. Например, на территории Саратова, где проживали поволжские немцы, $\frac{3}{4}$ были протестантами и $\frac{1}{4}$ католиками, однако в живых их осталось совсем немного, так как поселение было разграблено при Пугачевском бунте 1774 года.

Достаточно интересным обычаем поволжских немцев можно назвать то, что у них действовал так называемый обряд «венчания покойников». Ритуал относился к погребальным обрядам, а суть его состояла в том, что умершие девушки и младенцы априори относились к ангелам и хоронили их в свадебных нарядах. Стоит отметить, что церемонии подобного рода были торжественными и имели только незначительные элементы траура. Что касается похорон иных лиц, то покойников хоронили разутыми и открытое выражение скорби порицалось членами общины. Также немцы отмечали праздник урожая и Пасху. Считалось, что сладости детям в Пасху приносил Пасхальный заяц.

В моменты достаточно существенных переломов и потрясений, которые так или иначе возникали в рамках общественного развития, а обусловлены были изменениями условий и образа жизни людей, изменением их ценностей и материальных потребностей, возникшими противоречиями, экстремизм выступает в качестве опасной и трудно изживаемой формой общественной жизни. Изменить данную ситуацию, когда отмечают исследователи и ученые, вполне возможно именно в России, однако данное мнение является весьма дискуссионным. Более того, при осуществлении деятельности такого рода ни в коем случае нельзя забывать о том, что попытки приблизить Россию к цивилизации европейских стран не должны порождать утрату Россией своих собственных ценностей и начал. Однако проведя исторический экскурс можно увидеть, что на протяжении ее истории были частые увещевания народа Руси о том, что ей стоит отказаться от национальных начал и основ для того, чтобы слиться с цивилизацией Европы. Очевидно, что такие уговоры являются опасными и ошибочными, что также отмечалось в научной литературе. Во многом это обусловлено тем, что в данном случае образ России будет глубоко искажен, Россия утратит свою самобытность и в конечном счете попросту уничтожит саму себя.

Известно, что все лидеры сект активно используют духовную, а также психологическую неустойчивость,

а также неопытность граждан для того, чтобы достичь цель своего личного обогащения и захвата власти над ними. В связи с этим, всем участникам встречи были даны рекомендации о том, как разрешить такие ситуации и куда можно обратиться за помощью в случае, если человек стал жертвой такой секты. Стоит отметить, что эта проблема является достаточно острой, так как нелегко вернуть адептов тоталитарных сект к обычной жизни.

Несмотря на свой локальный характер, обсуждение, которое состоялось в рамках просветительской деятельности, стало отражением таких социокультурных и этноконфессиональных процессов, как растущее общественное недовольство прозелитической деятельностью сектантских религиозных течений, межкультурный диалог православного христианства и ислама, социальное партнерство государственных структур с традиционными конфессиями, которые интенсивно развиваются в России со второй половины 1990-х гг.

На сегодняшний день конфессиональная и национальная нетерпимость на территории России усиливается. Стоит отметить, что среди лиц, которые находятся в возрасте 16-17 лет, она в 3 раза выше, чем у поколений старшего возраста. На современном этапе развития стало модным говорить о том, что «в США дело обстоит иначе». Однако такие парадигмальные определения в принципе не подходят для нашей страны, так как у нас культурные ценности совсем другие и руководствоваться ценностями США не стоит, так как в этом случае Россия превратится просто в еще один штат США. Нельзя не согласиться с тем, что мировые стандарты могут быть и положительными, но лишь до того предела, пока они не несут угрозу разрушения для культуры нашей страны и не направлены на то, чтобы люди массово покидали Россию. Как следствие, только реальное отношение к существующим возможностям дальнейшего развития российского общества должно выступать в качестве критерия для полного понимания той религиозной ситуации, которая сложилась сегодня.

Социологами проводилось исследование, состоящее в опросе и в анкетировании граждан разных возрастов с целью определения их уровня знаний в сфере восточных и тоталитарных культов, различных христианских движений. Большая часть опрошенных граждан указала, что необходимо срочно принять необходимые государственные меры для того, чтобы закрыть все протестантские и тоталитарные религиозные общины. Респонденты объяснили это тем, что они сами или их знакомые попадали под влияние «сект». Действительно, данная позиция населения страны вполне обоснована и определенные законодательные меры ужесточения их регулирования можно назвать объективной необходимостью. В частности, стоит официально разрешить преподавать в школах Осно-

вы православия, так как это позволит избежать попадания в секты в дальнейшем.

Безусловно, государственная религия в такой поликонфессиональной стране как Россия неприемлема. Однако вопрос о том, какие религиозные традиции можно признать в качестве приемлемых для наших граждан, решить весьма затруднительно. Так, для его решения стоит принимать во внимание тот факт, какие религиозные традиции занимают особое место в отечественной истории и культуре и какие из них являются значимыми для российского общества. Не менее сложными являются также все вопросы, которые связаны с атеизмом.

Усложнение общественного сознания и социальных институтов, во многом обусловленное усложнением религиозного сознания населения и культовой деятельности, породило ситуацию, при которой они едва ли могут успешно функционировать в рамках прежних институтов и отношений. Постепенно вместе с самоопределением других надстроечных систем происходит самоопределение религиозной системы. Этот процесс связан с конституированием религиозных отношений.

В развитой форме религиозные организации являются достаточно сложным социальным институтом. Его внутренняя структура представлена организационно оформленным взаимодействием разнообразных систем, а функционирование каждой из этих систем тесно взаимосвязано с формированием социальных организаций, которые также стоит отнести к социальным институтам. Например, на уровне церкви достаточно четко разделены управляемая и управляющая подсистема. Так, управляющая подсистема состоит из группы людей, которые занимаются первоначальной выработкой и последующей переработкой социальных ценностей.

На фоне стремительного роста и многообразия всего мирового сообщества, порождающего столкновение и постепенное нарастание «мультикультурности» в рамках самих региональных культур и этносообществ, а также к появлению новых тенденций между отдельными их частями в обществе, идея новых христианских цивилизаций Д. Бонхёффера в последнее время все чаще подвергается переоценке. Особую роль в данном случае играет анализ культурно-исторического опыта Западной Европы и России, а также ее социального и культурного наследия, религиозных, а также нравственных традиций, равно как наследия гуманистического потенциала неорелигиозной этики.

В общем виде концепция «безрелигиозного христианства» русскими и западными богословами выходит на первый план в творчестве Бонхёффера в связи с тем, что она является весьма показательной для развития всей христианской мысли XX столетия.

Второй подход к изучению наследия Дитриха Бонхеффера связан с изучением его труда «Nachfolge» («Хождение вслед»). В данном случае в центре всей теологии заложена личность Христа, причем реального, который живет в одном мире с человеком и призывает к себе любого, кто способен услышать его зов. Понятия «дешевой» и «дорогой» благодати, «следования Христу», в этом случае являются базами ранней теологии Бонхеффера. Стоит отметить, что он был сам себе практик и не был теоретиком, его богословие не содержит каких-либо рассуждений философского характера о словах Христа, что встречается у Тиллиха. С понятием следования Христу соединяется и мысль о будущем вероятном «безрелигиозном христианстве», которое вполне может выступать в качестве формы следования Церкви будущего Христу. «Бог дает нам понять, что мы должны жить, справляясь с жизнью без Бога. Бог, который с нами, есть Бог, который хочет, чтобы мы жили без рабочей гипотезы о Боге, есть Бог, перед которым мы постоянно пребываем. Перед Богом и с Богом мы живем без Бога. Бог позволяет вытеснить себя из мира на крест. Бог бессилен и слаб в мире, но именно в этом и только через это Он с нами и помогает нам».

Важен и следующий момент: многие идеи и мысли Бонхеффера остались недосказанными, а многие его труды так и не были им закончены. Более того, во многих своих трудах он сам отмечает незаконченность и неточность своих выводов. Как справедливо отметил Карл Барт, «Бонхеффер поставил много вопросов, на которые не успел ответить; письма из тюрьмы представляют только одну (в данном случае конечную) остановку в его интеллектуальном и духовном пути, пути, который был очень беспокойным с самого начала, хоть это и не было его целью. Он мог еще развиваться в абсолютно другом направлении. Мы несправедливы к нему, когда мы вдруг помещаем его в один ряд с Тиллихом и Бульманом».

Приводимая ниже попытка систематизации богословских идей Бонхеффера построена вокруг его трудов, которые раскрывают именно вероучительные вопросы – христологические, экклезиологические, этические, эсхатологические.

Понимание идеи гуманизма в ее когнитивном измерении, а также в качестве полностью сознательной ориентации лишь на положительное восприятие и отношение к людям, позволяет нам обосновать ее высокую значимость как для всего общества в целом, так и для конкретного человека. В рамках данного понятия она имеет определенное значение для развития такой сферы разума, как культурный интеллект, а также для эмпатии, что уже относится к психологическим характеристикам. Кроме того, она активно содействует тому, чтобы утвердить независимость и свободу человека в духе эпохи просвещения, что является освобождением

от диктата и разума от таких механизмов, как предрасудки и убеждения, являющиеся коллективными. В то же время, все это направлено на совершенствование человека, что оценивается весьма положительно.

В данную концепцию гуманизма активно вовлекаются феномены, которые имеют различную природу. Именно это позволяет этой концепции выйти за рамки типичного понимания гуманизма как мировоззренческой концепции, а также раскрыть содержание на всех основных уровнях морали. Отметим, что на уровне моральных представлений она будет раскрываться в виде обоснования естественной значимости принятия человеком основных идей и концепций гуманизма, что необходимо для развития у него как эмпатии, так и культурного интеллекта. На уровне восприятия и отношения к людям (к социальной реальности) и поведения она раскрывается принципами гуманизма, а на уровне феноменов воли она раскрывается волевым актом сознательного принятия идеи того, что ценность человека является высшей. На уровне общественных отношений данная концепция раскрывается своей ориентацией на то, чтобы выстроить оптимальные и продуктивные отношения людей друг с другом, что относится к третьему принципу гуманизма. На уровне личностных качеств – культурным интеллектом, эмпатией, открытостью новому опыту, потребностью в контроле ситуации, глобальной идентичностью. На уровне ценностных значений – признанием высшей ценности человека. На уровне нравственной необходимости – сознательным контролем над тем, что чем человек говорит и как рассуждает, в том числе, о людях в целом и о влиянии людей друг на друга. На уровне морального языка – риторикой обеспечения и защиты достоинства, прав и свобод человека, утверждения необходимости людям относиться друг к другу в духе братства.

В конце XIX в. вновь стала острой проблема выбора между инструментарием исследования этики религиозных концепций: историцизма, эволюционизма и традиционализма. Рассматривая тему функций религии в духовной жизни человека, неопротестантский теолог и философ Пауль Тиллих отмечал, что «религия — не особая функция духовной жизни человека, а составляющая глубины всех ее функций».

Вместе с тем после ознакомления с книгой К.Р. Поппера «Нищета историцизма» нельзя более не отметить существенных объяснительных недостатков самого исторического метода. С 60-х годов XX в. неодарвинизм, социал-дарвинизм, подвергается энергичной критике со стороны научного креационизма и заметно теряет привлекательность у широкой публики и естествоиспытателей. В конце XX в. в современном социуме стал происходить религиозный Ренессанс, а государственный протекционизм религиозности был ослаблен. Наконец, в связи с обострением в мире интереса к фундаментализ-

му и традиционализму идея эволюционного прогресса общества все более стала уравниваться обратной идеей магистрального общественного регресса.

На территории современной России, каждый исследователь, который занимается религиозными вопросами, в полной мере ощутит указанные альтернативы, причем, начиная с предложения, связанного с признанием высшей религиозной истины за Русским православием и закачивая искушением, связанным с желанием найти славянскую подлинность в древней, еще дохристианской традиции. Отсюда возникает закономерный вопрос: а возможна ли золотая середина между альтернативами подобного рода или исследователь должен обратиться только к одной из них? Очевидно, что ответ на данный вопрос является достаточно сложным и ответ на него можно дать только в форме антиномии.

Если рассматривать современное религиозное сознание, то будет возникать достаточно сложная панорама моральных и религиозных взглядов жителей России. Очевидно, что исследователь общественного сознания, который остановится именно на моральном сознании, не сможет уверенно заявить о том, что ученых стоит отнести к аморальным гражданам, а иных людей к убежденным моралистам. Во многом это обусловлено тем, что сегодня есть великое множество людей, которые живут в ситуации постоянно изменяющейся динамики нравственного бытия социума, а также неверных и болезненных представлений, установок и ошибочных, зачастую предвзятых мнений. В связи с этим, обоснованным видится наблюдение о духовности и о соотношении ее с ценностями социального характера, на чем акцентировал внимание Л.Н. Столович. Он указывал, что «по сути дела, все духовные состояния человека, связаны с актуализацией ценностей...».

На этом фоне особенную значимость в рамках изучения современного положения всех традиций отечественной духовной культуры приобретает выполнение ими регулятивной функции. Стоит отметить, что в указанном аспекте традиции религиозной этики имеют единоподобный вектор воздействия, состоящий в том, чтобы исцелить душу человека. Это относят к особенностям конфессиональной культуры, в рамках традиций православия, что также нашло свое отражение в основных памятниках древнехристианской литературы. Вот как о необходимости морального значения веры как фундамента нравственной культуры человека писал еще Иоанн Дамаскин: «... вне веры спастись невозможно, потому что все: как человеческое, так и духовное основывается на вере. Ибо без веры ни земледелец не разрезывает борозды земли; ни купец на малом дереве не вверяет своей души беснующейся бездне моря... Верую уразумеваем, что все приведено из небытия в бытие... верую правильно совершаем все дела- как божеские, так и человеческие».

Верной является позиция, высказанная новейшим отечественным исследователем В.Н. Шердаковым о том, что уже в новозаветных текстах отмечается нравственная ценность веры: «Добродетельный образ жизни вытекает из веры. Верить, жить по вере, свидетельствовать о вера-таковы основные обязанности религиозного человека». Полагаем, что данная особенность религиозной этики продолжила свое бытие не только в мировой, но и в русской традиции ряда духовных деятелей. Как следствие, достаточно высокие достижения религиозно-нравственной культуры протестантизма, православия в условиях развития культуры России могут заставить нас вновь обратиться к тому, что ценности религии по праву выступают в качестве нравственного побудительного мотива всей социальной деятельности в духовной сфере.

Одновременно с этим, для религиозного сознания достаточно характерна свобода воли, которая не получила должного развития, в связи с чем, в этом случае трудно ощутить себя в качестве субъекта морали и соотнести свои устремления со стремлениями социальной общности. Так, во многих социальных обществах можно наблюдать распад традиционных ценностных установок, в том числе тех, которые влияют на конструктивные человеческие ценности. Как справедливо указывал К.Г. Юнг, «моральное и интеллектуальное понимание на уровне фиксации дурмана и отсутствия ответственности массового человека является атомизацией индивида».

Очевидно, что в рамках осмысления процессов, направленных на социокультурное развитие вне рамок исторических явлений, весьма трудно и неверно анализировать особенности наследия духовности. В частности, на нравственную культуру особое влияние оказывает исторический путь развития того или иного народа. В этом плане важно отметить, что особую значимость в рамках современного положения религиозно-нравственных традиций духовности приобретает наличие у них регулятивной функции, о чем уже говорилось ранее. В этом плане неопротестантское этическое наследие имеет только один вектор развития, состоящий в том, чтобы упорядочить душу человека. Данная особенность особо подчеркивалась в трудах П. Тиллиха. Р. Бульмана. Д. Бохеффера.

Известно, что религиозное сознание индивида во многом ориентировано на нематериальные, если не сказать, на сакральные ценности, которые могут существовать за рамками объективного мира. Как следствие, для него нормально наличие так называемого «иного мира». В связи с этим, нами была оценена специфика и роль протестантской традиции всего религиозного пространства стран Западной Европы на фоне сохранения ряда протестантских ценностей в сфере гуманизма и человечности. Полагаем, что духовный кризис членов современного общества во многом обусловлен девальвацией тради-

ционных духовно-нравственных ценностей, что можно расценивать как фрагментацию традиционных ценностей и механизмов, свойственных социокультурным отношениям современности. Стоит отметить, что это обстоятельство будет привлекать определенное внимание к решению проблем, непосредственно связанных с нравственным кризисом современного общества в рамках парадигмы традиций этики неопротестантизма.

В данном контексте христианство едва ли можно рассматривать как более человеческое по сравнению с западным, так как перед религиями Запада или Востока, оно не обладает какими-либо преимуществами. Причины этого стоит поискать в ключевых особенностях нравственно-религиозной традиции, которая породила феномен социального идеала, который получил название «Христианского мира», а так же в той исторической обстановке, которая сегодня определяет пути для развития духовной культуры общества. Стоит отметить, что именно стремление к тому, чтобы спокойно и мирно уживаться в окружении разных религий, является сегодня одним из основных. Примером такого стремления является взаимодействие российской этики и этических традиций неопротестантизма.

Приходим к выводу, что интерес к религиозной этике является сегодня очевидным и достаточно значимым. Одновременно с этим, сегодня сохранена опасность того, чтобы утратить фактическое содержание проблемы, причем в тех случаях, когда рассуждения о религии и морали можно назвать скорее идеологическими или даже политическими и политиканскими. Однако это не исключает того, что абсолютно любая проблема может трактоваться как мифологически, так и идеологически и реалистически, с подкреплением научными знаниями.

Одним из возможных способов понимания проблемы

взаимодействия религии и морали, является такой способ, как изучение причин, которые нас сегодня вынудили рассматривать особенности российского национального характера. Одной из таких причин также являются наши современные реалии. Привычки и национальные привычки россиян настолько впечатляют, а иногда и озадачивают и находят свое выражение в политике, экономике и в общественной жизни. Как следствие, это не может не заинтересовать всех исследователей. Одновременно с этим, налицо и такие причины данного явления, как ломка старых ценностей, а также стереотипов поведения и мыслей, невозможности понять то, что сейчас происходит в России на фоне прежнего понимания общества.

Также на основании изложенного выше стоит максимально полно и емко рассмотреть категорию менталитета. Известно, что религиозной традицией называют память народа о прошлых событиях, равно как их психологическую детерминанту в части поведения миллионов людей, которые верны исторически сформированному коду. Причем эта верность сохраняется у них в любых обстоятельствах, даже в самых сложных. Как следствие, в данном аспекте можно говорить о том, что проблема менталитета относится к идеологическим проблемам, но в то же время и к социально-историческим, которая способна объяснить особенности национально-государственного существования, в том числе, России.

В завершении стоит акцентировать внимание на том, что в современном российском обществе имеет место разрыв поколений, который в полной мере отражает разрыв всего исторического развития. Так, изменения условий социального характера, равно как смена общественных ценностей, неизбежно порождают ситуацию, при которой механизм воспроизводства ценностных ориентаций уже не является основным и уступает свое место различным механизмам адаптационного плана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. / Пер. с греч. - М.: Лодья, 1998. - С.285-286.
2. Шердаков В.Н. Иллюзии добра: Моральные ценности и религиозная вера. - М.: Политиздат, 1982. - С. 174-175.
3. Юнг К.Г. Божественный ребенок: аналитическая психология и воспитание/Сб.-М.: Олимп, 1997. - С. 191.
4. Столович Л.Н. Философия. Эстетика. Смех. - СПб.: Тарту., 1999. - 384 с. С. 93.
5. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Республика, 1995. С. 239.
6. Онхедфер Д. Сопrotивление и покорность. - М., 1994, С. 65
7. Цит.по: Andre Dumas, «Dietrich Bonhoeffer: Theologian of Reality» - London, 1996, P.270
8. Выдержки из статьи «Протестанты Поволжья» на сайте: «svitlo.net»
9. Лиценбергер О.А., Ерина Е.М. «Аннотированная опись дел Коллекции документов римско-католических церквей (1789-1934 гг.)». Саратов, 2004.
10. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство/Предисл. Ковыневой: комм. Свящ. А. Задорова. - М.: изд-во Сретенского монастыря, 2010. -280 с., С.404.

© Елдин Михаил Александрович, Болмусов Павел Алексеевич (pabolmusov436@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЗНАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ КОНВЕРГЕНЦИИ ПОСТУЛАТОВ КВАНТОВОЙ ФИЗИКИ И СИНЕРГЕТИКИ

Паршикова Галина Васильевна

*к.ф.н., доцент, Брянский государственный технический университет
parshikovagalina@yandex.ru*

THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS AND THE POSTULATES OF QUANTUM MECHANICS

G. Parshikova

Summary: The problem of the possibility of constructing a quantum concept of consciousness is considered. The orientation of recent research and the improvement of electronic computing technology are aimed at creating a quantum computer, the development of quantum computer science makes it possible to talk about the role of quantum processes in the molecular structures of brain neurons. Modern research in the field of artificial intelligence generates a variety of hypotheses for modeling the functions of the human brain.

Keywords: consciousness, quantum concept of consciousness, quantum mechanics, quantum computer science, quantum entanglement.

Аннотация: Рассматривается проблема возможности поиска квантовых оснований функционирования сознания. Ориентация современных исследований и усовершенствование электронно-вычислительной техники направлены на создание квантового компьютера, развитие квантовой информатики, что допускает возможность говорить о роли квантовых процессов в молекулярных структурах нейронов мозга. В свою очередь современные исследования в области создания искусственного интеллекта порождают разнообразные гипотезы моделирования функций человеческого мозга. Закономерности квантовой физики рассматриваются во взаимосвязи с синергетическими эффектами, феноменами эмерджентности, проявляющимися в целостной организации сложностной когнитивной системы.

Ключевые слова: сознание, квантовые основы функционирования сознания, квантовая механика, квантовая информатика, синергетика, эмерджентность.

Следует признать, что до сих пор не определены четкие границы понимания сознания как функциональной сущности. Сознание обладает особой сложностной организацией, демонстрирующей эмерджентные феномены (от англ. Emergence – возникающий, неожиданно появляющийся), феномены свойств целостного, не проявляющиеся у отдельных частей сложной системы.

Вместе с тем, существует точка зрения, утверждающая значимую роль квантово-физических процессов в функционировании нашего сознания. Так, квантовая запутанность возникает из-за корреляций между квантовыми системами и само ее существование в нейронах мозга трудно не признать. Современные исследования в рамках квантовой концепции сознания позволяют утверждать, что квантовый анализ данных играет первостепенную роль в функционировании сознания, процессы, происходящие в мозге доступны воздействиям квантовых суперпозиций, характеризующихся большой мощностью. [1]

Ценность квантовых алгоритмов, которые задают набор унитарных операций (гейтов, или вентилей) с определенными кубитами, состоит в том, что временные затраты на конкурентное выполнение нескольких параллельных задач, которые включают в себя, в том числе, и задачи моделирования квантовой запутанности состояний множества объектов, существенно сокраща-

ется. Подобный квантовый параллелизм позволяет значительно ускорить решение нескольких типов задач, прежде всего задач перебора, к которым сводится проблематика моделирования динамики сложных систем.

По словам М.Б. Менского: «...чтобы идентифицировать понятие «сознание» с некоторым понятием из квантовой теории, мы должны интерпретировать сознание шире, как что-то способное к охвату всего квантового мира (всех альтернативных классических реальностей), а не только одной его классической проекции». [2] Существует несколько ключевых позиций, которые являются основой квантовой механики и в то же время не являются обязательными для изучения макромира в классической физике. Математически ограничение, которое накладывается квантовой механикой на измерение координаты и импульса, было формализовано соотношением неопределенностей Гейзенберга, которое имеет в корне вероятностный смысл. При любом наблюдении квантовых эффектов, которое невозможно без взаимодействия объекта наблюдения со средой, неизбежно происходит изменение его состояния. Причиной этого является скачкообразное изменение волновой функции, которое зависит от полученных при измерении значений параметров.

Взаимозависимости наблюдаются без опоры на четыре фундаментальных принципа взаимодействия в состояниях нескольких квантовых частиц, пребывающих

на существенном расстоянии друг от друга в пространстве. Этот эффект называется квантовой запутанностью, а части, составляющие системы, обнаруживающие аналогичное поведение, пребывают в запутанном состоянии. [3] Эффект наблюдателя влияет на состояние другой частицы. Частицы, которые описаны единой волновой функцией, формируют составную систему и даже при условии отсутствия взаимодействия, наблюдение за одной из них оказывает влияние и на состояние второй. Реальность и состояния двух систем зависит от наблюдателя.

Обращаясь к прикладной стороне вопроса, компьютер и мозг имеют подобный (но не тождественный) принцип работы, так как получают данные от внешней среды, заносят их в «память», сохраняют в базе знаний, преобразуют полученную информацию, создают семантические сети, ассоциативные связи, работают с фреймовыми структурами [4] и принимают решения на основе имеющихся данных. Существующие на сегодняшний день, традиционные специализированные вычислительные системы, превосходящие по техническим характеристикам и скорости обработки информации, характеризуются значительными ресурсами по хранению и обработке данных, однако всецело смоделировать работу сознания, а не отдельные когнитивные возможности человека, пока не удалось. Получаемая информация является сенсорной - она воспринимается с помощью осязания, обоняния, органов чувств, речи. Накопленный опыт, образы, которые формируют когнитивные структуры в памяти человека, преобразуются в фреймовые структуры, наделенные личным смыслом, что позволяет извлекать

их с большей скоростью. [5] Нейронные сети построены по принципу биологической нейронной сети; благодаря подобному строению появляется способность воспроизводить информацию из имеющейся базы данных или знаний, а не только анализировать входящую информацию. Именно поэтому нейронные сети способны выполнять чрезвычайно сложные задачи.

В области поиска оснований в квантовой концепции сознания внимание уделяется поиску модели квантовой нейронной сети, целесообразной для применения всех достоинств квантовых и нейросетевых моделей, а также алгоритмов машинного обучения, для исследования, анализа и манипулирования сложным набором данных.

Основой понимания истоков природы сознания с нашей точки зрения, являются квантово-физические закономерности, в их взаимосвязи с квантовой информатикой, синергетикой, когнитивистикой и комплексом нейронаук. Одной из отличительных черт сознания является возможность формирования целостных картин из фрагментарных и разрозненных элементов. Квантовые эффекты наблюдателя, нелокальности волновой функции, запутанности могут выступить важным базисом в изучении трудной проблемы сознания и объяснении принципов работы мозга человека. Объединение достижений когнитивных, социальных, информационных технологий, их конвергенция или даже полное слияние в единое междисциплинарное направление исследований необходимо рассматривать как один из наиболее перспективных путей научного прогресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Князев, В.Н. Есть ли смысл в поиске квантовой концепции сознания? / В.Н. Князев, Г.В. Паршикова // Актуальные теоретико-методологические и прикладные проблемы виртуальной реальности и искусственного интеллекта: материалы Международной научной конференции, Хабаровск, 27–28 мая 2021 года / Дальневосточный государственный университет путей сообщения. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2021. – С. 228-233.
2. Менский, М.Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности) / М.Б. Менский. – Фрязино: Век 2, 2011. – 320 с.
3. Гуц, 2017 – Гуц А.К. Основы квантовой кибернетики. М.: ЛЕНАНД, 2017. 216 с.
4. Паршикова, Г.В. Моделирование сознания: от фреймового подхода к голографической парадигме / Г.В. Паршикова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2015. – № 2. – С. 11-16.
5. Паршикова, Г.В. Фрактальный подход к феномену сознания / Г.В. Паршикова // Философия и культура. – 2015. – № 4(88). – С. 505-512.

© Паршикова Галина Васильевна (parshikovagalina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФЕЙК-НЬЮС И ПОСТПРАВДА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК НЕИЗБЕЖНОЕ ЯВЛЕНИЕ ЭПОХИ СИМУЛЯКРОВ

Протасов Саян Юрьевич

Соискатель, Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления, г. Улан-Удэ
psuu03@gmail.com

FAKE NEWS AND POST-TRUTH IN SOCIAL NETWORKS AS AN INEVITABLE PHENOMENON OF THE AGE OF THE SIMULACRONS

S. Protasov

Summary: Currently, social networks are used by different groups of people for various purposes. One of the purposes of using social media is to spread disinformation and fake news. This is especially true during periods of political instability, wars and other social upheavals. That is why developed countries have a certain set of mechanisms to combat such phenomena. In this article, such categories as "fake news" and "post-truth" are considered as simulacra of the virtual space of modern social networks. The disclosure of the features of the social evolution of these categories of "fake news" and "post-truth" is possible on the basis of the application of the multiplier effect, which combines the potential of these categories in philosophy, sociology, public relations and other sciences that are directly related to these categories.

Keywords: fake news, post-truth, social networks, simulacrum, post-structuralist philosophy.

Аннотация: Социальные сети используются разными группами лиц, для различных целей. Одной из целей по использованию социальных сетей, является распространение дезинформации и фейковых новостей. Это особенно актуально в периоды политической нестабильности, войн и иных социальных потрясений. Именно поэтому, развитые государства, имеют определенный набор механизмов для борьбы с такими явлениями. В настоящей статье такие категории как «фейк ньюс» и «постправда» рассматриваются как симулякры виртуального пространства сетевых медиа. Раскрытие особенностей социальной эволюции указанных категорий «фейк ньюс» и «постправда», возможен на основе применения мультипликационного эффекта, который объединяет потенциал данных категорий в философии, социологии, public relations и других наук, которые непосредственно связаны с данными категориями.

Ключевые слова: фейк-ньюс, постправда, социальные сети, симулякр, философия постструктурализма.

Очевидно, что информация самый распространенный продукт, потребляемый человечеством. Социальные сети с их миллиардными охватами, организованной цифровой средой, оригинальными механизмами рекламы и убеждения, технологиями Web 3.0. отвоевывают последние территории у привычных для широкой аудитории традиционных СМИ, вещательная модель массовой коммуникации которых, сдерживает натиск лишь опираясь на ригидность мышления и консерватизм своего потребителя. Время совершения акта до его восприятия широкой аудиторией радикально сократилось: в считанные секунды информация, распространяемая частным лицом, может стать достоянием мировой общественности и классические медиа, страдающие информационной «инерцией», такую «гонку за умы» проигрывает. Но дело даже не в скорости, а в плотности информационного потока: метамодель расширила возможности в плане создания многослойного/многопланового/многокомпонентного контента – мультимодального контента (поликодового текста), который за счет усиленной образности имеет абсолютный прагматический потенциал влияния. [1, с. 138]. И здесь, как и для любого текста действует логика постмодернизма, для которой автор (говорящий), является лишь производной, а отправной точкой текста выступает читатель

(слушатель), который однако в отличие от бартовского «некто-читателя» далеко не человек без истории, без биографии, без психологии, и всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст [2, с. 390]. Именно пользователь соцсетей со всеми своими уникальными предпочтениями является целью тонко настроенного персонализированного механизма доставки контента, он «явно больше, чем простой наблюдатель, следящий за тем, что разворачивается перед ним. В качестве участника он — составная часть самой игры» [3, с. 289] Произошел тот самый, описанный Бодрийяром, поворот паноптического устройства наблюдения к системе устрашения, где различие пассивного и активного уничтожено и не существует больше никакого субъекта, никакой фокусной точки, ни центра, ни периферии, лишь только «информация», тайная виртуальность, цепочечная реакция, медленная имплозия и симулякры пространств, в которых еще играет эффект реального [4, с. 50].

В отличие от лжи как рядового феномена общения, обмана как результата «успешной» лжи, дезинформация как социальное проявление обмана имеет ключевое значение в истории социально-политических процессов. Дезинформация лишь потому такое проворное

орудие даже в не всегда умелых руках, что истина сама по себе не дана сразу. Обращаясь к философскому дискурсу истины, становится понятно, что истинное познание требует определенных усилий, выполнения специальных процедур. Гегель, например, полагал, что сущность просвечивает через собственную видимость (или кажимость), но помимо этого сущность явлена и в иновидимости, и как раз иновидимость покрывает сущность неким покровом, многоцветьем наличного бытия, в котором собственное свечение сущности (истина) едва различимо [5, с. 4]. Следовательно, для различения той самой сущности помимо непосредственной работы по «срыванию покровов», необходима и определенным образом натренированная оптика. Особенно остро эта проблема стоит в наше время, когда поток он-лайн информации настолько стремителен и огромен, что даже на настройку критической оптики не остается время, не говоря уже о той самой рутинной работе по фактчекингу и верификации. Маклюэн, несомненно, был футурологом, который ближе всех подошел к нашей сегодняшней реальности, когда он писал о перцептивной (когнитивной) конвергенции медиа и возникшей вместе с ней «глобальной деревне». Общество, глобализированное потоком медийной информации и технологиями ее передачи, предполагает трансформацию своего опыта, переход границы прежнего опыта, трансгрессию, которая будет поддерживаться новыми типами логики [6]. Новые типы логики создают новые и совершенствуют имеющиеся приемы постмодернистского письма. Анахроничная кричащая подача, визуальная яркость (текста и видео) и общая видимая таблоидность сегодня присуща скорее всего откровенно трэшевым источникам, на которые «думающая» публика внимания итак не обратила бы. Как и всегда уместно классическое уальдовское «Это хуже, чем ложь, это плохо написано!», ведь неправда и ныне упаковывается в более эффектную обертку, а потребление ее более приятно и менее травмирующее. Как же еще по-другому объяснить тот факт, что ученые из MIT проанализировав 126 тыс. цепочек ретвитов 3 млн. пользователей за 11 лет сделали вывод, что настоящим новостям надо в 6 раз больше времени, чем фейковым, чтобы дойти до человека. Еще даже Платон в своих произведениях обратил внимание на «увлекающую силу речи» и на своеобразную беспомощность перед такой силой, особенно если та находится в умелых руках: «Но ты сознательно ли соглашаешься с этим, или же тебя, по обыкновению, увлекла к поспешному соглашению некая сила речи?» вопрошает Чужеземец в диалоге «Софист» [7, с. 361]. Так и «post-truth» подобно квантовой частице явление, сугубо зависящее от наблюдателя, которая правда при отсутствии онога не находится в суперпозиции, а наоборот – исчезает. «Постправду» можно понимать как побочный продукт психологического феномена «предвзятости подтверждения» согласно которому принимаются только те доказательства, которые поддерживают первоначальное убеждение и гипотезу,

а поиск или интерпретация свидетельств осуществляются способами, которые являются частичными по отношению к существующим убеждениям, ожиданиям или имеющейся гипотезе. В терминах бахтинской школы, можно сформулировать что «постправда» частный случай языкового знака, отражающего и преломляющего действительность, поэтому-то он может исказить эту действительность или быть верным ей, воспринимать ее под определенным углом зрения, т.е. область идеологии совпадает с областью знаков [8, с. 14]. Идеология в данном контексте совпадает с разработанной Лиотаром концепцией нарративного знания, как «совокупности денотативных высказываний» и «представлений о самых разных умениях: делать, жить, слушать и т.п.» [9, с. 52]. С системной же точки зрения, содержащейся в прагматической теории коммуникации и имеющей прямое отношение к коммуникативной психологии, «предвзятость подтверждения» вызывает положительную обратную связь в предрасположенности к разногласиям и конфликтам, заводит агентов коммуникации в спираль, тяготеющую к ожесточенному столкновению мнений. [10, с. 47] Таким образом, подтверждаются слова Жижека о современной версии политики как «организованной ненависти» [11, с. 222]. И действительно, пресловутые фейки типа «протоколов сионских мудрецов», «оружия массового уничтожения в Ираке», «распятого мальчика в Славянске» не были подкреплены ничем значимым, однако «заряженная» в них концентрация ненависти и разрушительные глобальные последствия «разрядки» подтверждают «что мы находимся в логике симуляции, которая больше не имеет ничего общего с логикой фактов и рациональным порядком» [4, с. 36]. Знаки стали сильнее реальности, поэтому и человеческий опыт стал симуляцией, порожденной колонизацией наших репрезентаций с помощью рекламных стратегий и приемов монтажа образов. Это значительно осложняет возможности понимания медиаинформации, что порождает ситуацию одновременного существования множества кодов, которые не объединены единым метакодом. «Мозаично-карнавальным» медиа-шум формирует особый тип восприятия, при котором рационально-критическая оценка (отчасти понимание) действительности уступает место ее виртуально-иррациональному, но участному потреблению, а то свою очередь трансформируется в т.н. «медиабулимию» при которой происходит перегруз «органа» потребления, резкое защитное отторжение и «возвратный рефлекс».

Именно эта высокая плотность потока информации, направленного на сознание, и его многоканальность, является косвенной причиной его поражения «постправдой». Понятие «информационной перегрузки», введенное Тоффлером, отражает неспособность человеческого сознания эффективно реагировать и принимать рациональные решения при погружении индивида в напичканную новостями среду [12, с. 382], что в итоге приводит

к психологическому заболеванию, названному автором «футурошоком». Еще в 1948г. Лазарсфельд и Мертон ввели термин «наркотизирующая дисфункция» для описания эффекта, при котором давящий поток информации, производимый средствами массовой информации, делает их потребителя пассивными в своей социальной активности. Согласно этой гипотезе, из-за количества доступной разнообразной информации люди тратят больше времени на то, чтобы понять текущие проблемы, и меньше времени на фактическую социально организованную деятельность. Другими словами, чрезмерное внимание к сообщениям средств массовой информации может сбить аудиторию с толку, тем самым отбивая у нее охоту участвовать в политическом процессе. Коммуникативное изобилие, в постмодернистской трактовке, порождает иллюзии контакта, а также желание «нейтрализовать отличия, разрушить Другого как естественное явление» [13, с. 53]. Отрицая отличия, отрицая Другого, отрицая отчужденность, мы включаемся в процесс саморазрушения. «Отныне абсолютную угрозу несет в себе прозрачность того, что воспринимается нами как Другой. Коль скоро Другой, как зеркало, как отражающая поверхность, исчез, самосознанию угрожает иррадиация в пустоте» [13, с. 53]. Именно этот Другой сохраняет нашу целостность и осмысленность. Не отсюда ли происходит наше уже упомянутое выше защитное отторжение медиа-избыточности, та самая естественная позиция человека, описанная Лаканом во фразе: «я не хочу этого знать» — фундаментальное сопротивление тому, чтобы знать слишком много [14, с. 73]. Таким образом, в сознании постоянно разворачивается борьба между природной любознательностью *Wissenstrieb* (влечением) и защитным отторжением информации, и оно (сознание) по словам Бодрийяра начинает страдать аллергией на самое себя [13, с. 26]. «Постправда» в как модель гипоаллергенной информации, соединяя в себе предвзятость подтверждения и метафорическую репрезентацию лжи (но ложь явную), семиотически преломляет реальность (индивидуальную и групповую), встраиваясь в нее и становясь типичным симулякр, выглядящим более конкретным, чем сама реальность. В связи с этим Грэм Харман справедливо говорит о том, что действительное «реальное» было дискредитировано и потому со-

вершенно не подходит к процессу создания «правды», это что-то вроде отделения «реального» от «правды», не столько отсутствие «правды» как таковой, сколько её избыток. По его мнению, было бы уместнее использовать термин «постреальность» [15]. Реальность же как мы знаем из Декарта не отделима от субъекта, а значит «пост-правда» как трансляция субъективности основана на репрезентации личного субъективного опыта познания мира [16, с. 289] и связана с конструированием публичной идентичности, в нашем случае, пользователей социальных сетей и связанной с ними персональной «скрытой правдой». Одни и те же новости, события, истории не могут «открываться» одинаково разным пользователям, и чем более вовлечен пользователь, тем более исключительно ему «открывается» правда. И действительно, там «где Солженицын видит архивы Дьявола, Шаламов находит жесткое ядро некоей этики» [17, с. 31]. Если впасть в крайность, то можно, следуя за Фуллером, подвести всю историю философии под «постправду», ведь именно вся предшествующая история нашего отношения к знанию и подготавливала «постправду», однако и полностью игнорировать положительные аспекты «постправды» не стоит. С ее помощью происходит одновременно и демократизация дискурса и выхолащивание из него откровенно бытового мифа. Ситуация «постправды» по Фуллеру отмечает собой триумф демократии над элитизмом: «с концом обязательного знака наступает царство знака эмансипированного которым могут теперь одинаково пользоваться все классы...на смену знаковой эндогамии, свойственной статусным обществам, приходит состязательная демократия» [18, с. 115]. Через массовое распространение знаков «постправда» постоянно воспроизводит себя и свою экосистему, которая заключается в «концептуальной открытости к людям и идеям, которые раньше игнорировались» [19, с. 335]. Таким образом, ложь «постправды» встроена в машину воспроизводства массовой информации уже в виде предпосылки, являясь основой «прецессии симулякров», предваряющей реальность. Сегодня задача определения «что есть ложь?» практически полностью невыполнима, нежели понимание аналогичного вопроса об истине, а значит и эпистемологическая ценность лжи в контексте «постправды» гораздо выше нежели у истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Управление политическим контентом в онлайн пространстве современных государств: как Twitter не позволил Д. Трампу выиграть президентские выборы в 2020 г. / Н.А. Рябченко, А.А. Гнедаш, О.П. Малышева, В.В. Катермина // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 135–160. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.06>.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989 — 616 с.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем.—М.: Искусство, 1991. — 367 с. - (Серия «История эстетик в памятниках и документах»).
4. Бодрийяр Жан. Симулякры и симуляции / Переводчик: А. Качалов. Рипол-Классик, 2017 – 320 с.
5. Секацкий А.К. Онтология лжи. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2000 – 120 с.
6. Г.М. Маклюэн. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. — Перевод с английского: В.Г. Николаев. — М., 2003. // Электронная публикация:

- Центр гуманитарных технологий. — 15.11.2008. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3528/3563>
7. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под общ. ред. А.Ф. Loseва и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. — 626 с.
  8. Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке/ Комментарии В. Махлина. «Лабиринт», 1993 г. — 188с.
  9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна/Пер. с фр. Н.А. Шматко — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с. (серия 10. «Gallicinium»).
  10. Черкасов, Е.И. Сравнение алгоритмов тематического моделирования при определении тематик постов людей в социальной сети «ВКонтакте» / Е.И. Черкасов // Евразийский союз ученых. — 2020. — № 6-2(75). — С. 45-49.
  11. Жижек, Славой. Событие. Философское путешествие по концепту / С. Жижек; [пер. с англ. Д.Я. Хамис]. — М.: РИПОЛ классик, 2019. — 240 с. — (Фигуры Философии).
  12. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 557, [3] с. — (Philosophy).
  13. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. — М.: Добросвет, 2000. — 258 с.
  14. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. — М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. — 160 с.
  15. Strelka Mag. Постправда: будущее уже здесь — оно просто неравномерно распространено. 21.12.2016, Автор: Екатерина Арье <https://strelkamag.com/ru/article/posttruth-ru>
  16. Тихонова С.В. Конкуренция науки и лженауки в эпоху постправды // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 287–291. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-287-291.
  17. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. Пер. с фр. Б. Скуратов, К. Голубович. М.: Издательство «Логос». 2005. - 240 с.
  18. Жан Бодрийяр. Символический обмен и смерть. — М.: «Добросвет» 2000 — 387 стр.
  19. Фуллер, С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 368 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2190-8 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-2215-8 (e-book).

© Протасов Саян Юрьевич (psuu03@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Седельников Михаил Валерьевич

К.ф.н., доцент, Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск
mike.sedelnikov@yandex.ru

SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS IN MODERN RUSSIA: SOCIAL AND POLITICAL PROSPECTS

M. Sedelnikov

Summary: The article is devoted to the socio-philosophical understanding of the nature of Russia's technological development in the context of the growing impact of sanctions, since today the progress of science and technology acts as a determining factor in political and socio-economic dynamics. It is noted that at the state level, the primary stabilizing tasks are to support Russian science and science-intensive industry, qualitatively strengthen the role of science in culture and society, and transform the model of managing scientific and technological processes based on certain technocratic principles. These measures will not only increase the stability of the political regime, increase the efficiency of the production of consumer goods and concentrate resources, but also reorient Russian society towards the achievements of domestic science and technology, reduce the excessive consumption of material goods, and minimize dependence on technology imports. In the future, the growth of scientific enlightenment of the population and the introduction of innovative technologies will make it possible to rethink the quantitative level of expenditures, based on the principles of rationalism and pragmatism, and also to maintain the leading role of Russia on the scale of technogenic human civilization.

Keywords: scientific and technological progress, political regime, social development, high-tech production, sanctions in the field of science and technology, technocratic management model.

Аннотация: Статья посвящена социально-философскому осмыслению характера технологического развития России в контексте нарастающего воздействия санкций, поскольку сегодня прогресс науки и техники выступает в качестве детерминирующего фактора политической и социально-экономической динамики. Отмечается, что на государственном уровне первоочередными стабилизирующими задачами являются поддержка российской науки и наукоемкой промышленности, качественное усиление роли науки в культуре и обществе, трансформация модели управления научно-технологическими процессами на основе отдельных технократических принципов. Эти меры смогут не только повысить стабильность политического режима, увеличить эффективность производства товаров народного потребления и сконцентрировать ресурсы, но и переориентировать российское общество на достижения отечественной науки и техники, снизить чрезмерный уровень потребления материальных благ, свести к минимуму зависимость от импорта технологий. В перспективе рост научной просвещенности населения и внедрение инновационных технологий позволит переосмыслить количественный уровень расходов, основываясь на принципах рационализма и прагматизма, а также сохранить ведущую роль России в масштабе техногенной человеческой цивилизации.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, политический режим, социальное развитие, высокотехнологичное производство, санкции в сфере науки и технологий, технократическая модель управления.

С тех пор, как наука стала считаться особым социальным институтом, а научное сообщество – сложной самоорганизующейся системой, их положение в государстве принимается во внимание как один из показателей, который позволяет в определенной мере зафиксировать степень развития экономической, технологической и политической действительности. Сегодня вопрос о будущем научно-технического развития России представляет глубокий интерес для социально-философского осмысления по целому ряду причин, главная из которых заключается в том, что уровень развития науки, интенсификации исследовательских программ и интеграции современных технологий в целом выступает в качестве детерминирующего фактора динамики общества, позволяя также проанализировать перспективы его эволюции. В связи с ростом общественного благосостояния, происходящим благодаря внедрению научно-технических достижений, немаловажной представляется и

оценка возможной опасности необратимых трансформаций социального характера для современного человека, живущего в России. Тяга к гипертрофированному потреблению и искусственно созданным материальным потребностям, стремление людей к их удовлетворению способно менять жизненные, культурные, политические ориентиры общества в целом.

Совсем недавно, 25 апреля 2022 г. на высшем государственном уровне период с 2022 по 2031 г.г. был объявлен «Десятилетием науки и технологий» [3]. Очевидно, что данным решением российская власть преследует закономерную цель – улучшение положения отечественной научной сферы и наращивание собственного технического потенциала для решения ключевых экономических задач в условиях международных санкций, введение которых было спровоцировано геополитической напряженностью. Санкционное давление при-

вело к свертыванию в России (временному или окончательному) ряда зарубежных производств и оттоку из страны передовой техники и наукоемких технологий, в числе которых – авиация, микроэлектроника, автомобилестроение, связь и цифровые коммуникации. По объективным причинам прерываются международные научные связи и замораживаются совместные экспериментальные проекты, что будет наблюдаться и в просматриваемой перспективе. Именно в связи с этим и возникает дилемма, ставшая предметом рассмотрения в данной работе: какая модель управления научно-технологическими процессами в масштабах российского политического режима окажется наиболее эффективной и будут ли актуальные тенденции отражать регрессивность вектора научно-технического развития России, которая столкнется с нарастающим технологическим отставанием, или же отказ от иностранных технологий приведет к своеобразному «ренессансу» и даст возможность в короткие сроки обновить и реконструировать отечественную систему науки и инженерную составляющую высокотехнологичного производства, используя уже имеющийся потенциал.

Непростая ситуация, в которой в сегодняшней России оказался исторический ход научно-технического прогресса, имеет свое логическое объяснение. Очередная промышленно-технологическая революция, начавшаяся с середины XX века, к концу этого столетия привела наиболее развитые страны к наукоемкому производству, основанному на широком применении автоматизации и внедрении цифровых технологий в управлении технологическими процессами. Вместе с тем произошло укрепление и совершенствование так называемой кейнсианской модели макроэкономического регулирования (основывающейся на необходимости государственного вмешательства в капиталистическую экономику и кредитно-денежную политику), которое привело ряд стран Запада к возникновению постиндустриального общества. Его основными компонентами стали информационная революция и беспрецедентное развитие высоких технологий. Знания стали решающим фактором развития экономики, приводя к повышению производительности труда и выдвигая на первый план человеческий капитал, увеличивая число изобретательской активности и инноваций [10, с. 114-119]. Возникли новые прогрессивные тренды, например, дематериализация – внедрение технологических процессов, основанных на цифровых технологиях, позволяющих экономить природные ресурсы (вторичная переработка сырья, оцифровка книг, конвертация музыкальных произведений и т.д.) [4, с. 169-170].

Как уже рассматривалось нами ранее [6], несмотря на концептуальную поддержку этого тренда, научно-исследовательские институты и индустриальные предприятия нашей страны, сформированные по большей части при социалистическом режиме, вследствие политиче-

ской турбулентности и экономических неурядиц начала 1990-х гг., не сумели своевременно трансформироваться по ряду причин. Во-первых, так и не была сформирована новая прикладная научная система для возникновения структур, основополагающий ресурс которых базировался бы на интеллекте инженера и изобретателя. Предшествующая система к тому времени была дезинтегрирована, большая часть практически ориентированных НИИ закрылась, механизмы патентного права были исключительно медлительными. Во-вторых, фундаментальную академическую науку в это время фактически поставили в условия «самовыживания», поскольку государственное расходование средств на нее постоянно и резко снижалось. Возник ряд негативных тенденций: задержки заработной платы научных работников, эмиграция или смена рода деятельности, искусственная конфронтация между академической и вузовской наукой. В конечном счете, Россия осталась в стороне технологической революции.

Динамика постиндустриального вектора развития была потеряна, потому выбор пал на модернизацию существующей индустриальной модели экономики, причем в двунаправленном варианте: с сохранением оборонного направления и сосредоточением на нуждах добывающей промышленности. Российские гражданские технологии, где в связи с глобализацией рынка намечалась высокая степень конкуренции и вовлеченности инженеров и ученых, остались по большей мере невостребованными. Важно отметить, что во времена существования СССР рынок отечественных потребительских товаров был во многом дефицитным, а импортная бытовая техника, автомобили, электроника являлись практически недостижимой мечтой для большей части общества. Эту ситуацию, вызванную изъянами советской плановой экономики, с современных позиций принято всесторонне критиковать.

Вместе с тем, если обращаться к целям марксизма, принятого в Советском Союзе на идеологическом и мировоззренческом уровнях, то можно констатировать, что одна из исходных целей К. Маркса – построение общества разумной достаточности, в котором человек освобождается от материальной алчности и достигает оптимума в потреблении, обретая в этом полноту духовного богатства жизни – и сегодня выглядит рациональной. Противовес этому общественному укладу – диссонирующее с ним индустриальное общество. В нем человек имеет слишком многое, бесконечно потребляет и, таким образом, лишается свободы, становясь рабом возрастающих потребностей, которыми, в значительной степени, манипулирует капиталистическая система. Трудно не согласиться с К. Марксом полагающим, что производство слишком большого количества полезных вещей производит слишком много бесполезного населения [1, с. 603].

Позже неомарксисты, в частности, Э. Фромм, творче-

ски переосмысливая идеи марксизма, приводили мнение о том, что фундаментом общества свободного потребления должны стать, с одной стороны, стремления к ликвидации бедности, оптимальному достатку и бережливости, с другой – искоренение чрезмерного богатства и расточительности. Эта модель призвана поэтапно увеличивать степень человеческой свободы и противостоять формированию социального характера так называемого «человека потребляющего» (*homo consumens*), главной целью которого является не владение вещами, а увеличивающееся их потребление, формирующее внутреннюю пустоту и тревожность индивида [8, с. 46-48]. В свою очередь, Г. Маркузе считал, что у индустриального общества присутствует инструментарий, позволяющий преобразовывать метафизическое в физическое, внутреннее во внешнее, события в сознании человека в события в сфере технологии. Соответственно, перевод ценностей в потребности – процесс двойственный: во-первых, происходит материальное удовлетворение (материализация свободы), во-вторых – начинается свободное развитие потребностей на основе удовлетворения. Данный процесс, полагал философ, кардинально меняет соотношение материальных и интеллектуальных способностей в обществе, ориентированном на технологии [2, с. 307].

Однако в построениях советского политического режима так и не удалось разрешить это противоречие вследствие несбалансированности плановой экономики и глубоких политико-социальных проблем; сама же идея о разумном потреблении была постепенно дискредитирована тотальным отсутствием продуктов и товаров. Соответственно, в связи с крушением системы социализма в нашей стране проблема удовлетворения материальных потребностей населения потребовала оперативного принятия мер. Государство, приняв в расчет материальные запросы общества, наполнило рынок товаров народного потребления «вождем» импортом, что в перспективе позволило снизить социальную напряженность и стабилизировать политический режим к середине 2000-х годов. Однако оказалось, что лишь на экономическом уровне ситуацию не решить: требуются концептуальные схемы новой модели управления в сфере науки и технологий, появляется необходимость осмысления механизмов удовлетворения потребностей населения потребительскими товарами и понимания внутренней природы и перспектив научно-технического прогресса.

В последние два десятилетия Россия не испытывала недостатка в образцах зарубежной научно-технической мысли: импортные автомобили, компьютеры, гаджеты, лекарства, бытовая химия прочно вошли в повседневную жизнь российского общества, что с позиции роста экономического благополучия видится уместным. Однако данные тенденции, абсолютизовав материальные потребности индивида, привели к формированию

психологии массового потребления, всеобщую закредитованность населения, и сформировали в обществе систему достаточно упрощенных ценностей. Сегодня достижения технического прогресса своевременно причисляют к новому «культу», поскольку наблюдается своеобразная форма сакрализации техники (автомобилей, смартфонов и т.п.), обладание которой рассматривается как самоцель, приносящая человеку удовольствие. Эта современная тенденция подробно исследуется специалистами, справедливо полагающими, что стремление к сосредоточению и накоплению собственности является нормой, в соответствии с которой функционирует общество. Для богатых слоев данная потребность связана с приобретением имущества и извлечением прибыли, что увеличивает привлекательность богачей в глазах основной массы малообеспеченных, порождает зависть и стимулирует схожие процессы накопительства, удовлетворяя чувство собственности [9, с. 285-288].

Справедливо отметить, что описанные процессы не обязательно деструктивны: при рыночной модели экономики подобная диспропорция помогает человеку развиваться, поощряя соперничество индивидов. Между тем, объективным является тот факт, что в сегодняшней России подавляющее количество техники и имущества, находящихся в собственности у населения – продукция иностранного научно-технического прогресса. Соответственно, все слои российского общества для удовлетворения своего потребительского чувства стимулируют (в большинстве случаев) развитие не отечественной, а зарубежной научной и инженерной мысли. Таким образом, процессы обеспечения материальных потребностей могут транслировать и постепенно закреплять в обществе новые, зачастую несвойственные и деструктивные идеологические, исторические и социокультурные ценности, формируя недоверчивое и даже неприязненное отношение к достижениям отечественных ученых. Обращает на себя внимание и то, что за последнее время крупных государственных проектов, объединяющих отечественную науку и промышленность (например, в области биотехнологии, микроэлектроники, нанотехнологии), массово не наблюдается, либо их результаты не доходят до реального воплощения.

Научно-техническое развитие, основывающееся на принципах технического (технологического) детерминизма, неоднократно анализировалось в качестве главенствующего фактора цивилизации в концепциях неоеволюционизма, постиндустриализма, технотронного общества и др. [5]. Многие ученые, считая главным фактором развития общества технику и технологии, основанные на расширении научного знания, придерживались этих позиций. Г. Маркузе полагал, что конституируя себя методически как политическое предприятие, наука и технология преодолевают свою нейтральность, вследствие которой они были подчинены политике и во-

преки своим целям функционировали как политические инструменты, и входят в новый этап своего развития [2, с. 306]. По мнению Э. Тоффлера, в конструкции современного общества и его динамике существенную роль играет «техносфера», производящая и распределяющая блага, в соответствии с изменениями в которой модифицируются социо- и инфосфера, которые, в свою очередь, влияют на сферу власти и психосферу [7, с. 261, с. 577].

В сегодняшней России решить проблемы зависимости научно-технической сферы от социального развития (которое, как показывает практика, вторично и подчинено техническому прогрессу) возможно, пойдя по пути реализации теоретических основ философской концепции технологического детерминизма. Эти теоретико-методологические установки в современном государстве приводят к процессам возникновения на уровне политической системы технократической модели управления, предусматривающей постепенный трансферт властных рычагов от профессиональных политиков к технократам, владеющих специальными знаниями – ученым, инженерам, техническим специалистам. Представляется, что, сделав ставку на этот наиболее прогрессивный социальный класс, в России реально эффективно ограничить уровень политического доминирования финансово-олигархических и других групп влияния, отрегулировать ситуацию с чрезмерным уровнем потребления материальных благ обществом, свести к минимуму зависимость от импорта технологий и научных достижений, интенсифицировать отечественную науку и промышленность.

Социально-философское осмысление соотношения материальных потребностей общества с вероятными векторами научно-технического прогресса в России на современном этапе развития позволяет сформулировать ряд выводов:

1. За непродолжительное время для значительной части российского населения импортные потребительские товары и иностранные технические инновации стали индикаторами процветания и достатка, что, в свою очередь, серьезным образом переформатировало как сферу повседневной жизни человека, так и отношение к этому со стороны власти. Вместе с тем, решение вопроса о соотношении материального и нематериального

в российском обществе поможет выработать парадигму отношения человека к эволюции научно-технического прогресса в России не как к проблеме доступа к потреблению благ иностранного производства, а возможности концептуального переосмысления количественного уровня расходов, придя к мысли о разумной достаточности.

2. Очевидно, что марксистское воплощение социализма в нашей стране не смогло стать системой, в которой первостепенной целью являлось бы совершенствование человека, свободного от чрезмерного потребления, скорее, наблюдались обратные тенденции. Наряду с этим, марксистская диалектика производства и потребления (необходимость производить материальные блага для того, чтобы удовлетворить потребности людей) в XXI веке не устарела. Поскольку удовлетворенные потребности ведут к новым потребностям, а новое производство культивирует очередные запросы, в обозримом будущем эти процессы не затормозятся – социальный прогресс во многом определяется прогрессом техники. Поэтому в характере современного российского политического режима должны найти отражение идеи и принципы разумной модели технократического управления обществом, что обеспечит трансформацию производства, интеллектуальное социальное проектирование, прагматичную концентрацию ресурсов.
3. Для сохранения стабильности российской политической системы, которая столкнулась с серьезными инфраструктурными проблемами в экономике, порожденными санкциями, ключевой задачей будет являться адекватное понимание ситуации дистанцирования от мировой научной и производственной систем, и вероятной технологической стагнации. Чтобы избежать подобного развития событий, в социальном управлении необходима широкомасштабная поддержка науки и наукоемкой промышленности, качественное усиление роли науки в культуре и обществе в целом. Рост научной просвещенности, переориентация людей на достижения отечественного научно-технического прогресса сможет сохранить ведущую роль России в контексте человеческой техногенной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 689 с.
2. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
3. Официальный интернет-портал правовой информации. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (дата обращения: 16.05.2022).
4. Пинкер С. Просвещение продолжается: В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 626 с.
5. Седельников М.В. Прошлое и будущее технократической политической системы // Сложные системы: целостность, иерархия, идентичность: моногра-

- фия / В.А. Устюгов, В.И. Кудашов, М.А. Петров [и др]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 117-134.
6. Седельников М.В. Философская парадигма взаимоотношений государственной бюрократии и научного сообщества // Образы науки в зеркале философии: монография. / Под науч. ред. Кудашова В.И. Ульяновск: Зебра, 2018. С. 53-74.
  7. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 781 с.
  8. Фромм Э. Искусство быть. М.: Аст, 2013. 348 с.
  9. Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть? М.: АСТ, 2009. 442 с.
  10. Хайтун С.Д. Кризис науки как зеркальное отражение кризиса теории познания. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.

© Седельников Михаил Валерьевич (mike.sedelnikov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сибирский федеральный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

TRANSFORMATION OF FAMILY VALUES IN THE HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT

V. Skopa
S. An

Summary: The article analyzes the transformational processes of family values in the history of Russian philosophical thought. In the history of philosophical knowledge, the family, family values and related legal relations have always been in the focus of scientific attention, while they were considered ontologically, axiologically and were inextricably linked with the philosophy of love. Based on the identified works, the article highlights approaches in the history of philosophical thought in relation to family and marriage. Special attention is paid to the woman as the keeper of the family hearth. A woman has a strong trait that embodies divine harmony, as noted by V.V. Rozanov, V.S. Solovyov, P.E. Astafiev, N.F. Fedorov. Based on the work of researchers, the transformation of value categories and their impact on the development of the family is analyzed. In a historical retrospective, the problems of family values in the Soviet and post-Soviet periods are revealed.

Keywords: family values, history of philosophy, gender approach, family and marriage.

Скопа Виталий Александрович

Д.и.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Ан Светлана Андреевна

Д.ф.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Аннотация: В статье анализируются трансформационные процессы семейных ценностей в истории русской философской мысли. В истории философского знания семья, семейные ценности и связанные с ней правовые отношения всегда были в фокусе научного внимания, при этом они рассматривались онтологически, аксиологически и неразрывно были связаны с философией любви. На основе выявленных работ в статье выделены подходы в истории философской мысли в отношении семьи и брака. Отдельное внимание уделено женщине, как хранителю семейного очага. У женщины есть сильная черта, воплощающая божественную гармонию, как отмечают В. В. Розанов, В.С. Соловьев, П.Е. Астафьев, Н.Ф. Фёдоров. Основываясь на работы исследователей, анализируется трансформация ценностных категорий и их влияние на развитие семьи. В исторической ретроспективе раскрыты проблемы семейных ценностей в советский и постсоветский периоды.

Ключевые слова: семейные ценности, история философии, гендерный подход, семья и брак.

Современный мир вступил в полосу активных структурных преобразований, являющихся беспрецедентным вызовом человечеству. Проблемы семьи как базовой ячейки общества и семейно-брачных отношений всегда находились в сфере интересов культурологов, философов, психологов, педагогов, историков. В процессе социальной и культурной трансформации института семьи и брака отношения семьи и общества, семьи и личности постоянно изменялись под воздействием образа жизни, общественных отношений [8]. Семейные ценности были ориентированы на удовлетворение потребностей общества, развитие и совершенствование общественных отношений [2].

Степень изученности проблемы весьма обширна. В истории философского знания семья, семейные ценности и связанные с ней правовые отношения всегда были в фокусе научного внимания, при этом они рассматривались онтологически, аксиологически и неразрывно были связаны с философией любви [5, 7, 10, 12]. Так, до середины XIX столетия, семья рассматривалась как микромодель общества; понятия семья и брак были равнозначными [15]. Со второй половины XIX века особое зна-

чение в изучении проблем семьи и семейных ценностей стали представлять антропологические и этнографические исследования Дж.Ф. Мак-Леннана, Л.Г. Моргана, Ф. Энгельса. В работах обозначенных исследователей сохранился материал, который объяснял закономерности исторического развития семьи и брака [1, 3, 13, 16].

С начала XX столетия в философских науках особую важность приобретают постулаты, касающиеся трансформаций института семьи и брака, что нашло отражение в трудах У. Огборна, К.П. Сорокина Т. Парсонса. Во многом это было связано с процессом модернизации общества, где отдельно вычленились проблемы семейных изменений [11, 18].

В России проблема взаимоотношений категории семьи и общества особую значимость приобрела с эпохи перестройки. В настоящее время проблемы семьи и трансформации семейных ценностей в Российской Федерации определяются общемировыми тенденциями, характерными для развитых стран. В то же время важно отметить и специфику переживаемого современной Россией исторического периода развития, которая во

многим предопределяет исконную сущность ценностей семьи и брака [9].

Исходя из анализа массива научной литературы, целью данной статьи является анализ трансформации семейных ценностей в истории русской философской мысли.

В научной литературе, как правило, под понятием трансформация понимается любое изменение культурной формы как внешне, так и содержательно. Нельзя не согласиться с устоявшимся постулатом, что культура в наилучшем виде «самораскрывается в трансформации», и человек «предопределён к трансформации в силу своей антропологической незавершенности» [7]. Трансформация явления, в нашем случае, брака, семьи, неизбежно влечет за собой смену его смыслового значения.

Изменчивость социальной жизни, как и природы, вынуждает её менять свои формы. Человек переживает глубокое онтологическое противоречие: с одной стороны, он должен удерживать постоянство, с другой – быть готовым к постоянным изменениям. В современном мире культурные трансформации семьи, брака, взаимоотношений женщины и мужчины приобрели глобальные изменения [6].

В истории философской мысли в отношении к семье и браку можно выделить несколько подходов:

1. Ценность семьи в древней философии нередко отрицалась как с позиции аскетизма, так и с позиции нравственной беспринципности. Интересно, что стоицизм не только не препятствовал браку, а, напротив, настаивал на строгости семейной жизни.
2. Христианская философская мысль изначально, а сегодня ярко проявляет себя в православии, по отношению к браку как к таинству внутреннего единения мужчины и женщины – единения духовного, душевого и телесного, скреплённого самим Богом (таинство венчания в храме, а не в парке, как сейчас модно у многих протестантов). В этом таинстве, согласно священным книгам Евангелия, обычные супружеские отношения преобразуются благодатью Божией в отношения, исполненные духом христианской любви. Христианская семья живёт не иначе, как в церковной среде и сама становится «малой домашней Церковью» (св. Иоанн Златоуст) [19].
3. В нецерковной философско-религиозной мысли встречается романтическое противопоставление любви и брака, далёкое от христианского понимания. С точки зрения Н.А. Бердяева, тайна брака – это не семья, а тайна соединения «в эпоху творчества» [4, 5]. Известно, что творчество у Бердяева свободно даже от Бога, оно самостоятельно и самодостаточно. В любви философ видит утверждение и творческое раскрытие личности. В семье

же – что-то родовое, уничтожающее человека, где его призвание к большой любви неосуществимо, поэтому пути любви в мире трагичны. Сообразно Бердяеву, «семья есть послушание последствия и греха, приспособление к родовой необходимости. Семья всегда есть принятие неизбежности рождающего сексуального акта через послушание бремени пола... Новый Завет по глубокой мистической своей сущности отрицает семью, так как отрицает сексуальный акт как падение и грех пола, отрицает «мир сей» и всякое буржуазное его устройство. Подлинно «христианская семья» так же не может быть, как не может быть подлинно «христианского государства» [4]. Поскольку семья и брак в русской философии XIX – начала XX вв. в основном выражены в «философии женственности», Н. А. Бердяев «женский вопрос» сводит исключительно к вопросу половому, аргументируя это тем, что он решается «метафизикой пола, а социально-экономическая его сторона производна» [4].

Эмансипационное движение XIX века «нормальным» человеком считает мужчину, женщина подстраивается под него в одежде, поведении (курит), в ориентациях на общественное положение. В таком виде Бердяев отрицает эмансипацию, принижающую достоинство женщины, лишаящую её индивидуальности. Но семья состоит из двух половинок – мужской и женской, а созидательной силой является любовь – Эрос. Лишить женщину её половой сущности, значит, уничтожить её духовную и творческую силы. Напротив, цельность семьи рождает и сохраняет личность обоих супругов и их детей [4].

У женщины есть сильная черта, воплощающая божественную гармонию, что отмечают В.В. Розанов, В.С. Соловьёв. П.Е. Астафьев, Н.Ф. Фёдоров: это способность рожать детей. В мифологическом сознании эта способность воспринималась как удивительный божественный дар, который получал отзвук в социуме: девица, ставшая матерью, всегда получала почёт и уважение, чем больше детей вырастила и воспитала женщина, тем почтительнее к ней относились окружающие. Женщине приписывалась способность хранить мудрость предков и передавать эти знания свои детям. Это вечное и неизменное право женщины, дарованное высшей силой, стоит над эмансипацией: неразумная женщина погубит всю семью, станет позором для рода. С этим связана и важная роль жены – роль хозяйки, поскольку она выступает тем гармонизирующим началом, вокруг которого строится семейный быт. Задача мужчины – приносить добычу, а жены – правильно распределить запасы, чтобы накормить всю семью, контролировать слуг, если таковые имеются, воспитывать детей. Женщина – центр дома, его душа.

Особую роль женщины, семьи, брака отмечал В.В. Ро-

занов. Семью он называет «первой религией», интим он характеризует сакральным пространством. Обращаясь к трудам мыслителя, мы выходим на его метафизику пола и семьи: «Семья как религия» [17]. У философа пол – Абсолют, брак – явление божественного мира, зачатие – чудо, суть которого в «соединении ноуменального с реальным» [17]. Размышляя о божественной равности полов, он подчеркивает: «мужчина растворяется в женщине», поскольку женщина – ключевая фигура [16].

Будучи сам священником, Розанов говорит о парадоксальности идей христианской церкви в этом вопросе: тело и дух телесности – не чисты» [16]. На этом основании пол загрязняет человечество, развращает его; обосновывается celibат в католицизме, безбрачие монашества в православии. С другой стороны, аскетизм для Розанова – грех. Без семьи нет продолжения человечества, нет будущего. Ибо дети – способ обновления мира, и родители при таком воззрении «не умирают вовсе, умирает их сегодняшнее имя» [17]. Мыслитель таким образом соединяет социальную философию и метафизику.

Историк философии, размышляя о семейных ценностях, не может обойти идеи, изложенные также в XIX веке П.Е. Астафьевым в его работе «Психологический мир женщины, его особенности, превосходство и недостатки» [3]. Астафьев убежден, что «в семье коренится всякая жизнь, всякая надежда – личная, и общественная, и государственная; поэтому же в её судьбах, как в зеркале, отражается и вся современная ей жизнь... когда рушится семья – всё рушится» [3]. Философ справедливо уверен, что только в семье, в её школе постигает человек непосредственно и то, что он есть сам и что есть остальные люди. Хорошо владея этнографическим, историческим материалом и собственными наблюдениями, Астафьев увязывает семейный вопрос с национальным фактором. Он говорит, что по русским законам женщина не только в экономической и чисто гражданской области вполне приравнена к мужчине, но и семейные права её несравнимы с правами француженок и англичанок; они у неё есть, и её не тянет к социальным реформам. И в XIX веке русские нравы поощряют женщину к труду в семье, отвлекая её от труда вне семьи. Подойдя к семейному вопросу психологически, философ отмечает: по сравнению с мужским, мышление женщины конкретнее, ярче, эффективнее, практичнее [3].

В первое послереволюционное десятилетие палитра гендерной проблематики меняется и была следующей:

1. Коллективно мыслящий ребёнок должен быть воспитан в коллективной среде; «Чем быстрее от матери будет отобран ребёнок и сдан в общественные ясли, тем больше гарантий, что ребёнок будет здоров» [14].
2. Чтобы помочь женщине, «нужно убить кухню» [13].

3. Женщина должна освободиться от цепей домашнего хозяйства и забот о семье, тогда повысятся её шансы на участие в общественной и политической жизни.

В тридцатые годы обозначаются новые тенденции в демократической политике, сопровождающиеся пропагандой ценности материнства как «высшего и естественного предназначения женщины». Понятие «матери-работницы» становится идеалом для советской женщины на весь советский период.

В философской литературе такие идеи не анализировались. Возможно потому, что в 30-х годах XX столетия И.В. Сталин заявил, что женский вопрос решен окончательно [18]. Проблема семьи не попадает в поле зрения официальной философии.

В 60-е года XX века в работах психологов и социологов рассматривается гендерная проблема, но вопросы семьи практически не освещаются.

На современном этапе основные тенденции философии семейных отношений и ценности брака переосмысливаются, приобретая новые витки в исследованиях и проблемных полях, из которых можно вычлени следующие:

- всплеск интереса к гендерным исследованиям;
- возвращение в научный оборот сочинений русских мыслителей и их новая интерпретация;
- влияние работ западных учёных в области гендерных исследований.

Появились новые понятия: «бесполоый», «феминизированный мужчина», «маргинализация половых различий», «однополое браки» и другое.

В целом, если подвести итог, то можно отметить, что семья и семейные ценности – это те категории, которые вызывают и будут вызывать неподдельный интерес в изучении, переосмыслении и понимании их в условиях трансформации общества.

Семья является сложным социокультурным образованием, которое находится в процессе постоянного развития и изменения. В современных условиях семья переживает сложный, неоднозначный период в своем развитии, меняется с одной стороны под воздействием социально-экономических факторов, с другой – под воздействием внутренних процессов, происходящих в семье. В то же время актуализация семейных ценностей через призму истории философской мысли позволяет вычлени детерминанты, имеющие важнейшую основу в совершенствовании семьи как ячейки общества, а вместе с тем сохранить ценностные категории, касающиеся семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аз-Зухейли В. Современная семья в исламе. М., 2000. – 251 с.
2. Анисимов С.Ф., Смоленцев ЮМ., Разин А.В. Ценности реальные и мнимые. М., 1994. – 176с.
3. Астафьев П.Е. Психологический мир женщины, его особенности, превосходство и недостатки //Философия нации и единство мировоззрения. М., 2000. – С. 223-351.
4. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви. – URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1907_metafizika.shtml.
5. Бердяев Н.А. Самопознание // Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1997. – С. 340-355.
6. Боулдинг Э. Роль женщины: от прошлого к настоящему. М., 2001. – 176 с.
7. Бубнова С.С., Крылов В.Ю. Ценностные ориентации личности как система с многомерной структурой. М., 1997. – 135 с.
8. Гаспарян Ю.А. Семья на пороге XXI века (социологические проблемы). СПб., 1999. – 320 с.
9. Здравомыслова О. Брак, любовь, свобода // Семья и школа. 1996. №9. - С. 14-15.
10. Здравомыслова О. Статус и карьера женщины в современных условиях. М., 2000. – 283 с.
11. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII - XX вв.). М., 1997. – 129 с.
12. Ионесов В.И. Культура и трансформация: метаморфозы адаптации и развития // Вопросы культурологии. 2009. № 8. – С. 4-7.
13. Луначарский А.В. Мораль с марксистской точки зрения. – URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/>.
14. Лядов М.Н. Вопросы быта: Доклад на собрании ячейки Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова (1924 г.) // Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов. М., 1989. – С. 304-327.
15. Поляков Л.В. Женская эмансипация и теология пола в России XIX в. // Феминизм: Восток. Запад. Россия. М., 1993. – С. 157-175.
16. Розанов В.В. Семейный вопрос в России. СПб., 1903. – 351 с.
17. Розанов В.В. Семья как религия. М., 1990. – 185 с.
18. Рябов О.В. Русская философия женственности (XI-XX века). Иваново, 1999. – 359 с.
19. Соколов В.В. Средневековая философия. М., 1979. – 448с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Ан Светлана Андреевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АРХЕТИПИЧНОСТЬ РУССКОГО РОКА

Фетисова Евгения Николаевна

К.ф.н, доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск
evseneya@mail.ru

THE ARCHETYPICALITY OF RUSSIAN ROCK

E. Fetisova

Summary: The article analyzes music through the prism of the theory of archetypes of the collective unconscious by Carl Gustav Jung. The subject of the study is the archetypal nature of Russian rock. The phenomenon of music is being researched, clearly showing its ability to draw out repressed existential experiences that were once objectionable from the depths of individual existence into consciousness. Re-experienced and newly realized, these experiences become a valuable experience that improves the quality of life. Each archetype embedded in a piece of music sets in motion certain strings of the soul, evokes emotions characteristic of a particular archetype. For the stated analysis, the most significant archetypes for the development of personality are considered: Persona, Anima and Animus, Self and Shadow.

Keywords: existence, philosophy of music, existential experience, archetype, value norms, collective unconscious.

Аннотация: В статье анализируется музыка через призму теории архетипов коллективного бессознательного Карла Густава Юнга. Предметом исследования выступает архетипичность русского рока. Исследуется феномен музыки, наглядно показывающий ее способность вытягивать из глубин индивидуального бытия в сознание подавленные экзистенциальные переживания, которые были когда-то неуютными. Заново пережитые и по-новому осознанные, эти переживания становятся ценным опытом, улучшающим качество жизни. Каждый архетип, заложенный в музыкальном произведении, приводит в движение определенные струны души, вызывает эмоции, свойственные конкретному архетипу. Для заявленного анализа рассматриваются наиболее значимые для развития личности архетипы: Персона, Анима и Анимус, Самость и Тень.

Ключевые слова: экзистенция, философия музыки, экзистенциальный опыт, архетип, ценностные нормы, коллективное бессознательное.

Музыка существовала всегда. Даже тогда, когда человек еще не мог говорить, но мог подражать пению птиц, рыку диких животных, реву водопада. Это довербальное искусство. Оно существовало тогда, когда оформлялись архетипы. Возможно, это является ключом к объяснению факта, что музыка способна прорываться сквозь психологические барьеры, открывать выход бессознательному, добираться до самых глубин психики. И чем более архаичные слои психики затрагивает музыкальное произведение, тем дольше оно живет, становится классикой. Существует множество научных подходов к изучению музыкального искусства как особой формы художественного освоения мира.

Музыка всегда сопровождала человека в ходе эволюции общества, зачастую формировала и трансформировала его сознание. Поэтому так важно исследовать различные смыслы музыки с помощью философских и психологических концепций, которые наиболее четко высвечивают музыку в качестве феномена сознания, восходящего к самым его глубинам, к первым архаичным слоям психики. В статье анализируется музыка через призму теории архетипов коллективного бессознательного Карла Густава Юнга. Предметом исследования выступает архетипичность русского рока.

Рок-музыка в целом является особым искусством, сильно влияющим на внутренний мир людей разных поколений. В этом жанре скрыто много смыслов, влияющих на экзистенцию современного человека, поэтому он достоин глубокого анализа со стороны академической науки.

Рок и классическая музыка являются, пожалуй, самыми яркими и любимыми жанрами, вызывающими бурю сильных эмоций. Совсем не случайно современные рок-музыканты любят экспериментировать совместно с симфоническими оркестрами, и публика подобный альянс принимает восторженно.

Рок способен вызывать экзистенциальные переживания, даже если текст, наложенный на музыку, на иностранном языке. Музыка первична. Она способна раскачать чувства вплоть до выброса негативных эмоций без плохих последствий. В силу своей архаичности, музыка сильно влияет на бессознательное, как в положительном ключе, так и в отрицательном. В статье речь идет о рок-направлениях, не связанных с культивированием деструктивных практик, а, напротив, способствующих терапевтическому эффекту, затрагиванию глубинных струн души [3].

Рок-музыка с текстом на родном языке многократно усиливает поток страстей, резонируя с внутренним миром слушателя (раскачивает архетипы), дает силы восстановиться после пережитых эмоций, перезагрузку, обновление. Рок в русском варианте отличается глубоко экзистенциальными текстами, в которых очень понятно проговариваются проблемы свободы, выбора, любви, одиночества, боли. Мартин Хайдеггер считал, что объективировать экзистенцию нельзя, но можно сделать так, чтобы «бытие само заговорило с нами» [1, с. 9-12]. Для этого музыка является одним из лучших проводников, способных вытягивать из глубин индивидуального бытия

в сознание подавленные экзистенциальные переживания, которые были когда-то неудобными. Заново пережитые и по-новому осознанные, эти переживания становятся ценным опытом, улучшающим качество жизни. Усиливают эффект тексты на родном языке. Именно поэтому в статье внимание уделяется русскоязычному року.

Поскольку основные архетипы для всех людей практически одинаковы, слушатель способен их считывать на подсознательном уровне. Каждый архетип, заложенный в музыкальном произведении, приводит в движение определенные струны души, вызывает эмоции, свойственные конкретному архетипу [2]. Количество архетипов велико, для заявленного анализа остановимся на наиболее значимых для развития личности: *Персона, Анима и Анимус, Самость и Тень*. Будем придерживаться данной классификации архетипов для выявления архетипического содержания рок-музыки.

Основным структурным элементом личности человека Юнг считал коллективное бессознательное, которое является общим для всех людей и состоит из накопленного в процессе эволюции общества культурно-исторического опыта. Данный опыт отражается в психике человека в форме психических прообразов – архетипов. Архетипы проявляются как в коллективных идеях, образах и теориях, мифах, снах, сказках и т.п., так и обуславливают предрасположенность человека к определенным схемам поведения и психическим реакциям. Архетипы являются чистой формой без содержания. Наполниться осознанными смыслами они могут лишь поднявшись на уровень сознания. Непосредственно сделать это невозможно, поскольку архетипы не даны в чувственном опыте. Они больше близки к инстинктам, поэтому их можно назвать образцами инстинктивного поведения, априорными формами психической деятельности. Архетипы активируются в тот момент, когда возникают соответствующие ситуации, подходящие под те или иные структурные элементы личности [7].

Архетип Персоны

Данный архетип формирует публичный образ, определяет статус и поведение человека в социуме, его умение выстраивать алгоритмы взаимодействия с окружающими людьми на разных уровнях, умение видеть себя со стороны. При этом окружающие видят Маску, за которой прячется невидимая, но истинная сущность человека. Под Маской можно скрыть ту часть личности, которую нежелательно выставлять напоказ, обнажать. Рок-музыканты любят эту тему и через свои субъективные переживания, наложенные на текст, резонируют с коллективным бессознательным поклонников жанра.

Маска играет роль невидимой одежды, скрывающей интимные места психики. Человеку важно, чтобы социум

его принимал. Поэтому так необходимо в ответ примерять на себя те роли, которые предлагаются в процессе социализации как наиболее приемлемые. Как результат, истинная личность может полностью скрыться за Маской и отождествиться с Персоной.

И совсем не понятно кто Я. Паранойя в чужом раю.
Там, где я ничего не стою, перед строем один стою...

И как тень, избегая стен и колен, преклонённых тьмою.

Кто я? Роль моя насовсем, что случилось не так со мною?

(Би2, «Лети»)

Персона накладывается на «Я», и человек перестает осознавать свои истинные чувства. Зато очень хорошо разбирается в перипетиях тех социальных ролей, которые играет. Происходит подмена настоящей жизни игрой, что может негативно сказываться на судьбе человека.

Архетипическим образом Персоны является маска – символ психологической структуры, которую можно считать посредником между «Я» и социумом. Маска – символ компромисса между личной экзистенцией и общественными ожиданиями от конкретной личности.

Рок-музыка способна Маску трансформировать. Искусство влияет на бессознательное. На уровне подсознания человек способен считывать программы, заложенные в музыкальных произведениях, поскольку, музыка является довербальным искусством, тесно связанным с системой архетипов. Рок-музыка способна обнажать архаичный уровень ощущений через снятие психологических барьеров, высвобождать бессознательное, оказывать терапевтический эффект. Страсти в ней накалены до предела, а архетипы порой обнажаются до самой своей сути. Можно сказать, что архетипы являются методом воздействия бессознательного на сознание. В такие моменты человек способен отодвигать маску, более смело проявлять свою индивидуальность, искать пути лучшей адаптации к социальной действительности.

Персону Юнг рассматривал в качестве коллективного фрагмента психики, играющего роль защитной оболочки. Если Маска в процессе экзистенциальной эволюции человека получилась страшной и эстетически неприемлемой для самой личности и социума, есть возможность сделать ее мягче, ярче, более приемлемой для «Другого». Рок-музыка позволяет человеку сделать более осознанным различие между его социальными ролями и истинной внутренней идентичностью.

Архетип Анимы

Юнг считал, что в основе феминности мужчин и маскулинности женщин лежат архетипы, соответственно

Анима и Анимус. Конечно, нельзя отрицать факт, что обоим полам присущ набор мужских и женских гормонов. Но только этим фактом не объяснить широкий спектр проявления феминности и маскулинности у противоположных полов на психологическом уровне.

Анима – сложный двойственный архетип. С одной стороны, он формирует в сознании мужчины чувственный женский образ, в котором собраны все черты «идеальной» женщины. В рок-балладах музыканты прибегают к образу идеальных красавиц, богинь, возлюбленных.

Она придет ко мне по тысяче ветров,
Пройдя по радуге над городом мостов.
Алмазы звезд в ее руках – она их бросит в полночь...
Она хранит меня, любовь ее священна...
Как я люблю ее, слова ее как свечи.
Я говорю с ней, но всегда меж нами вечность.
(Аквариум, «Другая»)

Именно этим бессознательным образом мужчина руководствуется при выборе женщин, которых готов впустить в свою жизнь. Рок-музыканты любовной лирике отводят почетное место в своем творчестве. Анализ текстов показывает широкую палитру проблем, связанных с безответной любовью, экзистенциальным страхом одиночества, страстными разрушающими отношениями, приводящими к пограничным ситуациям.

Любовная рок-лирика также восхваляет любовь, рассматривая ее как одну из главных экзистенциальных потребностей человека. Любовь делает жизнь яркой, насыщенной, творческой.

С другой стороны, архетип Анимы характеризует для мужчины внутреннюю психологическую женщину, которая может высвечиваться в виде сильных перепадов настроения, повышенной капризности, чувственности, интуитивности, иррациональности, женоподобном поведении. Можно сказать, что Анима символизирует мужскую потребность в признании, сочувствии, гедонизме.

Анима – это проводник между сознанием и бессознательным мужчины, камертон его настроения. В рок-музыке такие состояния являются источником творчества. Яркие и сильные субъективные эмоции вплетаются в музыкальное произведение и становятся средством решения экзистенциальных проблем.

По своей природе Анима является женским архетипом, в котором сосуществуют добро и зло, святость и греховное, богиня и падшая женщина. Данный архетип персонифицируется в Эросе.

Архетип Анимуса

Как и в случае с архетипом Анимы, Анимус является также двойственным. Он формирует для женщины собирательный чувственный образ мужчины, которым и руководствуется слабый пол в выборе, например, спутника жизни. Рок в женском варианте часто обращается к теме, например, обожествления слабым полом своего мужчины, или разочарования в поисках идеала.

С другой стороны, Анимусом представлен внутренний психологический мужчина, дающий женщине возможность быть стойкой, упрямой, умеющей постоять за себя, отстаивать свои права, мыслить стратегически и разумно. Так, в рок-произведениях поднимается тема сильной женщины, которая опору видит только в себе.

Держи меня за руку долго, пожалуйста,
крепко держи меня, я не пожалуюсь.
Сердце в плену не способно на шалости,
если не хочешь потери - молчи.
Я путь свой сама устелила пожарами,
ядом, отчаяньем, страхами, ранами,
кровью без крови, ожогами шалыми.
Не отпускай мою руку, держи!
(Диана Арбенина, «Держи»)

Анимус на основе априорных предпосылок формирует мужское поведение женщины. По природе Анимус – мужской архетип, персонифицирующийся в Логосе.

Через Аниму и Анимуса человек чувствует природу противоположного пола, что ведет к гармонии во взаимоотношениях.

Однако, возможен прямо противоположный эффект в случае, когда к партнеры предъявляются слишком высокие требования, которые подсознательно связаны с архетипичным представлением об идеале.

Юнг считал, что Анима и Анимус эволюционировал в коллективном бессознательном через постоянный опыт с противоположным полом. Этот опыт был импринтирован сильнейшими природными инстинктами, чувствами и переживаниями. Эти архетипы должны гармонично дополнять личность. Их игнорирование может привести к серьезным проблемам на пути самореализации.

Архетип Самости

Данный архетип Юнг считал важнейшим, поскольку он объединяет все элементы психики человека, способствует целостности личности, определяет ее порядок и потенциал, высвечивает экзистенцию, выделяет определенную личность из среды других. Благодаря Самости, как центру личности, человек принимает себя со всеми проявлениями как на сознательном уровне, так и на

Архетип Тени

бессознательном. В рок-творчестве поднимаются темы высвечивания своего истинного «Я» через негативные переживания. Когда человек возможно оказывается на грани пропасти, заглядывает в нее, видит на дне свои проблемы, которые призывают сдаться и прийти к ним. Но находит силы понять, что на дно ему не надо и делает уже осознанно шаг прочь.

Не осталось ни силы, ни ощущения боли.
Тоской изъедена душа, как личинками моли.
Всё катится в пропасть, причем уже не в первый раз,
И равным образом употребляет дружеские фразы.
Всё кому-то подарено, потеряно, продано.
И сердце кровью облито, за ужином подарено.
Осталась только грязь на дне карманов одежды
И какое-то чувство, что-то вроде надежды.
(Дельфин «Надежда»)

Архетип связан с тенденцией определенным образом реагировать на соответствующий объект и ситуацию. Он всегда живет в бессознательном, достичь непосредственно сознания архетип не в состоянии. Однако это возможно сделать опосредованно, через символы. Юнг неоднократно подчеркивал, что символы в разных культурах поразительно схожи. Причина этого кроется в том, что символы восходят к общим для всего человечества архетипам. Таким распространенным символом, к примеру, является мандала – воплощение единства и целостности «Я». Мандала – это символ архетипа Самости.

Человек приходит к Самости через процесс индивидуализации. Можно сказать, что состояться экзистенциально, значит интегрировать и гармонизировать в себе коллективное бессознательное, убрать внутренний конфликт, стать целостным. Например, в рок-музыке ярко высвечивается проблема одиночества. Одиночество способно и разрушить человека, и создать его заново, на более целостном уровне, привести его к «Я». Этот процесс должен сопровождаться наполнением новыми смыслами и ценностями. Через творческие энергии сделать это всегда легче. Если человек не имеет творческих талантов, приемлемо воспользоваться уже существующим, резонирующим с твоими экзистенциальными проблемами.

Данный архетип сложен тем, что достичь целостности сложно, необходимо, чтобы все компоненты личности достигли гармонии. Чем гармоничнее человек, тем чаще он подвержен состояниям сильного вдохновения [5]. К пониманию Самости Юнг пришел в процессе исследования восточных религий и философий, где есть понятие центрирования. Самость – это божество внутри нас, высшее благо и любовь. Христос, Махавира, Будда – пример воплощения Самости.

Все, что скрыто от посторонних глаз, что является нежелательным, социально неприемлемым, относящимся к темным страстям, все это выражается через архетип Тени. Этот архетип больше находится в области индивидуального бессознательного, куда вымещены нежелательные установки, опыт, мысли. К примеру, человек сталкивается с проблемой, сильной всепоглощающей страсти, но при этом не менее сильно боится эту страсть впустить в жизнь из-за страха лишиться свободы, работы, самой жизни. В этом случае возникает болезненный антагонизм между «хочу» и «надо», который способствует обрастанию архетипа Персоны мощными эмоциями, и рождается «анти-Я». Качество жизни при этом резко ухудшается.

В рок-музыке архетип Тени высвечивается в темах, связанных с понятиями свободы, смерти, смысла жизни и др. Смысл жизни отдельного человека формируется из того набора ценностных смыслов, которые он вплетает в свои цели и задачи. Данный набор включает в себя порой ценности, неприемлемые в культурной среде проживания, что создает мощный экзистенциальный конфликт. Чтобы с ним справиться, подобные ценности уходят в Тень.

Если свет, который во мне, - есть тьма, то какова тогда тьма?
Я худое око без ночи и дня, сам себе позор и тюрьма.
Помыслами путан, пороками мят, перепачкан пеной молвы.
Я засохший корень, запекшийся яд в стеблях перепрелой ботвы.
(Алиса, «Моя война»)

Архетип Тени символично обнажает двойственность человеческой природы и играет роль фильтра, через который проходит то, что социально приемлемо. Человеку кажется, что это его предпочтения, он забывает свои истинные предрасположенности. Но эти предрасположенности никуда не исчезают, на бессознательном уровне они создают противоречия, порождающие все новые и новые маски.

Все вытесненное проявляется на психическом уровне в виде комплексов и фобий. Причем человек, как правило, проецирует Тень на других людей, считая, что у него самого отсутствуют порицаемые социумом качества. Проецирование Тени на других усугубляет проблему, поэтому важно встретиться лицом к лицу со своей темной стороной. Такая встреча очень болезненна, но необходима, поскольку Тень, по Юнгу, является мощным источником жизненной силы. С этой стороной личности возможно дружить и сублимировать ее в созидательную творческую энергию. Осознание Тени, признание этого

архетипа как обязательной части целого является важной задачей, поскольку вытесняемое при дальнейшем подавлении становится сильнее и мешает гармоничному сосуществованию с людьми.

Заключение

Архетипы являются очень древней системой человеческих установок и реакций на мир. Основания личности архетипичны, бессознательны, природны. Наиболее сильно эти основания проявляются в искусстве, которое создается, как правило, на архетипичном материале. Архетипы способны проникать в сознание не напрямую, а через ассоциированные переживания, которые в большом количестве способна вызывать музыка. Рок-музыка обладает сильнейшей энергетикой, на которую наложены тексты с глубоким

мировоззренческим смыслом. Экзистенция человека постоянно эволюционирует, обрастая новыми смыслами и ценностями, и музыка способна эту эволюцию направить в более правильное и мягкое русло. Архетипы – это матрицы, заполненные субъективным содержанием. Порой это содержание формировалось под воздействием негативных событий, ложных выводов, вытесненных переживаний. Рок-музыка способна снимать психологические барьеры, поставленные в трагические моменты жизни, заново пережить негативный опыт, осмыслить его на более позитивных и мудрых смыслах. Рок способен сильно волновать самые архаичные пласты психики человека, что способствует терапевтическому эффекту, более полному соединению различных аспектов личности, приходу к Самости. Пожалуй, эта сторона является главной в объяснении феномена рок-музыки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко Н.А. Фундаментальная онтология М. Хайдеггера и проблема субъективности // Гуманитарная студия. 2008. № 4. С. 9-12.
2. Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2008.
3. Фетисова Е.Н. Экзистенциальная терапия рок-музыки (на примере «русского» рока) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 5. С. 105-107.
4. Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного. М: Когито-Центр, 2006.
5. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006.
6. Юнг К.Г. Психологические типы. М.: АСТ, Хранитель, 2008.
7. Юнг К.Г. Структура и динамика психического. М.: Когито-Центр, 2008.
8. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. М.: Академический Проект, 2009.

© Фетисова Евгения Николаевна (evseneya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Филатов Вадим Валентинович

*К.ф.н., доцент, Западный филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы,
Калининград
vadim.filatov@yandex.ru*

CIVILIZATIONAL APPROACH TO THE PROBLEM OF CULTURAL SELF-IDENTIFICATION OF THE POPULATION OF THE KALININGRAD REGION

V. Filatov

Summary: The article deals with the cultural specifics of the Kaliningrad region from the standpoint of the civilizational approach. In particular, the article explores the causes of the problems of the local population in the subject field of cultural self-identification.

Keywords: civilization, cultural self-identification, regional style.

Аннотация: В статье с позиций цивилизационного подхода рассматривается культурная специфика Калининградской области. В частности, исследуются причины проблем местного населения в области культурной самоидентификации.

Ключевые слова: цивилизация, культурная самоидентификация, региональный стиль.

Цивилизационный подход в изучении культурного пространства, отражающий стремление акцентировать основное внимание на различных аспектах автономии культуры (вопреки всем версиям структурно-функциональной теории), не уступает в данном отношении культурному детерминизму. Цивилизационные образования основаны на сочетании культурных представлений о мире с регулирующими рамками социальной жизни, но взаимосвязь между этими двумя уровнями открыта для противоречивых интерпретаций и их стратегического использования.

Известно, что цивилизационный подход применим прежде всего к государствам, в то время как Калининградская область государством не является. Однако, в силу специфики географического положения (т.к. она является эксклавом России внутри государств Евросоюза), здесь сложилась необычная для российских областей ситуация, для рассмотрения которой можно всё-таки попытаться, в нарушение принятых методик, применить цивилизационный подход, согласно которому развитие происходит не линейно, а многовекторно (теория культурного релятивизма). При этом в качестве центрального критерия выявления цивилизационной специфики выступают особенности культуры: мировоззрение, история, религия, природа, обычаи – иными словами всё, что составляет культурное пространство. А культурное пространство, в свою очередь представляет собой «пространство реализации человеческой виртуальности (задатков, возможностей, способностей, желаний и пр.), осуществления социальных программ,

целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм, и т.д.» [3, с.43] Если говорить о Калининградской области, то все перечисленные составляющие культурного пространства имеют в контексте всё того же географического положения определенные особенности. Например, близость к странам Евросоюза, и (вплоть до последнего времени) облегченные возможности их посещения, а также наличие интенсивных программ культурного обмена – всё это вызывает серьезный интерес у населения области, особенно у молодёжи. При этом многие молодые люди вообще ни разу не были в так называемой «Большой России», но имели возможность в любое время съездить в Литву или в Польшу, воочию сравнив качество жизни здесь и там. В этой связи представляется уместным упомянуть, что, согласно Сэмюэлю Хантингтону, по мере усиления контактов между локальными цивилизациями будет нарастать культурная конкуренция и вытекающие из неё конфликты.

В данном контексте приметы внутреннего конфликта просматриваются в Калининградской области в форме противостояния в местном культурном пространстве так называемых «германизаторов» и, так сказать, «русских патриотов». Второе обозначение достаточно условно, потому что данная часть калининградской общественности консолидируется преимущественно на основе насчитывающего несколько десятилетий истории советского прошлого. В частности, вокруг весьма сомнительной исторической личности М.И. Калинина, который во-многом дискредитирует

соответствующую систему ценностей, но заменить эту фигуру, похоже, нечем. С так называемыми «германизаторами» ситуация сложнее, поскольку, несмотря на то, что вплоть до 70-х годов прошлого столетия (а местами и сегодня) Калининградская область была похожа на местность, где война закончилась только вчера, туристическая привлекательность, и, как результат, финансовые поступления в областной бюджет – всё это, хотим мы этого или нет, во-многом связано с интересом к сохранившимся здесь, хотя бы в виде развалин средневековых замков, германскому наследию. Как результат, у части населения Калининградской области, которое к тому же ежегодно подпитывается многочисленными, представляющими различные этносы и религиозные конфессии мигрантами, можно наблюдать приметы кризиса самоидентификации. Это проявляется, например, в болезненной реакции на различные, как правило, молодёжные варианты неофициального наименования Калининграда. В областях России, где также в 90-е годы возникали идеи культурной автономии, скажем, в Свердловской области местные жители относятся к неофициальному имени города Екатеринбурга с соответствующим юмором. Это свидетельствует о том, что с культурной самоидентификацией на Урале дела обстоят нормально.

Одним из авторов теории локальных цивилизаций, заметно расширившим критерии классификации различных исторических типов государственности, был русский социолог и панславист Н.Я. Данилевский, который в своем сочинении «Россия и Европа» (1869) выдвинул теорию обособленных «культурно-исторических типов» (цивилизаций), отличающихся самостоятельностью и своеобразием религиозного, общественного, бытового и иного развития. [2] Данилевский выделил следующие, наиболее, на его взгляд, аутентичные критерии определения специфики культурно-исторической общности: религию, в широком смысле – культуру, включающую науку, искусство, промышленность, а также политическую и социально-экономическую деятельность. При этом характерно, что на первом плане у него стоит религия. Данилевский также был глубоко убеждён в том, что Европа не только нечто совершенно чуждое России, но даже враждебное, что её интересы не только не могут быть созвучны российским интересам, но в большинстве случаев прямо им противоположны. В качестве подтверждения данной точки зрения он приводил пример Крымской войны, когда ряд европейских государств объединился и вступил в военные действия на стороне мусульманской Османской империи против христианской, то есть, казалось бы, в религиозном отношении намного более близкой к Европе России. Согласно Данилевскому, Османская империя, с точки зрения его теории культурно-исторических типов, оказалась намного ближе Европе, чем Россия. Отдельно можно упомянуть

критику Данилевским дарвинизма, который он прямо выводил из особенностей английской ментальности:

«Теория Дарвина есть учение чисто английское, включающее в себя не только все особенности направления английского ума, но и все свойства английского духа. Практическая польза и состязательная борьба, вот две черты не только, в значительной мере, дающие направление английской жизни, но и английской науке. На полезности, утилитарности основана Бентамова этика, да в сущности и Спенсера также; на войне всех против всех, настоящей борьбе за существование – Гоббсова теория политики; на состязании или соперничестве – экономическая теория Адама Смита, да и вся по преимуществу английская наука политической экономии» [1, с. 486].

Другой автор теории локальных цивилизаций Арнольд Тойнби определил цивилизацию как замкнутое общество, характеризующееся при помощи двух основных критериев: религии и форме её организации; а также территории и степени удалённости от того места, где данное общество первоначально возникло. [2, с.83] Что касается первого критерия, то значение православной религии в жизни российского общества, и особенно общественный интерес к участию в различных формах её социальной институционализации в последнее время заметно уменьшается. Согласно последнему опросу ВЦИОМ (15.03.2021) формально о своей принадлежности к православию заявили 66% респондентов, преимущественно в возрастных группах 35-59 лет и старше 60 лет. При этом по сравнению с аналогичными данными 2017 г. общий процент заметно сократился. Кроме того, в 2021 году планировали соблюдать пост лишь 17 % православных. [5] Одновременно соответствующие данные Левада-центра показывают, что среди православных в жизнь после смерти верит всего 33%, сомневаются – 46%, абсолютно не верят 20%. В целом, если от 100% православных в бессмертие души, царствие небесное и религиозные чудеса верят от 31% до 33%, то, следовательно, в России православных не 63%, а фактически только 20%. При этом число неверующих в целом по России за последние четыре года увеличилось почти в четыре раза. [6]

В чём состоят причины преобладания в числе православных верующих представителей старших и средних возрастных групп (а в гендерном отношении – женщин, в чем можно легко убедиться, зайдя в Калининградской области, равно как и в остальных областях России, в любой христианский храм)? На наш взгляд, значительный рост интереса к религии и церкви в 90-е годы был связан со снятием существовавших по отношению к религии в СССР атеистических запретов и полузапретов, и катастрофическим падением уровня жизни населения. В ну-

левые годы социально-экономическая ситуация начала постепенно выравниваться, а православие приняло на себя функции государственной идеологии, во-многом заполнившей идейный вакуум, возникший после того, как марксизм утратил свою роль «единственно верного учения». Однако сложившаяся на сегодняшний день ситуация, когда церковь выступает как идеологическое дополнение к системе управления государством и никогда и ни в чем ни разу не заявила своей самостоятельной, отличной от государственной позиции, закономерно привела к определенной девальвации вначале церковных, а затем и религиозных ценностей. Ведь полное слияние государства и церкви оставляет за последней лишь функцию ритуальной психотерапии, что не может удовлетворить неформальную часть православных и одновременно раздражает ту часть населения, которая придерживается научной картины мира. Ещё одна причина – улучшение материальной базы образования, и, как следствие, охват его различными формами значительной части молодёжи. Нужно учитывать, что наука, в отличие от религии, даёт вполне конкретные и обоснованные ответы на многие, в том числе и мировоззренческие вопросы, и делает повседневную жизнь ощутимо комфортнее. Разумеется, населению, и прежде всего молодёжи, это не может не импонировать.

Таким образом мы видим, что, если принять за основу определение цивилизации, предложенное Тойнби, то первая часть указанного определения (религия) представляется, в значительной степени, утратившей свою актуальность – в отличие от территориального фактора, который активно работает.

В этой связи можно ещё упомянуть вмещающий ландшафт, который в древних цивилизациях выполнял роль воспроизводства определенных культурных традиций. Когда большинство населения проживало в сельской местности, именно окружающая природа (помимо всего прочего) влияла у каждого следующего поколения на формирование и развитие особенностей характера, свойственных данной ментальности. Сегодня, когда население в основном сконцентрировалось в мегаполисах, а также в средних по численности жителей городах, одним из которых является Калининград, изменился и вмещающий ландшафт. Он принимает ярко выраженные урбанистические черты и в значительной степени выражает здесь не славянскую, и даже не советскую, а германскую ментальность. Это касается архитектуры многих жилых домов, а также храмов, иных зданий и культурных объектов. В принципе большинство православных храмов Калининградской области как раз и демонстрирует амбивалентность местного культурного пространства, ибо они выступают как бывшие лютеранские (реже католические) храмы, выполненные в стиле готической архитектуры по форме и православные по

внутреннему содержанию. Думается, что данный феномен в целом характерен для всей Калининградской области, а также для культурной самоидентификации значительной части её населения. Скажем, жители Черняховска (бывшего Инстербурга) являются обитателями одного из наиболее сохранившегося в период Великой Отечественной войны небольшого немецкого городка, в котором, в отличие от Калининграда, удачно остались неразрушенными центральные улицы. Но вот ментальность населения Черняховска в первом приближении ничем не отличается от особенностей характера жителей какого-нибудь маленького районного центра или даже села из саратовской глубинки. Ощущают ли они этот разрыв? Многие да, поскольку там живет достаточно людей, озабоченных сохранением уникального местного культурного пространства. Или, если угодно, вмещающего ландшафта.

Если говорить о замкнутом (закрытом) обществе, то в период широкого распространения интернета и других средств коммуникации данное понятие утратило, на первый взгляд, свой первоначальный смысл. Тем не менее, для многих, включая молодёжь, очевидно, что повседневное дистанционное общение (и, тем более, образование) способно выступать лишь в качестве примитивного суррогата (имитации) непосредственных живых контактов. А в современной ситуации непрекращающейся пандемии с её периодическими ограничениями, переводом целого ряда социально – значимых сфер жизни в дистанционный режим, а также запретом допуска к ним значительной части населения, включая полный или частичный запрет на выезд за пределы области, положение Тойнби о замкнутом обществе становится как никогда более актуальным. Что касается степени удалённости Калининградской области от того места, где данная цивилизация (согласно Тойнби – православно-христианская) изначально сформировалась, то существование обозначенного фактора налицо. Как выяснилось, второй закон термодинамики, предсказывая неизбежность тепловой смерти Вселенной и конечного торжества хаоса, превращает пессимизм из плохого настроения в научно обоснованную доктрину. А в сложившихся условиях, когда кризис культурной самоидентификации населения Калининградской области подкрепляется его искусственным разделением, а также общей неуверенностью в ближайших перспективах, проявляются зримые симптомы расстройства процесса передачи культурной традиции, рассуждая о которой в данном контексте, можно слегка перефразировать известный философский вопрос Мартина Хайдеггера: непонятно, почему всё ещё есть нечто, а не ничто?

Тем не менее, можно с некой долей оптимизма утверждать, что, несмотря на определенную амбивалент-

ность и проблемы с самоидентификацией населения исторически сложившегося калининградского культурного пространства, здесь сформировался достаточно уникальный (для России, да и не только) региональный стиль. Эта категория имеет в исторической этнологии ярко выраженные региональные черты. При этом имеются в виду не только архитектурные стили, о которых говорилось выше, но и образ жизни, взятый в целом. Региональный стиль содержит саморазвивающиеся

черты, которые часто проявляют себя в оппозиции к присутствующим здесь культурным тенденциям и влияниям: как к восточному, так и к западному. Отмеченная оппозиционность входит в жизнь Калининградской области эмоционально-образным путем. В итоге, именно региональный стиль представляет собой внешнюю, выразительную форму, придающую данному культурному пространству целостность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование. М.: ФИВ, 2015. — 976 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002. — 550 с.
3. Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура / Аналитика культурологии. — 2010 № 18, с. 42-53.
4. Тойнби А.Дж. Постижение истории. Сборник. / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова, М., Рольф, 2001. — 640 с., ISBN 5-7836-0413-5, т. I. Введение. Сравнительное исследование цивилизаций, Предварительная классификация обществ данного вида, с. 82-85.
5. Сайт ВЦИОМ <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021>
6. Сайт Левада-центра <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-v-sverhestestvennoe/>

© Филатов Вадим Валентинович (vadim.filatov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Наши авторы

Our authors

Akoeva N. – Doctor of Historical Sciences, professor, Krasnodar State institute of culture

An S. – Doctor of Philosophy, Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Arkhangel'skaya N. – Head, clinical psychologist, psychological training Center "A&B Coach"; postgraduate student, Russian State Social University, Moscow

Banik E. – Graduate student, FSAEI HE «First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov»

Bobykina T. – Postgraduate Student, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

Bolmusov P. – Postgraduate Student, Mordovian State University named after N.P. Ogarev

Bozhedarov D. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, N.P. Ogarev Mordovian State National Research University

Brosova N. – Professor, NRU «Belgorod State National Research University»

Donskaya O. – graduate student, Lomonosov Moscow State University

Drozodva I. – Associate Professor, Moscow Humanitarian Economic University

Eldin M. – D. Philos. n., Professor, Mordovian State University named after N.P. Ogarev

Ermochenko A. – National Research University ITMO

Fedyukova N. – Candidate of Economics, Associate Professor, Pskov State University

Fetisova E. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Pacific State University, Khabarovsk

Filatov V. – PhD, associate Professor of the Western branch of the Russian Academy of national economy and public administration, Kaliningrad

Galimyanov I. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of KFU

Grinkov A. – Listener, Far Eastern Institute of Psychology and Psychoanalysis

Kayasheva O. – Associate Professor, Moscow State Regional University

Khakimova M. – assistant, Moscow Pedagogical State University

Korenoi A. – competitor of Krasnodar State Institute of Culture

Kozlov V. – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Yaroslavl State University

Krug E. – Candidate of Economics, Associate Professor, Pskov State University

Lezhneva T. – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

Misbakhova A. – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of KFU

Ozhigova L. – D.Phil. in Psychology, Professor, Kuban State University

Parshikova G. – Ph.D. in Philosophy, assistant professor, Bryansk State Technical University

Potapenko V. – PhD student, Kuban State University

Protasov S. – East Siberian state University of technology and management, Ulan-Ude

Ruzmanov A. – N.P. Ogarev Mordovian State National Research University

Sedelnikov M. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Shmatova E. – Moscow Institute of psychoanalysis

Sirazieva T. – postgraduate student, Kazan State Medical University

Sizaeva V. – Associate Professor, Academy of Public Administration (Mytishchi)

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Trofimova E. – Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Tuzhba T. – Senior Lecturer, Academy of Public Administration (Mytishchi)

Varakina M. – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

Wang Xinxin – Teacher, Heihe University, Heihe City, China

Yakushina N. – Postgraduate, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Yanchikov V. – clinical psychologist, head of the Institute of Evidence-based Psychosomatics "EVIRA", Moscow

Yang Liu – postgraduate student, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

Zaytseva I. – psychologist, LLS «CASO TB»,

Zhang Yang – Librarian, Heihe University, Heihe City, China

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).